

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 3 (39) | 2025

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (39)

Киров
2025

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2025

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (39)

Kirov
2025

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сафронова Алевтина Михайловна. Немец Иоганн Иосиф Спринцель – первый служитель медицины на горнозаводском Урале (1722–1736)</i>	9
<i>Копырина Сардана Николаевна, Плате Алисе. Дорожная аптека берг-советника И.-М. Михаэлиса (1721–1726 гг.).....</i>	21
<i>Касанов Антон Сергеевич. Формирование еврейской общины в Вятке в XIX – начале XX в.....</i>	28
<i>Кулинский Андрей Андреевич. Исторический факультет Свердловского государственного педагогического института и «Большой террор» 1937–1938 гг.</i>	36
<i>Ларин Николай Васильевич. Трудовая занятость беженцев периода Первой мировой войны (на материалах Рязанской губернии).....</i>	45

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Осипов Евгений Александрович. СЭВ в 1967–1968 гг. Взгляд из Франции. По материалам архива МИД Франции</i>	54
<i>Левченко Максим Владимирович. Противоречия между Гельмутом Колем и Франсуа Миттераном (1982–1995 гг.). Поиск путей сближения двух стран на пути к единой Европе.....</i>	61

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Аль Зидейн Арин Ахмад Оде. Иордания и Иран: тонкая дипломатия на фоне региональных перемен.....</i>	70
--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Герман Роман Эдуардович. Теория аккультурации как методология исследования истории окраин Российской империи</i>	79
<i>Зубов Владимир Евгеньевич. История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ). Часть II.....</i>	85

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Моряхина Кристина Викторовна. Перстни, характерные для средневекового населения Пермского Предуралья</i>	93
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ненашев Михаил Иванович. О сюжетных линиях в рассказах А. П. Чехова.....</i>	104
<i>Шестакова Елена Юрьевна. Концепция христианской духовности в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» (на материале главы «Крещение»).....</i>	126

<i>Батина Дарья Владимировна. Драматургические интерпретации предания об установлении в Новгороде власти Рюрика в пьесах Я. Б. Княжнина и Екатерины II</i>	133
--	------------

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Safronova Alevtina Mikhailovna</i> . German Johann Joseph Sprinzel – the first minister of medicine in the mining Urals (1722–1736).....	9
<i>Kopyrina Sardana Nikolaevna, Plate Alice</i> . The Travel Pharmacy of Mining-Councillor J.-M. Michaelis (1721–1726)	21
<i>Kasanov Anton Sergeevich</i> . Formation of the Jewish Community in Vyatka in the 19th – early 20th centuries.....	28
<i>Kulinsky Andrei Andreevich</i> . The History department of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute and the "Great terror" of 1937–1938	36
<i>Larin Nikolay Vasilyevich</i> . Employment of refugees during the First World War (based on the materials of the Ryazan province)	45

GENERAL HISTORY

<i>Osipov Evgeny Aleksandrovich</i> . CMEA in 1967–1968. View from France. Based on materials from the archives of the French Foreign Ministry.....	54
<i>Levchenko Maxim Vladimirovich</i> . Contradictions between Helmut Kohl and François Mitterrand (1982–1995). Search for ways to bring the two countries closer together, on the way to a united Europe	61

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Al Zeedyein Areen Ahmad Odeh</i> . Jordan and Iran: delicate diplomacy against the backdrop of regional change.....	70
--	----

HISTORIOGRAPHY

<i>German Roman Eduardovich</i> . The theory of acculturation as a methodology for studying the history of the outskirts of the Russian Empire	79
<i>Zubov Vladimir Evgenievich</i> . The history of public service in scientific publications 2011–2015 (based on the materials of the RSCI). Part II.....	85

ARCHEOLOGY

<i>Morjakhina Kristina Viktorovna</i> . Rings typical of the medieval population of the Perm Cis-Urals	93
--	----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Nenashev Mikhail Ivanovich</i> . About the storylines in the stories of A. P. Chekhov	104
<i>Shestakova Elena Yurievna</i> . The concept of Christian spirituality in the novel by I. S. Shmelev "Summer of the Lord" (based on the chapter "Baptism").....	126

<i>Batina Daria Vladimirovna</i> . Dramatic interpretations of the legend of the establishment of Rurik's power in Novgorod in the plays of Ya. B. Knyazhnin and Catherine II	133
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.5)"17":61(091)

EDN: DQSVVA

Немец Иоганн Иосиф Спринцель – первый служитель медицины на горнозаводском Урале (1722–1736)

Сафронова Алевтина Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена первому медику, прибывшему на Урал по контракту в 1722 г., Иоганну Спринцелю, с которого начинается история медицинского обслуживания населения казенных заводов Урала. Впервые раскрываются трудности поиска медиков для работы на Урале в 1720-е гг. даже в условиях Санкт-Петербурга и Москвы, отсутствие возможности заменить не очень сведущего лекаря на более опытного и вынужденное удовлетворение его требований, касающихся улучшения материального положения при заключении последующих контрактов. Раскрывается жизненный путь саксонца по происхождению, служившего в шведской армии в годы Северной войны, попавшего в плен и перешедшего на службу в Россию. Спринцель был рекомендован на Урал главой Медицинской канцелярии, ведавшей медициной России и ее кадрами, архиатром И. Л. Блюментростом. Впервые прослеживаются этапы его службы на Урале: при Уктусском заводе, на Пыскоре в 1724 г., отъезд в Москву в 1725 г., согласие вернуться на Урал на условиях повышенного жалования, положенного ему уже как штаб-лекарь; дальнейшее повышение жалования по контракту 1728 г., получение права ведения частной практики в Екатеринбурге. Раскрываются основные направления деятельности Спринцеля: участие в приеме больных в госпиталь, лечении, освидетельствовании их в связи с отставкой, выявлении больных солдат, присланных на строительство Екатеринбурга, больных крестьян для временного освобождения от заводских работ. Эти данные о Спринцеле будут использованы для сравнения с вкладом других медиков-иностранцев, трудившихся на Урале в первой половине XVIII в.

Ключевые слова: горнозаводской Урал, Иоганн Спринцель, В. И. Геннин, контракты, медицинское обслуживание.

В первой половине XVIII в. развивается медицинская служба разных ведомств, в первую очередь военного, морского. Появляется она и на Урале, где формируется главный металлургический центр страны: к трем казенным заводам, Уктусскому, Алапаевскому, Каменскому, к 1725 г. добавляется еще семь. Возникает острая потребность в лекаре для лечения мастеровых и работных людей, но найти свободного медика даже в условиях Москвы и Санкт-Петербурга, чтобы заполучить на Урал, было большой проблемой. Мы решили посвятить специальную статью этому вопросу и раскрыть деятельность первого медика-немца, прослужившего на Урале в течение 13 лет. Важно представлять вклад конкретных личностей в организацию медицинской службы на Урале, а это невозможно без выяснения их жизненного пути. Со Спринцеля начинается история медицинского обслуживания населения горнозаводского Урала, и в этом заключается особый интерес к его личности.

Отдельные сведения о поисках лекаря для заводов приводились в работах В. Берха [1], Ю. Э. Соркина [53]. Н. С. Корепанов уточнял данные о прежнем месте работы Спринцеля: 1) «Штаб-лекарь Тобольского пехотного полка. С 1723 г. в Екатеринбурге». 2) «В 1723 г. в составе воинской команды Тобольского полка прибыл на строительство Верх-Исетского завода (!)»; 3) «Служил по контракту в ведомстве Берг-коллегии в Москве (предположительно с 1720)»; 4) «Уроженец Саксонии, участник Северной войны; служил в шведской армии, после пленения перешел на российскую службу. На Урал прибыл в команде В. И. де Геннина как его личный лекарь» [41, с. 81; 42, с. 528; 43, с. 466; 44, с. 300]. В. И. Старков полагал, что Спринцель прибыл с Генниным сразу же в ранге штаб-лекаря Тобольского пехотного полка [54, с. 19–20].

С. Н. Копырина, без ссылок на документ, сообщила, что Спринцель ранее «успешно служил шведскому королю и к моменту приезда на Урал уже имел солидный медицинский опыт» [39]. Нами затрагивался вопрос о его деятельности на Урале [48], раскрыта история подготовки им лекарских учеников [51]. Реконструкцию деятельности Спринцеля затрудняет полное отсутствие какого-либо комплекса архивных документов об организации медицины, вкрапление единичных документов об этом в дела объемом до тысячи листов, касающихся заводов.

Первая попытка В. Н. Татищева, направленного на Урал Берг-коллегией в 1720 г. для поиска руд и строительства заводов, заполучить лекаря, не увенчалась успехом. Это удалось сделать В. И. Геннину, назначенному Петром I в конце марта 1722 г., чтобы «исправить заводы» и разобрать жалобу, поданную А. Демидовым на Татищева. В доношении Петру I от 10 апреля Геннин просил: «И понеже я волею Божиею всегда грудю скорблю и может быть, что без лекаря безвременно умру, того ради *прошу не для меня, но для отправления вашего величества дел и для лечения будущих при мне нужнейших мастеровых людей, кои заскорбят, дать лекаря с лекарством* (курсив здесь и далее наш. – Авт.), ибо ежели оные в скорбех незапно умрут, то будет великая во всех делах остановка» [38, с. 21]. Как видим, лекарь предназначался для лечения всех заводских мастеровых, а не лично Геннина, как полагал Н. С. Корепанов.

Запись в дневнике В. И. Геннина от 19 июня 1722 г. гласит, что лекарь Иоганн Иосиф Спринцель был назначен в состав его большой команды главой Медицинской канцелярии, возглавлявшей медицинское дело Российской империи, архиатром И. Л. Блюментростом [1, с. 90], за месяц до выезда ее из Москвы, составившей около полусотни человек. По-видимому, уже в пути Спринцель и начал обслуживать ее членов. От Москвы добирались водным путем, только 8 декабря прибыли на Уктусский завод [1, с. 106], где располагалось Сибирское высшее горное начальство. С лекарем прибыл и аптекарский ящик с лекарствами. Видимо, декабрь 1722 г. и следует считать начальной датой организации первой медицинской службы на горнозаводском Урале.

На Уктусском заводе, где начал действовать вместо начальства Сибирский обер-берг-амт, и была организована первая больница. Спринцелю пришлось действовать в необычных условиях: в марте 1723 г., в 6 верстах от Уктуса, началось строительство нового Екатеринбургского завода, земляные работы вели около 10 тысяч крестьян из слобод, помесечно сменяя друг друга; 1 марта на Уктус прибыл батальон солдат Тобольского полка из четырех рот, 25 марта – второй батальон (550 человек) [40, с. 35, 42, 45]. Занят был и весь состав заводской администрации. Ежедневная работа с 4 часов утра до 8 вечера, летом до 9 часов и позже, недостаток пищи, жизнь в шалашах и землянках, подрывали здоровье строителей.

Не прошло и месяца с начала стройки, как Спринцель обнаруживает сифилис среди солдат, 6 апреля подает доношение Геннину: «является много больных французскою болезнью, а на лечение оных лекарства я не имею, а которое лекарство есть, и то велено держать для нуждных мастеровых людей, для которых оное лекарство дано». Геннин приказывает: поскольку лекарств нет, работать больные не смогут, «а есть хлеба скудность» и денег на содержание полка еще не прислано, и опасно заражение, послать указ полковнику Брикзгаузену, возглавлявшему второй батальон солдат, чтобы лекарь освидетельствовал больных. Уже 10 апреля Брикзгаузен сообщил список, составленный Спринцелем: фамилии 4 сержантов и 10 солдат, а у двух солдат пострадали конечности: «левая рука сохнет», у другого – «на левой ноге проломы и жилу свело под коленой». В этот же день Геннин приказал вернуть их в Тобольск [2].

В феврале 1723 г. у Спринцеля появились два первых ученика (всего он обучал пятерых, но достойным оказался лишь один) [см.: 51]. В июне 1723 г. Спринцель подал доношение Геннину: «О даче на лекарства свеч да рубашек старых или ветошей, ежели рубашек не найдется, хотя холста на пластыри». И начальник заводов распорядился: «отпустить на каждый день по одной свече, а для пластырей купить старых рубашек и ветошей, а когда старых рубашек и ветошей купить негде, то купить холста сто аршин» [45].

После снятия с Татищева указом Петра I вины по жалобе Демидова, в октябре 1723 г., он был определен главным членом Сибирского обер-берг-амта и полностью отдался доработке нового наказа заводскому комиссару Ф. Неклюдову, подписанному Генниным 15 октября, за несколько дней до пуска Екатеринбургского завода в строй. В этом документе впервые были регламентированы основы организации медицинской службы в будущем госпитале Екатеринбурга, который еще только строился [см.: 48].

Квалификация Спринцеля уже на первом году его деятельности вызвала сомнение у начальства. Не случайно 19 ноября 1723 г. Геннин писал кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову о своем желании, как закончит дела, ехать в Москву или Петербург «для лечения моей

болезни, о которой я zelo опасность имею, а имянно – ослабление левой ноги да руки малой признак слышу, пожалуй, не умертви ты меня здесь напрасно за мою большую службу здесь в дальности без аптеки и доктора» [38, с. 154]. В «Табели служителей Сибирского горного высшего начальства с их оклады», составленной осенью 1723 г., показан «Лекарь Принцель» с жалованием 120 руб. в год. В графе «Впредь быть» отмечено: «На его место другого прислать» [38, с. 160]. Т. е. уже в начале своей деятельности он был признан недостаточно годным для этой должности. Отмечалось: «В дополнение по крайней мере потребно»: «Доктор медицины. Лекарь. Аптекарь». В «Табели» заводов 1723 г., первых заводских штатах, при заводах показан доктор медицины с окладом 240 руб. в год, лекарь и аптекарь с жалованием по 120 и 100 руб. При лекаре и аптекаре по двое учеников, по 18 руб. в год каждому [38, с. 167]. Эти штаты В. Н. Татищев в ноябре 1723 г. отвез на утверждение в Берг-коллегию.

Из Екатеринбурга В. И. Геннин продолжал активно хлопотать о присылке медицинских служителей на Урал, писал об этом и самому императору, и в Берг-коллегию, при этом приводил убедительные доказательства в необходимости иметь хорошего лекаря при заводах, причем не только в Екатеринбурге, но и при новых заводах Пермского края. В 1723 г. пущены в строй Екатеринбургский, Егояхинский, Лялинский, Пыскорский заводы; в 1724 г. – Полевской, Синячихинский. О хлопотах Геннина мы узнаем из указа Берг-коллегии от 30 апреля 1724 г., отправленном ему из Москвы [3]: «Прошедшаго марта 24 числа 724 году в доношении твоём в Берг-коллегию написано: “Понеже великая имеетца нужда в лекарях, как на Екатеринбургские заводы, так и у Соли Камской, и опасно де, чтоб мастеровых людей напрасно без лекаря не подребить и от того остановки в заводских и горных делах не учинить, для того, когда мастер занеможет, а без лекаря пособить ево болезни некому, и о той болезни безвременно умрет, то другова на ево место из Саксонии достать будет трудно и не безубыточно. Дело его мастерства остановятца, и которые ученики ево из русских и останутся, и те за неискуством мастерство свое, которое и приняли, без мастера потеряют”».

Далее в указе Берг-коллегии приводились сведения о результатах личных хлопот Геннина: «А которого лекаря ты, генерал-маюр, на свою персону выпросил у государя, и тот быть там не хочет, надобно де ехать с тобою. А о казанском лекаре, что ево послали в казачей город с полковником Захаровым при дву ротах, драгунской и салдацкой, доносил ты в Берг-коллегию прошлого 723 году июля 29 дня. И сего апреля 23 дня по... приговору Государственной Берг-коллегии велено к тебе... послать для ведома указ, в котором написать об определении оных лекарей по прежде посланному твоему доношению». В отношении Табеля заводов сообщалось, что 23 января 1724 г. она подана в Берг-коллегию, уже передана для утверждения в Сенат. Геннину предлагалось «в Сенат подать еще вторичное доношение, дабы об определении в Сибирское горное начальство и к Соли Камской лекарей по прежде поданным и по сему доношениям в Правительствующем Сенате указ учинить, понеже без оных при тех заводах пробыть невозможно». Коллегия при этом советовала написать, дабы «в Сибирскую губернию к государевым делам выбрали одного штап-лекаря, да лекаря из ыноземцев добрых искусных людей, которые могли то дело снести. А по мнению Берг-коллегии жалованья оным определено давать штап-лекарю сто восемьдесят рублей, лекарю сто двадцать рублей, да при нем по два человека учеников из русских и для опробации о том в Правительствующий Сенат и доношение подано. А как об оных окладах Берг-коллегия ис Сената получит указ, в то время в Медицинскую канцелярию объявить». Берг-коллегия в своем мнении на штат отказала в назначении доктора и аптекаря, предписала «лекарство брать из Москвы», ввела должности штаб-лекаря с окладом 180 руб., лекаря с окладом 120 руб. И Сенат с этим согласился [4].

12 марта 1724 г. Геннин с женою и батальоном солдат в 500 человек покинул Екатеринбург, отправился в Соль-Камскую и на Пыскорский завод, расположенный в 20 верстах от города [40, с. 75]. Спринцель отправился с ним, в Пермском крае он продолжал оказывать медицинскую помощь нуждающимся, лечил на Пыскорском заводе плотинщика Ивана Мелентьева сулемой от французской болезни [40, с. 80]. 16 января 1725 г. на Пыскор пришел именной указ о немедленном выезде Геннина в столицу «для нужнейших Е. в. дел», прибыл он в Петербург 2 марта [38, с. 274], за неделю до похорон Петра I. С Генниным отбыл в Москву и лекарь Спринцель, пожелавший сменить место службы.

Находясь в столице с марта по июнь 1725 г., т. е. в течение четырех месяцев, В. И. Геннин прилагал все свои силы, чтобы заполучить штаб-лекаря и лекаря на Урал. 8 июня он подает доношение Екатерине I, просит послать указ к архиатру Блюментросту, «чтоб он отправил со мною лекаря с надлежащим медикаментом, оное требуется не ради одной моей персоны, но и

ради тамошних командиров и мастеровых людей, понеже без лекаря быть невозможно, и мастеровые люди, как русские, так и иноземцы от великих работ принимают себе часто увечья и болезни, и от того умирают безвременно, а на их места сыскивать и выписывать иных трудно и дорого» [38, с. 275].

В этот же день в поданном в Берг-коллегию «представлении» в 32 пункте Геннин запрашивает: «Ежели лекаря дадут, то жалование ему прибавить ли, понеже без штап-и другога лекаря быть невозможно, и откуда жалование им произвести, о том требовать указа». Берг-коллегия на это объявила: «в Медицинскую канцелярию послать из Берг-коллегии промеморию, и ежели в том она канцелярия весьма откажет, то ему, генералу-маеору, приискивать хотя кого из вольных и жалование оным обещать» [5].

В инструкции, данной Геннину 14 июня 1725 г., Берг-коллегия посвятила медикам пункт 10-й: «Штаб-лекаря и лекаря с медикаментами отправлять из Медицинской канцелярии и содержать онаго жалованьем, также и за медикаменты в Медицинскую канцелярию платить деньгами из заводской суммы». Пунктом 11 предписывалось для проезда Геннину «и при нем будущим лекарям» на зарплату, на наем подвод и судов выдать из Берг-коллегии 600 руб. «на счет заводской» и отчитаться по приезде в Екатеринбург [1, с. 142–143].

В июне же 1725 г. Геннин подает доношение в Сенат, просит «ради всех Сибирских заводов мастеровых людей и протчих служителей» отправить с ним ... из Питербурха или с Москвы искусных штап-лекаря и лекаря». Сенат указом от 17 июня 1725 г. предписывает: «штап-лекаря и лекаря с медикаментом... отправить из Медицинской канцелярии и содержать оных на жалование из заводской суммы» [6]. Но ни штаб-лекаря, ни лекаря Медицинская канцелярия найти не смогла. Уже 11 июня Геннин решает через нее вернуть на Урал Спринцеля, просит, «чтоб Медицинская канцелярия благоволила онаго Спринцеля отправить с ним по-прежнему на Сибирские заводы с надлежащим медикаментом» [6].

23 июня 1725 г. архиатр Блюментрост в личном письме Геннину отвечает, что в Медицинской канцелярии лекарей «не имеетца, а к прежнему лекарю Спринцелю, которой был с ним... в Сибири писано: ежели он по-прежнему при нем в Сибири быть желает, чтоб о том писал немедленно, на которое от него известия не получено. И того ради, по силе учиненного Берг-коллегии определения, лекарей приискивать ему, генералу-маеору, позволено» [7]. Т. е. в условиях полного отсутствия не занятых медиков в ведении канцелярии, Геннин получает от Блюментроста право действовать в их поисках самостоятельно, по своему усмотрению. 30 июня, в день отъезда из столицы, Геннин на всякий случай апеллирует и к Екатерине I, просит приказать архиатру Блюментросту, «дабы он со мною отправил лекаря для меня и мастеровых людей. И без лекаря для частых моих болезней ехать мне с Москвы невозможно для того, что тамо и во всей Сибири лекаря нет» [38, с. 279].

5 августа 1725 г. Блюментрост письмом извещает Геннина: «Понеже лекарь Спринцель писал, что он при нем в Сибири служить хочет, токмо просит, чтоб ему денежного жалования давано было по 12 рублей на месяц, а на год 144 рубли, чем ему было пропитатца, а что де оному Спринцелю, конечно, вышеозначенной оклад по 12 рублей на месяц давать надлежит». 6 августа Геннин подает доношение в Берг-коллегию, «что лекаря Спринцеля принял и принужден ему жалование определить штап-лекаря, понеже он без того ехать не хочет» [8].

В этот же день Геннин заключает со Спринцелем в Москве новый контракт [9]. Первый его пункт гласит: «Обещается оной лекарь, ежели он принят будет за штап-лекаря и дастся довольно ему жалование, служить Е. и. в. в Екатеринбург с числа во оной город ево приезде два года». В течение этих двух лет «определенных во оном Екатеринбург командиров, канцелярских и протчих служителей, и мастеровых, и работных людей, которые у дел определены будут, обязуетца за достойное ему Е. и. в. жалование лечить казенными лекарствами с великим прилежанием безленосно и всеми мерами. О скором получении ему здравия песя и трудиться по всевозможному ево в том искусству» (пункт 2-й). В 6-м пункте уточнялось, что лечить Спринцель «в Екатеринбург и в других подчиненных местах обещается июня с перваго дня 1725 года», получать «каждой месяц яко штап-лекаря по 15 рублей с вычетом по указу без задержания», «свободная квартира и во оную надлежащее число дров», кроме того, «для помощи и при лечении болящих дать ему из салдат одного цырюльника, одного в ученики из школьников».

Таким образом, в безвыходных условиях, когда ни одного лекаря, не говоря уж о штап-лекаре, найти ни в столице, ни в Москве не удалось, не помогли обращения ни к императрице, ни в Сенат, Берг-коллегию, Медицинскую канцелярию, В. И. Геннину пришлось произвольно

повысить ранг Иоганну Спринцелю до штаб-лекарского, точнее, определить ему жалование, полагавшееся по Табели как штаб-лекарь, 180 руб. в год; пообещать дать в помощники цирюльника и одного ученика, хотя по Табели полагалось иметь по 2 ученика и штаб-лекарь, и лекарю. Пунктом 7-м Геннин обещал «давать ему фураж против других штап-лекарей на три лошади натурой или деньгами по тамошней екатеринбургской цене в указные термины без волокиты». Лошади Спринцелю могли понадобиться для разъезда по территории завода и, в случае необходимости, для выезда на другие заводы. Удивляет их число, согласно наказу заводскому комиссару Татищева, утвержденному Генниным в октябре 1723 г., три подводы полагалось брать для разъездов комиссару, по две – приказчикам и надзирателям, подъячим и прочим – по одной, на ближайшие заводы, ближе 24 верст, «ездить всякому на своих лошадях» [55, с. 74]. Обратим внимание и на дату начала выплаты жалования Спринцелю: с 1 июня 1725 г., хотя контракт подписывался 6 августа.

Из Москвы Спринцель вернулся в Екатеринбург в составе команды Геннина 19 ноября 1725 г. [10]. С этого времени госпиталь возобновил свою деятельность в Екатеринбурге. Уральское начальство обратило особое внимание на вопросы его организации. Нормы Адмиралтейского регламента 1722 г. об организации медицины на флоте и в портах России начали внедряться в практику горного ведомства. Ранее начальство дважды обращалось в Московский обер-бергamt с просьбой о присылке этого законодательного акта и Морского устава 1720 г., но получила их только во время поездки 1725 г. [11].

Уже на 6-й день по приезде, 25 ноября 1725 г., В. И. Геннин и Р. Горчаков принимают решение: послать указы во все подчиненные команды, «в которых написать, ежели кто из завоцких и горных служителей, и мастеровых, и работных людей, заскорбит какою ни есть болезнию, то таких немедленно объявляли б лекарю Спринцелю для свидетельства и лечения их болезней, дабы безвременно мастеровые люди от болезней не помирали» [12]. 31 декабря 1725 г., заслушивая поступившие указы Берг-коллегии, приняли решение: «о вычете на медикамент из жалования чинить по силе Адмиралтейского Регламента... по 34-му артикулу, неотменно в казенной Екатеринбургской канторе» [13], т. е. вычитать из жалования по 1 коп. с рубля у всех служащих. История введения этих вычетов, проводившихся со служителей горного ведомства сначала на основе именного указа Петра Великого от 12 декабря 1721 г., поступившего на Уктусский завод из Берг-коллегии только в конце 1722 г. и с 1723 г. постепенно распространявшегося на казенные заводы по 1725 г., об ошибочной трактовке норм Адмиралтейского регламента о сборе по 1 коп. на медикамент как дополнительной платы, привели к тому, что на заводах до 1735 г. собирали по 2 коп. с каждого рубля жалования, эта история подробно изложена в нашей статье [50].

По новому варианту Табели 1726 г., введенному в действие указом Геннина от 22 июня, при Екатеринбургском госпитале числились: штап-лекарь с жалованием 193 руб. 48 коп. и «лекарь для разъезда» с жалованием 120 руб. в год. Кроме лекарей – цирюльник (12 руб.), ученик (7 руб. 36 коп.), на медикаменты выделялось 100 руб., на содержание госпиталя – 50 руб. в год, в т. ч. 18 руб. сторожу с женой, выполнявшей работу поварихи и прачки при госпитале. При этом деньги стали выделяться не из казенных сумм, а из вычитаемых с каждого рубля жалования при выдаче с оговоркой: «если будет мало... то имеет додано быть из остаточных сборных денег на гошпиталь». Геннин пояснял: «вышеупомянутые деньги ... на медь и железо не положены для того, [что] оные деньги платят служители и мастеровые люди из их жалования и из денег, которые даются за зделье, а не ис казны, которые определены на горное и заводское содержание» [14]. Более того, согласно Табели 1726 г. приказывалось содержать «на гошпитальные деньги» и школы в Екатеринбурге – арифметическую и словесную. На это выделялось 265 руб. 80 коп. в год [15].

У Спринцеля подлежали лечению все жители Екатеринбурга, у которых проводились вычеты на медицину: члены администрации, подъячие, мастеровые, драгуны, солдаты, лечились и учащиеся школ, ссыльнопоселенцы. Начали присылаться больные и с других заводов и рудников, поначалу через Обер-бергamt при его указе, но в феврале 1726 г. начальство предписало: «впредь... ему, Спринцелю, принимать и лечить, не дожидаясь о том из Сибирского обер-бергамта указу, а как скоро вылечится, отсылать их на прежния их места в работу немедленно, записывая оных болящих числа, в которых к нему будет кто в лечение прислан и из лечения выдет, впредь для справки имянно» [16]. Т. е. Спринцель получил право самостоятельно принимать больных с других заводов и рудников, присылавшихся управителями контор.

В феврале 1727 г., видимо, в связи с завершением строительства госпиталя, Спринцель подал «роспись» требований, касающихся организации его внутренней службы: назначение

двух людей для содержания госпиталя в чистоте, ухода за больными, стирки белья, приготовления пищи; привел перечень необходимых продуктов для питания лечившихся, посуды. И 13 апреля Сибирский обер-бергamt принял важное решение о порядке содержания госпиталя по всем этим вопросам, опираясь на нормы Адмиралтейского регламента. Таким образом, инициатива, проявленная Спринцелем, имела определенный результат [17].

Некоторые больные лечились в госпитале подолгу, возможно, из-за недостаточной квалификации штаб-лекаря. Так, Алексей Ордин в 1726 г. был взят из крестьян в рекруты и направлен к плавке меди на Полевской завод. Левая нога разболелась, в госпитале пробыл «з год время... лекарь меня от лечения отослал, сказал, что моей скорби излечить не может». Дней восемь поработал, мастер отослал снова в госпиталь, «а лекарь не принял». Два месяца Ордин питался при заводе подаванием, поэтому просил, чтобы «повелено было меня лечить или отпустить для лечения на свободу <...> ежели повелено будет меня лечить, лекарство б давать мне, жалованье на пропитание хотя половинное, дабы мне не помереть голодом». Спринцель показал: «ныне вылечить у него оную ногу от помянутой скорби невозможно, а со временем она болезнь и без лечения сама изойдет», поэтому больного отпустили в дом на три месяца [18]. Спринцель лечил и за плату, подавая доношения в Обер-бергamt о собранных суммах за лекарства. Так, в 1732 г. взял с обер-штейгера Корса 2 руб. 36 коп., с компанейщика К. Хохрякова 2 руб. 40 коп., с подканцеляриста Ф. Носкова за лечение жены 56 коп. Лечил и заводчика Акинфия Демидова, издержав лекарств на 1 руб. 17 коп. В сентябре 1734 г. Спринцель сдал 4 руб. 1 коп. [19].

Наряду с лечением штаб-лекарь Спринцель свидетельствовал больных в связи с выходом их в отставку. 11 мая 1726 г. Берг-коллегия издала указ: без свидетельства лекаря больных от дел не отрешать [20]. В 1726 г. Спринцель осматривал присланных с Полевского рудника горных учеников, сообщил в Обер-бергamt: «очною их болезнь вылечить невозможно». По нормам Военного артикула начальство отправило их по домам для платежа подушных денег. Лудильный подмастерье Илья Углев был возвращен для платежа подати на Олонец [21]. В мае – июне свидетельствовал целые группы молотовых работников, лечившихся в госпитале [22]. Штаб-лекарь выявлял и симулянтов, учащихся школ, пытавшихся освободиться от учения, растравив ногу сулемой [52, с. 445].

Спринцель привлекался и для свидетельства заболевших приписных к заводам крестьян. 28 апреля 1727 г. Обер-бергamt констатировал: «многие крестьяне ныне при рубке дров являются больны и работать не могут, а живут праздно в дровосеке, того ради таких крестьян отсылать немедленно от канторы надзирания лесов к господину лекарю для свидетельства, и буде по свидетельству подлинно явятся больны, то отпускать их з запискою на время со сроком до июня месяца, а в июне... они имеют каждой свой поветок вырубить неотменно» [23].

По указу Берг-коллегии от 9 декабря 1725 г., полученному в Екатеринбурге 20 апреля 1726 г., жалованье как русским, так и иноземцам предписывалось давать по прошествии трех лет, отправляющимся в посылку – выдавать «вперед», смотря по расстоянию пути. Решение о введении этого нового порядка было принято Сибирским обер-бергamtом 25 апреля 1726 г. [24]. Но Спринцель в июне 1726 г. обратился с просьбой о выдаче ему жалованья за полгода: с марта до 1 сентября, а также за полагающиеся рационы деньгами. Объявил «в деньгах нужду для того что, быв в пути от Москвы до Екатеринбурха, оными издержался, а на проезд ему сверх ево жалования ничего не дано». Поэтому Обер-бергamt во главе с Генниным приказал удовлетворить просьбу Спринцеля из сбора «медикаментских денег» и впредь производить по прежнему определению Обер-бергамта «из бору медикаментских». За фураж за прошедшую зиму на 7 месяцев, за овес и сено по покупной цене, а за сечку и солому по примеру прошлых лет, выдать 9 руб. 13,5 коп. [25].

В 1727 г., 28 декабря, в Сибирском обер-бергамте слушали дело о заключении нового, третьего контракта с штаб-лекарем Спринцелем. Он объявил, что желает служить с жалованьем уже не по 15 руб. в месяц, а по 18 руб. 25 коп., в год – по 219 руб. Хотя в 1724 г. Берг-коллегия и положила оклад штаб-лекарю 180 руб., а Сенат утвердил его, начальство констатировало: «оной Спринцель ис того жалованья служить не хочет, и человек он вольной, а здесь при заводах для лечения болящих весьма нужен быть, он надобен, и без него пробыть невозможно, ибо других лекарей никого не имеетца». Поэтому члены Обер-бергамта во главе с Генниным пошли на поводу у Спринцеля и решили по его «требованию» дать 219 руб. в год, контракт заключить без указания срока, «доколе по оному контракту здесь служить пожелает» [26].

В январе 1728 г. в Обер-бергамте с штаб-лекарем был заключен новый контракт, состоявший из 8 пунктов [27]. В нем появился пункт 3-й: «При том он, Спринцель, выговаривает,

чтоб как командирских, так канцелярских служителей, мастеровых и работных людей и прочих всяких, по указу определенных и впредь определяемых, жен и детей, и служителей их, *лечить ему своими лекарствами за достойную плату, а буде своих лекарств иметь не будет, то б казенными и брать у него за оныя в казну деньги по покупной цене, и в том ему не возбранять и не запрещать*». Таким образом, Спринцель «выторговал» себе право вести частную практику параллельно официальному лечению в госпитале, при этом употреблять свои личные лекарства, которые, видимо, мог приобретать через лиц, посылавшихся по делам в Москву, использовать и казенные, возвращая в казну суммы по официальной, покупной цене, т. е. присваивая разницу в свою пользу. Так, с 1728 г. в Екатеринбурге была разрешена частная практика платного лечения, больные, платящие по 2 коп. с каждого рубля жалованья, могли выбирать: лечиться в госпитале либо за плату у Спринцеля, оплачивая и прием, и лекарства. Специальный 4-й пункт обязывал Спринцеля данных ему учеников «обучать лекарственному искусству нескротно с прилежнностью, сколько ему возможно, и ученики оное могут перенять, понеже они латинского языка не знают, которой при лекарственном искусстве употребляетца». По сути, заранее оговаривалось, что по-настоящему обучить их лекарскому делу ему вряд ли удастся. Новый контракт заключался бессрочно, с оговоркой: «Когда более он здесь во оной службе быть не пожелает, то дать ему свободной отпуск до Москвы и три подводы и за те прогонные деньги без удержания» (пункт 5). Это же право еще раз оговаривалось в пункте 8-м.

Пункт 6-й устанавливал размеры жалованья, положенного Спринцелю за лечение в Екатеринбурге «и в других подчиненных местах»: по 18 руб. 25 коп. в месяц, в год по 219 руб. «с вычетом по указу, без задержания, по третям года, не половинное, но полное жалованье». И тут Спринцель подстраховался. В октябре 1727 г. выемка заводской казны показала: «денег за расходом осталась малая сумма<...> не достанет на полгода и опасно, чтоб за неимением денежной суммы заводам какой остановки не приключилось», поэтому 30 октября приказывалось: «пока на содержание заводов денежная сумма от... Берг-коллегии прислана будет, впредь», с января 1728 г., «давать как приказным служителям, так и мастеровым всякого чина людям... оклады половинные», как и за зделье, а когда деньги поступят, «в то время и другую половину им давать сполна» [28]. Спринцель оговорил, что должен получать полное жалованье, а «не половинное», пусть и временно.

В пункте 7-м оговаривалось еще одно новое право: «Командирских и других всех по указу определенных жен и детей их и служителей *за достойную ему особливую от болящих плату собственными ево лекарствами лечить ему позволяется*», в случае отсутствия собственных, «по настоящей цене заплатить в казну деньги и объявлять ему о взятых лекарствах во Обер-бергамт по третям года». Т. е. Спринцель получал право на частную практику и в отношении семей служащих и их слуг. Подписали договор со стороны заводов В. И. Геннин и Р. Горчеков, с другой стороны – Спринцель, поставлены печати.

В 1728 г. в Москве Геннин принял на службу второго лекаря, Ивана Репкена, который стал трудиться в госпитале при Пыскорском заводе и обслуживать больных с Егошихинского завода и рудников при этих предприятиях. В 1731 г. при Геннине появился и личный лекарь Иоганн Гриненберг, с 1733 г. ставший помогать временно Спринцелю в обслуживании больных и в госпитале [29].

В 1734 г. здоровье Спринцеля сдало, он сильно разболелся и подал прошение об увольнении со службы. Текст этого прошения нам неизвестен, но сам Спринцель сообщает о нем в челобитной от 15 ноября 1734 г.: «в прошлом 1734 г. подавал <...> прошение об увольнении меня от службы и отпуске в Москву, «был в то время одержим тяжкою болезнью и положенную на меня должность отправлял с великою трудностью». Решение было учинено, но «абшита» и паспорта не дано, «за неприбытием сюда на место мое лекаря и за не отдачею имеющихся на руках моих медикамента» [30]. По-видимому, помимо болезни его подтолкнула к отъезду и предстоящая смена начальника заводов. Геннин решил заранее водным путем отправить свои вещи в Москву, к нему в компаньоны напросился и Спринцель. Об этом стало известно в связи с кражей их пожитков. 13 июня 1734 г. в Обер-бергамте слушали прошения от адъютанта Геннина А. Уварова и Спринцеля «о пограблении в пути на Каме реке отправленных в Москву <...> господина артиллерии генерала лейтенанта, да ево, штап лекаря Спринцеля, багажа». Багажи их были отправлены в Москву водным путем 2 апреля, как только началась навигация на реке, на судах каравана с металлом А. Демидова, а не казенных заводов. На Каме же «неведомые воровские люди» на караван напали, убили приказчика, а багаж «весь разбоем взяли». Обер-бергамт вынес решение: разбойников разыскать и попробовать вернуть похищенные вещи, для этого составить похищенным «пожиткам регистры» [31].

О предстоящей отставке Спринцеля Геннин сообщил и в столицу. Татищев, ознакомившись с его доношениями, 9 апреля 1734 г. пишет кабинет-министрам: Геннин требовал лекаря, нынешний «стар и скорбен и вылечить невозможно: и за тем де завоцкия люди в болезни претерпевают нужду... к тому ж по учиненной с ним капитуляции более быть он не желает». Татищев просил вместо старого лекаря определить из Санкт-Петербурга или Москвы «доктора искусного» [55, с. 155]. Тем временем 23 сентября 1734 г. Геннин предписал: штаб-лекаря «Спринцеля за старостию, дряхлостию, оною болезнию и за малозрением отпустить» [32].

1 октября Татищев с большой командой прибывает в Екатеринбург, с ним и группа медиков: доктор медицины англичанин Дж. Грив, лекарь англичанин Э. Симменс, немец-аптекарь Г. Тамм [49, с. 712–713]. Спринцель решил попытаться продлить свое пребывание на Урале. 15 ноября он подает в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов (бывший Обер-бергамт) новую челобитную: «...ныне, помощь всеышняго, от той болезни облегчение возимел, и желаю быть еще в службе Е. и. в. при здешнем Екатеринбургском госпитале, при котором чрез двенатцать лет служил со всяким верным усердием и прилежанием и должность мою справлял как верному рабу подлежит, о чем есть всем известно». Просит «по прежнему контракту быть мне еще в службе», «сверх того» дать для служения одного денщика с денежным и хлебным жалованьем; в случае смерти предоставить жене и детям для отъезда в Москву 4 подводы» [33].

В связи с челобитной в канцелярии были сделаны выписки из копии именного указа от 6 ноября 1723 г. Воспользуемся его текстом в ПСЗРИ: иностранных мастеров свидетельствовать при найме, негодных сразу отпускать, годных «содержать во всяком довольстве». Если контракт кончится, а ехать не хочет, и русские ученики уже обучатся, «таких отнюдь не отпускать, но держать». В коллегии отъезжающих допрашивать, «доволен ли отъезжает», если есть недовольство, «накрепко розыскать, и жестоко наказать, и тщиться его где употребить, а не отпускать». Следить, чтобы приехав в отечество, «жалобы не имел, что их худо трактуют, и тем бы впредь вывоз мастеров не пресечен был» [46]. 11 декабря 1734 г. и Иоганн Гриненберг решил остаться лекарем еще на 2 года, и через неделю с ним был заключен контракт, в марте 1735 г. его отправили на Пермские заводы [34].

Только 10 января 1735 г., по прошествии почти двух месяцев, Татищев «с товарищи» заслушали прошение Спринцеля, выписки из указа 1723 г. Побоялись, видимо, жалобы Спринцеля из-за отказа и решили в службу «по прежде учиненному с ним контракту, кроме дачи ис казны дров на топление печи» Спринцеля принять, «дать ему для услуг денщика из закомплектованных работников... понеже здесь ему, штап-лекарю, за неимением свободных на свой кошт нанять некого... в стат им денщиков не положено», за сентябрьскую треть 1734 г. жалование выдать по прежнему окладу [35].

В этот же день контракт был подписан: жалование с начала года по 619 руб., денщик «с жалованием из казны», квартира казенная, жалование по третям; 3) «когда куда послан будет, то имеют даваны быть подводы с проводники и прогоны из казны Е. и. в., буде з завода на завод, то по три, а когда пожелает отсюда быть уволен или по смерти ево, жене ево и детям, до Москвы четыре подводы и обучении учеников, которые ему дадутся, и лечение посторонних со взятьем за лекарства денег быть, как в прежнем ево контракте в 3 и 4 пунктах заключено», т. е. с сохранением частной практики [36].

В ноябре 1735 г. Спринцель отдал своего сына Карла 14 лет в открывшуюся латинскую школу Екатеринбурга в класс детей иностранцев, который вел учитель и пастор Л. Сехтинг, не говоривший по-русски. Уже в первые месяцы Карл повторял латинскую грамматику, «толковал» Корнелия Непота, учил географию по учебнику И. Гюбнера, арифметику по собственной книге. Видимо, штаб-лекарь начал его обучать еще на дому [47, с. 275–276].

В течение года престарелый, больной Спринцель продолжал служить при госпитале с доктором Гривом и лекарем Симменсом. 2 февраля 1736 г. он скончался, прослужив более 13 лет при заводах Урала. Запись об этом была сделана даже в книге протоколов Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов [37]. В апреле его жена с детьми отбыла в Москву [47, с. 284].

Таким образом, мы видим, как сложно было заполучить специалистов медиков, даже на уровне лекаря, на горнозаводской Урал в 20-е гг. XVIII в., с какими трудностями пришлось столкнуться главе заводов В. И. Геннину, чтобы заполучить в 1722 г. в Москве не очень умелого лекаря Спринцеля. Геннин вынужден был пойти на удовлетворение его требований, чтобы вернуть в Екатеринбург в 1725 г., – дать жалование штаб-лекаря, а заодно и эту должность;

удовлетворять его новые требования при подписании контрактов, чтобы удержать на Урале: увеличивать жалование, разрешить ведение частной практики, использование собственных лекарств для лечения и казенных, кладя разницу в ценах в свой карман. С другой стороны, благодаря деятельности Спринцеля сотни служителей заводского ведомства, в т. ч. заводских мастеровых, работников рудников, получали медицинскую помощь, освидетельствование при отставке с рабочих мест. Данные о деятельности Спринцеля на Урале могут найти широкое применение при сравнении с вкладом других медиков-иностранцев на Урале в первой половине XVIII в. и будут использованы при написании монографии, посвященной истории организации медицинской службы на Урале.

Список литературы

1. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 4. С. 93–132; Кн. 5. С. 107–149.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 535–535об., 552–553.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 100об. – 101.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 175об., 204.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 908–908об.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 908.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 908об.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 909.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 909–909об.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 118.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 104об., 118.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 126об.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 163об. – 164.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. С. 6–7.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. С. 92.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 54.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 123. Л. 206–212об.
18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 124. Л. 74–74об., 78об.
19. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 205. Т. 2. Л. 259; Д. 214. Л. 17об.
20. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 271. Оп. 1. Д. 750. Л. 445.
21. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 336, 344.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 203. Л. 389.
23. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 123. Л. 362.
24. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 127.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 180об.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 911.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 912–913.
28. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 909об. – 910.
29. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 182. Л. 327; Д. 568. С. 22.
30. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 568. С. 91.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 213б. Л. 292–292об.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 568. С. 96.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 568. С. 91–92.
34. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 415; Д. 218. Л. 15.
35. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 568. С. 99.
36. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 568. С. 100–101.
37. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 229. Л. 1.
38. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 467 с.
39. Копырина С. Н. Становление медицинского дела на казенных заводах Урала первой половины XVIII в. (по документам Государственного архива Свердловской области) // Научный вестник Крыма. 2019. № 3 (21). ISSN: 2499-9911 6.
40. Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. 279 с.
41. Корепанов Н. С. За семью печатями. Екатеринбург : б. и., 1998. 95 с.
42. Корепанов Н. С. Спринцель (Sprintsell) Иоганн Йозеф // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2002. С. 528.
43. Корепанов Н. С. Спринцель (Sprintsell) Иоганн Йозеф // Немцы России : энциклопедия. М. : ЭРН, 2006. Т. 3. С. 466.
44. Корепанов Н. С. Спринцель (Sprintzell) Иоганн Иосиф // Екатеринбург : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. С. 300.
45. Пензин Э. А. Первый госпиталь // Вечерний Екатеринбург, 1980. 2 июня.

46. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. VI. № 4345.
47. Сафронова А. М. Василий Татищев и первые иноязычные школы Екатеринбурга (1735–1750-е гг.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та; СПб. : Алетейя, 2024. 436 с.
48. Сафронова А. М. В. Н. Татищев как организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 17. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 51–70.
49. Сафронова А. М. Деятельность английского доктора медицины Джейкоба Грива в России в первой половине XVIII в. // Quaestio Rossica. 2025. Т. 13. № 2. С. 309–342. DOI: 10.15826/qr.2025.2.989.
50. Сафронова А. М. Законодательство о вычетах из жалования на медицинское обслуживание и его применение на казенных заводах Урала в 1720-е – 1730-е гг. // Научный вестник Крыма. 2025. № 3.
51. Сафронова А. М. Первые лекарские ученики при казенных заводах Урала (1722–1734 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской науч. конф., 16–17 ноября 2020 г.; в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, Екатеринбург, 2020. С. 131–141.
52. Сафронова А. М., Сафронов А. А. Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723–1734 годах // Научный диалог. 2020. № (9). С. 434–453.
53. Соркин Ю. Э. У истоков медицины Среднего Урала // Ползуновские чтения : тез. науч.-практ. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения И. И. Ползунова. Екатеринбург : СГОИМК, 1994. С. 66–69.
54. Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX вв. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. 67 с.
55. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990. 440 с.

German Johann Joseph Sprinzel – the first minister of medicine in the mining Urals (1722–1736)

Safronova Alevtina Mikhailovna

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the first physician who arrived in the Urals under a contract in 1722, Johann Sprinzel, with whom the history of medical care for the population of the state-owned factories of the Urals begins. For the first time, the difficulties of finding physicians to work in the Urals in the 1720s are revealed, even in the conditions of St. Petersburg and Moscow, the impossibility of replacing a not very knowledgeable doctor with a more experienced one and the forced satisfaction of his demands regarding the improvement of his financial situation when concluding subsequent contracts. The life path of a Saxon by origin, who served in the Swedish army during the Northern War, was captured and transferred to serve in Russia, is revealed. Sprinzel was recommended to the Urals by the head of the Medical Chancellery, which was in charge of medicine in Russia and its personnel, Archbishop I. L. Blumentrost. For the first time, the stages of his service in the Urals are traced: at the Uktus plant, at Pyskor in 1724, departure to Moscow in 1725, agreement to return to the Urals on the terms of an increased salary, due to him already as a staff doctor; further increase in salary under the contract of 1728, obtaining the right to conduct private practice in Yekaterinburg. The main areas of Sprinzel's activity are revealed: participation in the admission of patients to the hospital, treatment, examination of them in connection with retirement, identification of sick soldiers sent to the construction of Yekaterinburg, sick peasants for temporary release from factory work. This data on Sprinzel will be used for comparison with the contribution of other foreign doctors who worked in the Urals in the first half of the 18th century.

Keywords: mining Urals, Johann Sprinzel, V. I. Gennin, contracts, medical care.

References

1. Berh V. Zhizneopisanie general-lejtenanta V. I. Gennina, osnovatelya Rossijskih gornyh zavodov [Biography of Lieutenant General V. I. Gennin, founder of the Russian Mining Plants] // Gornyj zhurnal – Mountain magazine. 1826. Vol. 4. Pp. 93–132; Vol 5. Pp. 107–149.
2. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. 24. Inv. 1. File 26. Sh. 535–535 turn, 552–553.
3. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 37. Sh. 100 turn – 101.
4. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 37. Sh. 175 turn, 204.
5. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 908– 908 turn.
6. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 908.
7. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 908 turn.
8. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 909.
9. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 909–909 turn.
10. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 193. Sh. 118.

11. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 193. Sh. 104 turn, 118.
12. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 193. Sh. 126 turn.
13. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 193. Sh. 163 turn – 164.
14. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 10. Sh. 6–7.
15. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 10. Sh. 92.
16. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 194. Sh. 54.
17. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 123. Sh. 206–212 turn.
18. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 124. Sh. 74–74 turn., 78 turn.
19. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 205. Vol. 2. Sh. 259; File. 214. Sh. 17 turn.
20. RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 271. Inv. 1. File. 750. Sh. 445.
21. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 194. Sh. 344, 336.
22. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 203. Sh. 389.
23. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 123. Sh. 362.
24. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 194. Sh. 127.
25. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 194. Sh. 180 turn.
26. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 911.
27. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 912–913.
28. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 126. Sh. 909 turn.– 910.
29. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 182. Sh. 327; D. 568. P. 22.
30. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 568. Sh. 91.
31. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 213b. Sh. 292 – 292 turn.
32. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 568. Sh. 96.
33. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 568. Sh. 91–92.
34. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 215. Sh. 415; D. 218. Sh. 15.
35. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 568. P. 99.
36. SASR. F. 24. Inv. 1. File. 568. Pp. 100–101.
37. SASR. F. 24. Inv. 12. File. 229. Sh. 1.
38. Gennin V. *Uralskaya perepiska s Petrom I i Ekaterinoj I* [Ural Correspondence with Peter I and Catherine I]. Yekaterinburg. Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 1995. 467 p.
39. Kopyrina S. N. *Stanovlenie medicinskogo dela na kazennyh zavodah Urala pervoj poloviny XVIII v. (po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Sverdlovskoj oblasti)* [Formation of medical work in the state factories of the Urals in the first half of the 18th century (based on documents of the State Archives of the Sverdlovsk Region)] // *Nauchnyj vestnik Kryma* – Scientific Bulletin of Crimea. 2019. No. 3 (21).
40. Korepanov N. S. *Gennin na Urale* [Gennin in the Urals]. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii. 2006. 279 p.
41. Korepanov N. S. *Za sem'yu pechatyami* [Behind seven seals]. Ekaterinburg : Akademkniga. 2002. P. 528.
42. Korepanov N. S. *Sprincel' (Sprintsell) Iogann Jozef* [Sprintsell Johann Joseph] // *Ekaterinburg. Enciklopediya* – Yekaterinburg. Encyclopedia. Ekaterinburg : Akademkniga. 2002. P. 528.
43. Korepanov N. S. *Sprincel' (Sprintsell) Iogann Jozef* [Sprintsell Johann Joseph] // *Nemcy Rossii: enciklopediya* – Germans of Russia: Encyclopedia. M. 2006. P. 466.
44. Korepanov N. S. *Sprincel' (Sprintsell) Iogann Jozef* [Sprintsell Johann Joseph] // *Ekaterinburg. Enciklopediya* – Yekaterinburg. Encyclopedia. In 2 vols. Vol. 2. Ekaterinburg. Ural University Press. 2023. P. 300.
45. Penzin E. A. *Pervyj gospi'tal'* [First hospital] // *Vechernij Ekaterinburg* – Evening Yekaterinburg. 1980. June, 2.
46. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobr. 1.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. SPb., 1830. Vol. VI. No. 4345.
47. Safronova A. M. *Vasilij Tatishchev i pervye inoyazychnye shkoly Ekaterinburga (1735–1750-e gg.)* [Vasily Tatishchev and the first foreign language schools in Yekaterinburg (1735–1750s)]. Ekaterinburg : Ural University Press ; SPb. : Aleteya. 2024. 436 p.
48. Safronova A. M. V. N. *Tatishchev kak organizator medicinskoj sluzhby v Ekaterinburge* [V. N. Tatishchev as the organizer of medical service in Yekaterinburg] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'. Sbornik nauchnyh trudov* – Document. Archive. History. Modernity: Collection of scientific papers. Is. 17. Ekaterinburg, Ural University Press, 2017. Pp. 51–70.
49. Safronova A. M. *Deyatel'nost' anglijskogo doktora mediciny Dzhejkoba Griva v Rossii v pervoj polovine XVIII v.* [The activities of the English doctor of medicine Jacob Grieve in Russia in the first half of the 18th century] // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, No. 2. 309–342 pp.
50. Safronova A. M. *Zakonodatel'stvo o vychetah iz zhalovan'ya na medicinskoe obsluzhivanie i ego prime-nenie na kazennyh zavodah Urala v 1720-e – 1730-e gg.* [Legislation on deductions from salaries for medical care and its application in state-owned factories in the Urals in the 1720s–1730s] // *Nauchnyj vestnik Kryma* – Scientific Bulletin of Crimea. 2025. No. 3.
51. Safronova A. M. *Pervye lekarskie ucheniki pri kazennyh zavodah Urala (1722–1734 gg.)* [The first medical students at the state-owned factories of the Urals (1722–1734)] // *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya: materialy XIV Vserossijskoj nauch. konf., 16–17 noyabrya 2020 g.* – Industrial Urals. Bakunin Readings: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference, November 16–17, 2020. Vol. 1. Ekaterinburg, 2020. Pp. 131–141.

52. Safronova A. M., Safronov A. A. *Gospital' kak ob'ekt social'noj infrastruktury Ekaterinburga v 1723–1734 godah* [The hospital as an object of social infrastructure of Yekaterinburg in 1723–1734] // *Nauchnyj dialog* – Scientific dialogue. 2020. No. 9. Pp. 434–453.

53. Sorkin Yu. E. *U istokov mediciny Srednego Urala* [At the origins of medicine in the Middle Urals] // *Polzunovskie chteniya: tez. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 265-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Polzunova* – Polzunov Readings: Abstract of the scientific and practical conference dedicated to the 265th anniversary of I. I. Polzunov's birth. Ekaterinburg, 1994. Pp. 66–69.

54. Starkov V. I. *Istoricheskij opyt razvitiya sistemy zdravooohraneniya na gornozavodskom Urale v XVIII – pervoj polovine XIX vv.* [Historical experience of development of the healthcare system in the mining Urals in the 18th – first half of the 19th centuries]. Ekaterinburg : Bank kulturnoi informacii, 1999. 67 p.

55. Tatishchev V. N. *Zapiski. Pis'ma 1717–1750* [Notes. Letters 1717–1750]. M. Nauka (Science). 1990. 440 p.

Поступила в редакцию: 14.07.2025

Принята к публикации: 21.08.2025

УДК 94(470.5)"17":61(091)

EDN: DVIYPB

Дорожная аптека берг-советника И.-М. Михаэлиса (1721–1726 гг.)*

Копырина Сардана Николаевна¹, Плате Алисе²

¹кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-6306-4333.

E-mail: sardana.kopyrina@urfu.ru

²кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0003-0055-2385. E-mail: aliceplate@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу документации, сопровождавшей дорожную аптеку берг-советника Иоганна-Мартина Михаэлиса (1666–1728 гг.). В декабре 1725 г. закончилась уральская служба представителя Берг-коллегии: И.-М. Михаэлиса отозвали в Москву, а в Соликамске остались два ящика с медицинским имуществом – богатым ассортиментом лекарств, лекарственного сырья, а также предметов санитарно-хозяйственного назначения. Сама аптека, разумеется, не сохранилась. До нас дошел комплекс документов из трех списков: двух перечней, созданных в 1721 г. в Аптекарском приказе, – «Specificationslist deren Medicamenten» und «Catalogus medicamentorum», – а также их перевод на русский язык («Спецификация нижеписанным медикаментам»), составленный в Кунгуре уже после отъезда Михаэлиса. На сегодняшний день документы хранятся в фонде «Уральское горное управление» Государственного архива Свердловской области, из них самый большой интерес для научной интерпретации представляет собой «Catalogus medicamentorum». Перечень насчитывает 176 наименований готовых лекарственных средств и растительного и мясного лекарственного сырья. В списке различные масла, порошки, сиропы, смолы, соли, тинктуры и эссенции сгруппированы по состоянию и отсортированы по порядку латинского алфавита. К тому же в документе указаны данные о количестве содержащихся в аптеке лекарственных запасов. Весной 1726 г. по инициативе гиттенфервальтера И. Н. Юдина и В. И. де Геннина было решено перевезти аптеку в Екатеринбург. Горнозаводская администрация рассматривала обещанные им лекарственные запасы и аптечное оборудование как материальное подспорье для медицинской службы города, находившейся еще в это время в фазе зачатки.

Ключевые слова: История России XVIII в., история Урала, история медицины, аптека, лекарственное сырье, медицинское имущество.

Весной 1721 г. по указу Берг-коллегии на Урал была отправлена группа иностранных специалистов. Цель их миссии – организация казенного горнозаводского производства – давно и хорошо изучена. Менее известны история и судьба их дорожной аптеки, отличавшейся богатым ассортиментом лекарств, лекарственного сырья, а также предметов санитарно-хозяйственного назначения. Как правило, такими же аптеками снабжали членов академических экспедиций XVIII в. и экипажи западноевропейских торговых судов, подобные наборы могли дать с собой собиравшимся в большое путешествие обеспеченным представителям дворянской молодежи. Все это подчеркивало масштаб предприятия: команду горных инженеров преимущественно немецкого происхождения возглавил Иоганн-Мартин Михаэлис, недавно устроившийся на российскую службу выходец из Тюрингии – весьма перспективный кадр, которому был присвоен ранг горного советника. К тому же в течение всего пребывания на Урале жизнь исполнителей приоритетного для правительства проекта охранял отряд из 46 солдат. Сама аптека, разумеется, не сохранилась, но до нас дошло ее документальное сопровождение.

Тема становления казенной горнозаводской медицины традиционно рассматривается в рамках истории Урала XVIII в. Работы, в основном местных исследователей, С. Н. Копыриной, Н. С. Корепанова, А. М. Сафроновой, В. И. Старкова и А. В. Черноухова, посвящены проблематике создания и функционирования учреждений здравоохранения в так называемом раннем Екатеринбурге (1723–1781). Благодаря введенным авторами в научный оборот архивным документам появились представления об организации медицинской инфраструктуры, решении кадровых вопросов и обеспечении материальными ресурсами числившихся в ведомстве Си-

бирского обер-бергамта заводских поселков [6, с. 20–34; 7; 12, с. 51–70; 13, с. 434–453; 14]. Выявлены сведения об оснащенности екатеринбургских госпиталя и аптеки медицинским имуществом, а также о механизмах взаимодействия служащих последних с медицинской канцелярией в Санкт-Петербурге [5, с. 116–166; 11, с. 56–79]. Результат, хотя во многом еще фрагментарный, можно назвать достойным, тем более что он был достигнут в условиях отсутствия в архивах цельного комплекса документов об истории медицины XVIII в. Значимое дополнение к имеющейся источниковой базе представляет собой обнаруженный в фонде № 24 «Уральское горное управление» ГАСО комплект списков с описанием дорожной аптеки [4, л. 260–268об.]. Перечни лекарственных средств и аптечного инвентаря содержат ценный материал, выходящий за пределы региональной истории как в географическом измерении, так и в концептуально-методологическом отношении.

Иоганн-Мартин Михаэлис (1666–1728) вошел в историографию, посвященную началам администрации Уральской горной промышленности, как антагонист В. И. Геннина, главным образом, в связи с его концентрацией на усовершенствовании Уктусского завода, чем он едва не воспрепятствовал основанию другого завода на берегу Исети – будущего Екатеринбурга. И без того литература отзывалась о нем не слишком лестно: прежде всего отмечаются вздорность характера и нерасположенность к коллективной работе горного советника, рассматривавшего уральскую службу как способ для продвижения собственной карьеры. На вверенной ему в 1722 г. стройке Пыскорского завода И.-М. Михаэлиса видели редко. Больше времени он проводил в расположенном поблизости Соликамске, занятый разработкой проектов, нереализуемых, однако, в геологических условиях уральских гор, отличавшихся от привычных ему саксонских [8, с. 108, 146–147; 10, с. 273–274, 279; 16, с. 265–267]. Своей склонностью к теоретизированию и проявленной негибкостью в работе он не мог не раздражать вновь назначенного начальника Уральских горных заводов, дисциплинированного прагматика, трудившегося «как сова» В. И. Геннина [3, с. 62, 84, 105–106, 121, цит. по: с. 116]. Помимо сказанного, известно, что И.-М. Михаэлис предпочел по причине слабого здоровья удобства городского быта. Будучи человеком пожилым, он нуждался в регулярной медицинской помощи, и, как с возмущением отметил де Геннин в письме А. В. Макарову, находившееся в упомянутой аптеке медицинское имущество руководитель экспедиции имел привычку приватизировать. Несмотря на то, что лекарственные средства, по сути, принадлежали казне, бывали случаи, что остальным участникам в доступе к ним отказывалось [2, с. 541–542; 3, с. 117].

В конце 1725 г. горного советника отозвали в Москву. На Урале остались ящики с аптекой – сначала в ведомстве Пермского берг-амта, а летом 1726 г. была организована их доставка в Екатеринбург, поскольку при заводе числился квалифицированный медик, привезенный с собой де Генниным лекарь И. И. Спринтцель. Последний, как следует из переписки Сибирского обер-бергамта с гиттенфервальтером И. Н. Юдиным в Кунгуре, обладал необходимой компетенцией, гарантировавшей обеспечение сохранности ценного имущества. Руководство Екатеринбурга рассматривало обещанные лекарственные запасы и аптечное оборудование как материальное подспорье для совсем еще молодой медицинской службы города [4, л. 259, 269].

В нашем распоряжении находится комплект документов из трех списков. Документ с названием «Specificationslist deren Medicamenten» (Specification) был составлен по инициативе Берг-коллегии в 1721 г. незадолго до отправления на Урал горных специалистов. Об этом свидетельствует сопроводительное письмо, визированное инициалом «М.» и написанное на немецком языке [4, л. 260–260об., 262об. – 265об.]. Автором самого списка, скорее всего, является служащий аптекарского приказа, являвшийся, судя по почерку, носителем немецкого языка. Перечень лекарственных средств изложен на латыни, точнее на употреблявшемся тогда в фармацевтике варианте языка, отличавшимся частыми сокращениями терминов (bal. = balsamus (бальзам), bol. = bolus (глина), elect. = electuarium (лечебная кашка), empl. = emplastrum (пластырь), gum. = gummi (смола), ol. = oleum (масло), p. = pulvis (порошок), rad. = radix (корень), ungu. = unguentum (мазь)) и названий лекарств (liquor c. c. succinat = liquor cornu cervi succinatus (спирт на пантах оленя)). Здесь же используются алхимические символы для обозначения ряда состояний препаратов (pulvis, tinctura) и отдельных веществ (antimonium, crocus martis, mercurius, nitrum, sal, sulphatus, spiritus, vitriolum)¹. Перечисление аптечного инвентаря написано по-немецки.

Второй список с названием «Catalogus medicamentorum» (Catalogus) хранится в архивном деле в виде вкладыша к «Specification» [4, л. 261–262]. После отъезда И.-М. Михаэлиса с

¹ Для расшифровки знаков и символов см. список в справочнике Й. Х. Зоммерхофа [19, с. 112–114].

Урала оба документа зарегистрировали в Пермском берг-амте, что подтверждают скрепы И. Н. Юдина, поставленные на полях листов; затем в описанном порядке их отдали на перевод. Третий документ «Спецификация нижеписанным медикаментам» объединяет в себе русскую транскрипцию названий лекарственных препаратов, и, что касается перечня предметов медицинского инвентаря, перевод с немецкого языка. В качестве автора документа указан Эрнст Грубе, частный переводчик берг-мейстера И. Г. Гейденрейха, служившего в те годы в Сибирском обер-бергамте [4, л. 66–68об.; 10, с. 1704].

Обращает на себя внимание наличие двух списков и их взаимосвязь. На вкладыше с названием «Catalogus» поставлена отметка «соріа», но другой документ «Specification» он не дублирует. В нем приведены 176 наименований лекарственных средств – почти на 40 наименований больше, чем указано в «Specification» [139]. В «Catalogus» они представлены сгруппированными по состоянию и сортированы по порядку латинского алфавита, предметы санитарно-хозяйственного имущества следуют отдельно от них в конце списка. В «Specification», напротив, структурирования не наблюдается. Главное отличие между списками, однако, заключается в том, что «Catalogus» содержит данные о количестве находившихся в ящиках лекарственных запасов; для указания последних использованы символы аптекарской системы веса – фунт, унция и т. д.² Составителем этого документа также является медик, скорее всего, немецкого происхождения. О месте и времени создания «Catalogus» мы узнаем лишь косвенно: с одной стороны, в датированном 1721 г. сопроводительном письме упоминается только «Specification», с другой же – оно так же, как и «Catalogus», носит отметку «соріа». Более того, оба они написаны на передней и оборотной сторонах одного, когда-то сложенного вчетверо листа [4, л. 261–261об.]. Поэтому оправданно предположить, что в обращении И. Н. Юдина в Сибирский обер-бергамт от 28 января 1726 г. речь идет именно об этом «подлинном каталоге» [4, л. 259]. Соответственно, и разъяснение «сколько чего и какие звания» относится к изначальной комплектности аптеки, а о том, «сколько давал в остатке», т. е. в каком виде были оставлены аптекарские ящики на Урале в конце 1725 г., должен был информировать другой реестр, который, насколько нам известно, не сохранился [4, л. 259].

Для анализа представленных в документах запасов медицинского имущества считаем целесообразным сосредоточиться на «Catalogus» – своего рода инвентарном списке, по всей вероятности, составленном в аптекарском приказе накануне отправления из Москвы группы иностранных специалистов. Невзирая на то, что документ не позволяет оценить состояние аптеки в момент ее передачи в Екатеринбург летом 1726 г., приведенные в нем сведения, безусловно, служат важным ориентиром. Вместе с тем, если сменить ракурс и посмотреть на дело с точки зрения прагматично мыслящего современника, не думается, что Сибирскому обер-бергамту для поддержки здравоохранения города были предложены «полупустые» ящики или, что к этому времени содержащиеся в аптеке запасы полностью утратили свою ценность. К тому же, для перевода перечисленных сотрудником аптекарского приказа лекарственных препаратов в более доступную современному читателю книжную латынь были привлечены фармацевтически-химический лексикон Й. Х. Зоммерхофа, а также изданная Ф. Л. Гайгером Фармакопея Универсалис [18; 19].

Как уже говорилось, «Catalogus» включает в себя перечень, насчитывающий 176 наименований готовых лекарств и лекарственного сырья. Большая часть из них произведена на основе растительного сырья. В списке встречаются лечебные растения, которые можно назвать относительно простыми, поскольку росли они или поддавались разведению в природно-климатических условиях России. К таким, например, принадлежат перечисленные здесь барбарисовый и малиновый сиропы, густой сок из бузины, отвар из масла зверобоя, эфирное масло можжевельника и порошок корня ревеня. Необходимыми компонентами таких продуктов, как гвоздичное, лавандовое и миндальное масла, настойка акации катеху, экстракт шафрана, а также ялаповая смола, являлись заморские растения. Столичные органы здравоохранения, аптекарский приказ и с 1721 г. медицинская канцелярия, приобретали их у европейских купцов в портах Архангельска и Риги, также их привозили в Россию сухопутным путем через Речь Посполитую и торговыми караванами из Персии и Китая [15, с. 162–176].

Этим же способом из-за рубежа поступала в страну большая часть лекарственного сырья животного происхождения. Ими также пополнялись аптечные запасы уральской экспеди-

² В России XVIII в. в аптечном деле применялась нюрнбергская система весов, согласно которой ее основная единица, аптекарский фунт, был равен 357,8 г. В одном аптекарском фунте были 12 унций, в каждой унции 8 драхм, в 1 драхме 3 скрупула, а в 1 скрупуле 20 гранов.

ции. Кроме спиртовых настоек на муравьях и земляных червях и употребляемой, прежде всего, как афродизиак бобровой струи (*essentia castorei*), ассортимент включал в себя спермацет (*spermaceti*), воскоподобное вещество, получаемое из жира, содержащегося в спермацетовом мешке в голове кашалота. Также в списке указаны две унции *pulvis bezoardicus Sennerti*. Главным составляющим порошка, приготавливаемого из измельченных драгоценных камней, золота, жемчужин и красных кораллов, являлся безоаровый камень – отвердевший конкремент из плотно сваленных волос и волокон растений, преимущественно образующийся в желудках жвачных животных [18, с. 677]. Перечислен в «*Catalogus*» еще один классический ингредиент аптекарского мастерства раннего Нового времени – *cornu cervi* (панты оленя), в нашем случае он присутствует в натертом виде (*cornu cervi rasura*), а также в виде спиртовой настойки (*spiritus cornu cervi*).

Находится в каталоге и большое многообразие субстанций, производимых на основе различных форм металлов, минералов и солей; *alumen ustum* (квасцы жженные), *cremor tartari* (густой сок из винного камня), *essentia succini* (янтарная эссенция), *cinnabaris nativa pulvis* (порошок киновари) и *lithargyrum* (окись свинца), которые могли быть составной частью ряда сложных медикаментов. Также металлы предлагались для внутреннего приема, при этом в достаточно чистой форме. В *mercurius dulcis*, известные под названием каломель ртутьсодержащие пастилки, медики добавили экстракт ревеня для улучшения вкуса, а *essentia croci martis*, эссенцию из оксида железа, было рекомендовано пить *cum succo pomorum*, т. е. разбавить ее яблочным соком.

Руководство берг-коллегии искренне заботилось о здоровье отправленных на Урал сослуживцев. Наряду с солидным ассортиментом готовых для употребления лекарств и лекарственного сырья (различных масел, порошков, сиропов, смол, солей, tinkтур и эссенций), список включает в себя комплект предметов санитарно-хозяйственного назначения. В нем приведены, среди прочего, набор аптекарской посуды (весы с гирями, сковорода для согревания пластырей, котел с крышкой для варения лекарств, пара ступ с пестами, стеклянные пузырьки разных размеров и фасона), ножницы, бинты, связки нитей с булавками, а также несколько десятков серой бумаги, используемой для фильтрации воды [4, л. 262]. В петровское время горнозаводская медицинская инфраструктура как таковая еще не существовала и сроки командировки заранее не были определены. Предполагалось, что в случае необходимости горные инженеры должны были самостоятельно изготовить медикаменты и выполнить простые хирургические манипуляции. О наличии поддержки в виде руководства с рецептами или сопровождении уральской экспедиции врачом в изученных источниках информации нет; не исключено, однако, что упомянутый де Генниным лакей Михаэлиса, которому был доверен присмотр за аптекарскими ящиками, прошел соответствующий инструктаж [3, с. 117].

Анализ «*Catalogus*» позволяет понять, к каким лекарствам обращались тогда представители привилегированных слоев общества в случае возникновения проблем со здоровьем. Гораздо сложнее найти удовлетворяющий ответ на вопрос о самих заболеваниях, от которых приведенные в списке эликсиры и эссенции должны были освободить пациента. Более или менее однозначно еще обстоит дела в отношении средств наружного применения. Наносимые на ткань пластыри, лечебные каши, бальзамы и мази чаще всего имели ранозаживляющее действие, мазями *unguenta ambusta, ad scabiem* и *digestivum*, например, лечили ожоги, сыпи и чесотку. Распространенным антисептиком являлся *lapis infernalis* (адский камень), как во врачебных кругах того времени называли нитрат серебра. Известно было фармацевтическое действие многих видов растительного сырья. Применением *essentia pectoralis Wedeli*, *sympus pectoralis*, а также *trochisci bechici albi, nigri* и *rubri* – белых, коричневых (анисовых) и красных (изготовленных с корнем фиалки) пастилок – лечили респираторные заболевания. В условиях отсутствия стоматолога надежным обезболивающим препаратом считалась *tinctura odontalgica* – отвар из натертой коры гваякового дерева, сассафраса и аптечного слюногона, в который для усиления эффекта добавлялись три драхмы опиума [18, с. 835]. О жаропонижающем свойстве хинина, алкалоида, содержащегося в коре различных видов хинного дерева, европейская медицина узнала в XVI в., в представленном здесь списке он присутствует в качестве *essentia Cinae de Cinae corticis* и *pulvis corticum peruvianum*. Кроме того, определенных успехов удалось достичь при лечении так называемой французской болезни с помощью произведенных на основе ртути средств. Для избавления от недуга, быстро распространявшегося и в горнозаводской среде Урала, в ассортименте аптеки находились помимо трех унций чистого *argentum vivum*, отдельные емкости с небольшими порциями двухлористой ртути, оксида ртути, минерального турпета, получаемого из сульфата ртути, а также банка с тремя фунтами пластыря, изготовленного из лягушек и ртути.

Главным образом, однако, раннемодерная медицина боролась лишь с устранением симптомов, для постановки точных диагнозов в сегодняшнем понимании не хватало знаний. Лекарства, предназначенные для внутреннего приема, как правило, отличались обширным спектром действия, и вера врачей в силу всеисцеляющих панацей была еще весьма жива: в аптеке горных специалистов находился полуторафунтовый запас венецианского териака, того самого легендарного антидота. Современная медицинская наука, как известно, родилась только во второй половине XIX в. До того не теряли актуальности воззрения гуморальной патологии. Согласно последней человеческое тело рассматривалось как состоящее из четырех влаг – крови, флегмы, желтой и черной желчи. Соответственно, в глазах врачей здоровье человека зависело от гармоничного баланса названных соков, а болезнь есть их беспорядок [1, с. 139–141]. Свидетельством таких представлений является и анализируемый список: в нем указан разнообразный ассортимент лекарств с именно «очищающим» или, наоборот, вяжущим действием.

Дорожная аптека горных специалистов была более чем богатой. В первую очередь, по объему: по состоянию на 1721 г. суммарный вес медицинского имущества составил 147,25 аптекарских фунтов (52,6 кг). Основную массу представляли сырье и, условно говоря, полуфабрикаты – среди них ректифицированный винный спирт (6 фунтов), оливковое масло (3 фунта) и по два фунта сурика (minium) и церуссита (cerussa). Также с запасом было рассчитано количество некоторых готовых лекарственных средств: пластыри и лечебные кашики весили в среднем 1,5–3 фунта; из самых, видимо, расходуемых порошков (pulvis antifebrile, pulvis purgens и pulvis dysentericus) в соответствующих баночках хранилось по 1–1,5 фунтов. Значительная часть медикаментов производилась на основе импортного, эксквизитного сырья. Назовем еще один пример – помимо упомянутого pulvis bezoardicus Sennerti, в перечне обнаруживается pulvis Marchionis, этот порошок для лечения эпилепсии было положено подать с листом сусального золота [4, л. 261–262, 266–267 об.; 18, с. 685]. Высокий уровень лекарственного обеспечения горных специалистов подтверждает сопоставление анализируемого «Catalogus» с данными выборок подобных каталогов, фиксировавших содержимое так называемых фельдшерских ящиков на кораблях датского, немецкого и нидерландского торговых флотов в период 1622–1758 гг. Представленные в них аптечные наборы, хотя и скромные, если сравнить их с уральским комплектом, были рассчитаны на обслуживание экипажей значительно больших, насчитавших 75–175 человек. Впечатляет и стоимость западноевропейских судовых аптек: несмотря на относительную доступность для них импортного сырья, итоговые суммы составляли 596–1241 рейхс-талеров [17, с. 231–257]. К «Catalogus», к сожалению, прејскурант не приложен. Но потратила Берг-коллегия, как явствует из переписки В. И. Геннина, немалые деньги на покупку предложенного в списке медицинского имущества, чем и подчеркиваются связанные с благополучным завершением предприятия правительственные надежды [3, с. 117].

Вернемся к высказанному в начале предположению, что оставленная в конце 1725 г. на Урале аптека стала немалым подспорьем для медицинской службы Екатеринбургского завода. Возможно, что так это и было, по крайней мере, предложение И. Н. Юдина отправить ящики с имуществом Сибирскому обер-бергамту было принято без долгих колебаний. Положительный ответ В. И. Геннина последовал в течение двух недель [4, л. 269]. Однако оценить действительный уровень сохранности и комплектности аптечного инвентаря нельзя, поскольку сопровождавшая его учетная документация, по всей вероятности, отражает состояние на начало 1721 г. Несмотря на то, что И.-М. Михаэлис неохотно делился медицинскими запасами, за проведенные на уральской службе годы их количество снижалось. Более того, произошли и качественные изменения. Частые переезды и возможности размещения аптеки в практически полевых условиях не могли не сказаться на пригодности препаратов. В списке указано достаточно большое число жидких и полужидких лекарственных форм. Предполагаем, что летом 1726 г. по получении аптеки в Екатеринбурге был проведен учет. Судя с точки зрения человека XXI в., сложно представить себе, что к данному моменту осталось от tinkтур, мазей, лекарственных кашек и пластырей, расфасованных в аптекарском приказе почти шесть лет назад.

Список литературы

1. Афанасьева А. Э. Болезни и окружающая среда в европейских медицинских теориях // История медицины и медицинской географии в Российской империи / под ред. Е. А. Вишленковой, А. Реннера. М. : Шико, 2021. С. 139–162.
2. Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735: предисл. М. А. Павлова; подгот. к печати М. Ф. Злотников. М. : История заводов, 1937. 656 с.

3. Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / сост., вступ. ст., коммент. М. О. Акишина. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. 467 с.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 92.
5. Копырина С. Н. Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20–50-е гг. XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2023. 331 с.
6. Копырина С. Н., Черноухов А. В. Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 20–34. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016.
7. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 273 с.
8. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 536 с.
9. Редин Д. А. Иностранцы выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8 (№ 5). С. 1695–1717. DOI: 10.15826/qf.2020.5.553.
10. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.
11. Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. Вып. 19. С. 56–79.
12. Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 51–70.
13. Сафронова А. М., Сафронов А. А. Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723–1734 годах // Научный диалог. 2020. № 9. С. 434–453. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-434-453.
14. Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 150 с.
15. Худин К. С. Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2021. 280 с.
16. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в. : биографический справочник. СПб. : Алетей, 2022. 446 с.
17. Carøe K. Studier til Dansk Medicinalhistorie. København, Kristiania: Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag. Fr. Bagges Kgl. Hofbogtrykkeri, 1912. 336 p.
18. Geiger Ph. L. Pharmacopea Universalis. Pars posterior. Composita et praeparata. Heidelberg : C. F. Winter, akadem. Verlagshandlung, 1845. 1071 p.
19. Sommerhoff J. Ch. Lexicon Pharmaceutico-Chymicum Latino-Germanicum & Germanico-Latinum. Nürnberg : Impensis Joh. Ziegeri & Georg. Lehmann, 1701. 115 p.

The Travel Pharmacy of Mining-Councillor J.-M. Michaelis (1721–1726)

Kopyrina Sardana Nikolaevna¹, Plate Alice²

¹PhD in Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Document, Archival and Public Administration History, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg.

ORCID: 0000-0001-6306-4333. E-mail: sardana.kopyrina@urfu.ru

²PhD in Historical Sciences, researcher at the Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg.

ORCID: 0000-0003-0055-2385. E-mail: aliceplate@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the documentation accompanying the travel pharmacy of the Mining-Councillor Johann-Martin Michaelis (1666–1728). In December 1725 the service of the representative of the Berg-Collegium in the Urals ended: J.-M. Michaelis was recalled to Moscow, and in Solikamsk were left behind two boxes of medical property containing a rich assortment of medicines, medicinal raw materials, as well as sanitary and utility items. The pharmacy itself, of course, has not been preserved, but a set of documents from three lists has remained: two lists created in 1721 in the Apothecary's prikaz – "Specificationslist deren Medicamenten" and "Catalogus medicamentorum" – as well as their translation into Russian ("Specification to the following medicaments"), compiled in Kungur after Michaelis' departure. Today the documents are kept in the fund "Ural Mining Department" at the State Archive of the Sverdlovsk Region. Among the mentioned above lists "Catalogus medicamentorum" seems the most promising one for scientific interpretation. This list includes 176 entries of ready for use medicines, as well as herbal and meatly medicinal raw materials. In the document various oils, powders, syrups, resins, salts, tinctures and essences are grouped by state and sorted in the order of the Latin alphabet. In addition, the list includes data on the quantity of medicinal stocks contained in the travel pharmacy. In the spring of 1726 on the initiative of the gitenferwalter J. N. Yudin and V. I. de Gennin it was decided to bring the pharmacy to Yekaterinburg. The mining admin-

istration regarded the promised medicinal supplies and pharmacy equipment as a valuable material support for the city's medical service, which was still in its very beginnings at that time.

Keywords: history of Russia in the 18th century, history of the Urals, history of medicine, pharmacy, medicinal raw materials, medical property.

References

1. Afanas'eva A. E. *Bolezni i okruzhayushchaya sreda v evropeyskikh medicinskih teoriyakh* [Disease and Environment in European Medical Theories] // *Istoriya mediciny i medicinskoj geografii v Rossijskoj imperii* – History of Medicine and Medical Geography in the Russian Empire / ed. E. A. Vishlenkova, A. Renner. M., Shiko, 2021. Pp. 139–162.
2. Gennin V. I. *Opisanie Ural'skikh i Sibirskikh zavodov 1735* [A Description of the Ural and Siberian Factories 1735] / introduct. M. A. Pavlov; print prep. M. F. Zlotnikov. M., Istoriya zavodov, 1937. 656 p.
3. Gennin V. I. *Ural'skaya perepiska s Petrom I i Ekaterinoi I* [Correspondence from the Urals with Peter I and Catherine I] / introduct. and comm. M. O. Akishin. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informacii, 1995. 467 p.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region]. F. 24. Inv. 1. File 92.
5. Kopyrina S. N. *Social'naya infrastruktura poselkov kazennykh zavodov Urala v 20–50-e gg. XVIII v. : diss. ... kand. ist. nauk* [Social Infrastructure of the Settlements of State-owned Factories in the Urals in the 20–50s of the 18th Century : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2023. 331 p.
6. Kopyrina S. N., Chernoukhov A. V. *Stanovlenie medicinskoj infrastruktury na kazennykh zavodakh Urala v pervoi treti XVIII veka* [Formation of the Medical Infrastructure at State-owned Factories in the Urals in the First Third of the 18th Century] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2020. No. 2 (18). Pp. 20–34. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016.
7. Korepanov N. S. *Pervyj vek Ekaterinburga* [The First Century of Yekaterinburg]. Ekaterinburg, Bank of cultural information. 2005. 273 p.
8. Pavlenko N. I. *Razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Rossii v pervoi polovine XVIII veka: promyshlennaya politika i upravlenie* [Development of Russia's Metallurgical Industry in the First Half of the 18th Century: Industrial Policy and Management]. M., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. 536 p.
9. Redin D. A. *Inostrannye vykhodcy v Ekaterinburge: u nachala social'noi organizacii goroda* [Foreigners in Yekaterinburg: at the Beginnings of the City's Social Organisation] // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8 (No. 5). Pp. 1695–1717. DOI 10.15826/qr.2020.5.553.
10. Redin D. A. *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epohu petrovskikh reform (zapadnye uyezdy Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of the Petrine Reforms (Western Uyezds of the Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg, Volot. 2007. 608 p.
11. Safronova A. M. *Pervaya apteka Ekaterinburga i ee rol' v medicinskom obsluzhivanii naseleniya kazennykh zavodov Urala i Sibiri (1734–1750-e gg.)* [The First Pharmacy of Yekaterinburg and its Role in Medical Care of the Population of State-owned Factories in the Urals and Siberia (1734–1750)] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr.* – Document. Archive. History. Modernity: collection of scientific works. Yekaterinburg, Ural University. 2019. Is. 19. Pp. 56–79.
12. Safronova A. M. V. N. *Tatishchev – organizator medicinskoj sluzhby v Ekaterinburge* [V. N. Tatishchev – the Organizer of the Medical Service in Yekaterinburg] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr.* – Document. Archive. History. Modernity: collection of scientific works. Yekaterinburg, Ural University. 2017. Is. 17. Pp. 51–70.
13. Safronova A. M., Safronov A. A. *Gospital' kak ob'ekt social'noi infrastruktury Ekaterinburga v 1723–1734 godakh* [Hospital as an Object of the Social Infrastructure of Yekaterinburg in 1723–1734] // *Nauchnyi Dialog* – Scientific Dialog. 2020. No. 9. Pp. 434–453. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-434-453.
14. Starkov V. I. *Istoricheskij opyt razvitiya sistemy zdravooohraneniya na gorno-zavodskom Urale v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Historical Experience of the Development of the Health Care System in the Gorno-zavodsky Urals in the 18th – first half of the 19th century]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informacii. 2007. 150 p.
15. Khudin K. S. *Dokumenty Aptekarskogo prikaza (1629–1672 gg.) kak istoricheskii istochnik : diss. ... kand. ist. nauk* [Documents of the Aptekarsky Prikaz (1629–1672) as a Historical Source : diss. ... PhD in Historical Sciences]. M., 2021. 280 p.
16. Tsemenkova S. I., Chernoukhov A. V. *Rukovoditeli apparata gorno-zavodskoi vlasti Urala v 20-e–50-e gg. XVIII v. : bibliograficheskii spravochnik* [Heads of the Ural Mining and Factory Power Apparatus in the 20s–50s of the 18th century : biographical guide]. SPb., Aleteiya. 2022. 446 p.
17. Carøe K. *Studier til Dansk Medicinalhistorie*. København, Kristiania: Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag. Fr. Bagges Kgl. Hofbogtrykkeri, 1912. 336 p.
18. Geiger Ph. L. *Pharmakopea Universalis. Pars posterior. Composita et praeparata*. Heidelberg : C. F. Winter, akadem. Verlagshandlung, 1845. 1071 p.
19. Sommerhoff J. Ch. *Lexicon Pharmaceutico-Chymicum Latino-Germanicum & Germanico-Latinum*. Nürnberg : Impensis Joh. Ziegeri & Georg. Lehmann, 1701. 115 p.

Поступила в редакцию: 11.03.2025

Принята к публикации: 06.05.2025

УДК 908(470.342)"18""19"

EDN: NJXAJG

Формирование еврейской общины в Вятке в XIX – начале XX в.

Касанов Антон Сергеевич

кандидат исторических наук, независимый исследователь. Россия, г. Киров. E-mail: kasanv@rambler.ru

Аннотация. Тема становления и развития еврейской общины города Вятки долгое время оставалась вне фокуса внимания исследователей. В то же время очевидно, что вятские евреи сыграли значимую роль в экономической, социальной и культурной жизни поликонфессионального города Вятки в губернский период. Целью статьи является изучение процессов формирования еврейской общины Вятки в XIX – начале XX вв. Поставленными задачами стали подсчет количества проживавших в Вятке евреев, анализ их рода деятельности, расселения, путей миграции, отношения с местной администрацией. При фактически полном отсутствии литературы по выбранной теме реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования материалов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Кировской области. В завершении статьи делается вывод о формировании в начале XX в. устойчивой и многочисленной еврейской диаспоры в Вятке. Если в середине XIX в. большинство вятских евреев были солдатами и членами их семей, к концу XIX в. становится больше ремесленников и торговцев, а в начале XX в. появляются многочисленные представители медицинской сферы и люди творческих профессий. Община не являлась статичной: она регулярно пополнялась извне, но и теряла своих членов за счет миграции в другие регионы России. К 1910-м гг. в губернском центре сохранялся пласт членов еврейской диаспоры, которые жили в городе несколько десятилетий. Они занимались развитием синагоги, становились домовладельцами и помогали интеграции в местное общество новых членов общины. Помимо Вятки большое количество евреев проживало в Сарапульском уезде, на Воткинском и Ижевском заводах.

Ключевые слова: евреи, еврейская община, синагога, черта оседлости, Вятка, Вятская губерния.

В постсоветский период историки регулярно занимались изучением формирования еврейских общин различных территорий дореволюционной России. Ряд диссертационных исследований был посвящен истории еврейского населения Кубани, Урала, Поволжья, Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока [2; 3; 4; 7; 9; 11; 12; 24; 25]. Тема становления и развития еврейской общины города Вятки до сих пор не являлась объектом отдельного исследования. Единственную попытку изучить отдельные этапы истории вятского еврейства предпринял краевед А. Л. Рашковский [10]. Писатель Т. К. Николаева, рассказывая про семью жившего в Вятке дантиста Дона Аронсона, упоминает, что у него дома в начале XX в. собирались члены местной еврейской общины [6]. В то же время еще в 2000-е гг. историки Д. В. Пюрияйнен и Т. А. Васина проанализировали изменения динамики численности евреев на Ижевском и Воткинском заводах, а также в городе Сарапуле [1; 8]. Таким образом, сложилась ситуация, при которой о еврейских общинах бывших уездных городов Вятской губернии известно больше, чем о еврейском населении губернского центра.

До революции вопрос о численности евреев в Вятской губернии был объектом пристального внимания органов государственной власти, заинтересованной в строгом учете евреев. Категории евреев, пользовавшихся правом жить вне черты оседлости, менялись, но в основном это были купцы первой гильдии, те, кто получил высшее образование, и отставные солдаты, набранные по Рекрутскому уставу до 1874 г. Временные разрешения на проживание могли также получать мелкие торговцы, ремесленники, аптекари, фельдшеры, повивальные бабки и т. д. Благодаря тому, что разные бюрократические структуры регулярно запрашивали информацию о количестве евреев, сегодня мы можем по документам Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО) проследить изменения динамики численности еврейского населения Вятки и Вятско-Камского региона с начала XIX в. и до 1914 г.

Сведения о появлении в губернской Вятке евреев датируются концом XVIII в. Краевед В. А. Любимов смог установить, что «новокрещенный жидовнин» Александр Иванович Санников в 1775 г. в Сретенской церкви венчался с младшей дочерью Онисима Вернеева Параскевой», благодаря чему породнился со знаменитой семьей художников Исуповых [5, с. 259]. О дальнейшей судьбе Санникова исследователь смог узнать, что Александр в 1782 г. получил должность рядового Котельничской штатной команды и уехал из Вятки. Стать христианином

с высокими моральными устоями ему не удалось, и вскоре Александр завел любовницу, оставив жену без содержания. Эта ситуация даже рассматривалась духовной консисторией.

В. Любимову удалось найти в метрических книгах конца XVIII в. еще несколько эпизодов интеграции евреев в вятскую жизнь через крещение и свадьбы с местными девушками. Так, в 1787 г. крестился и женился еврей из города Слонима Павел Софонов, а в 1802 г. купец Амшей Зильберберг. В 1806 г. во Владимирской церкви Вятки мещанин из Орши Израиль Мойшовис принял православие и был наречен Александром Аршауловым. Интересно, что такую же фамилию при крещении взял и другой еврей, рядовой вятского гарнизонного батальона Лазарь Алделберг. Историк Любимов считает, что фамилия Аршаулов была взята и тем, и другим в честь родного города Орши.

В 1810-е гг. вопрос о численности всех евреев губернии поднимался в связи с началом Отечественной войны с Наполеоном. Перед руководством региона была поставлена задача – пересчитать всех иностранцев и исповедующих неправославную веру. В итоге выяснилось, что в Вятке числятся всего четыре еврея и все они ремесленники. Резчики печатей Левин Карман и Иоган Титлер, ювелир Товин Вульф, слесарь, изготавливавший предметы из серебра, Мовша Шмуйлович [15, л. 39]. Все они уже довольно давно жили в Вятке, приехав из Слонима и Орши, и не были заподозрены полицией в каких-либо противоправных действиях. Также евреи в этот период работали в Яранском, Орловском, Слободском, Елабужском уездах, на Ижевском заводе.

В документах упоминаются и евреи, сменившие религию. Так, епископ Вятский и Слободской Гедеон 9 октября 1812 г. сообщил губернатору Федору Фон-Брадке, что в городе Нолинске был крещен «в веру греко-российскую» еврей из города Орши Могилевской губернии Александр Зеленсон, его новое имя – Андрей. В аптеке, находившейся под ведомством Приказа общественного призрения, в этот же период служил помощником аптекаря 24-летний Григорий Глазевиц. Он рассказал чиновникам, что его отец приехал в Россию еще в 1780-е гг. и стал российским подданным. Глазевиц-младший в Вятке отказался от еврейской веры и перешел в католичество.

Следующая перепись евреев губернии состоялась в 1853 г. Губернатор Николай Семенов запросил рапорты всех уездных исправников, большая часть которых сообщила, что ни евреев, ни синагог на их территории нет. Таким образом, в середине XIX в. евреи проживали только в Вятке (25 человек), Сарапульском уезде (206), в Воткинском заводе (4), по одному еврею насчитали в Яранске, Нолинске и Слободском. Синагога во всей губернии была только одна – в городе Сарапуле.

Большинство евреев губернии в этот период являлись военными. В Вятке 19 человек числились при городском батальоне, 1 – в инвалидной команде, 2 – при полиции и пожарной дружине [16, л. 9]. В Ижевском заводе евреи служили в инвалидной команде, а в Воткинском заводе они были приписаны к роте Оренбургского линейного батальона. Отмечен и один ссыльный еврей, отправленный на место жительства в уездный город Нолинск. В гендерном составе доминировали мужчины, лишь 3 женщины жили в Вятке и 48 в Сарапульском уезде.

К сожалению, в представленном списке евреев нет ни одной фамилии, поэтому мы почти ничего не знаем об их жизни в Вятке середины XIX в. Однако из сохранившегося в фонде вятского губернского прокурора ЦГАКО «Дела по канцелярии вятского губернатора о содержании евреем Шапиро в услужении женщины православного вероисповедания» за 1846 г. можно сделать вывод, что местные чиновники установили полицейский надзор над многими вятскими евреями и контролировали их быт. В Деле содержится донос коллежского регистратора Ильи Успенского на имя вятского уездного стряпчего. В документе Успенский сообщает о том, что «проживающий здесь же в городе и состоящий под надзором полиции еврей Шапиров будто бы имел и имеет при себе, вопреки закона, в услужении женщин православного вероисповедания» [13, л. 1]. Стряпчий обратился к губернскому прокурору с просьбой проверить всех вятских евреев и изучить, имеют ли они подобного рода прислугу. Дело рассматривалось губернатором А. И. Середой, но сведения о результате не сохранились. В документах, описывающих иноверцев и иностранцев губернии за 1812 г., упоминается проживающий в Елабуге «водочный мастер» мещанин Шоломо Рубин Шапиров, приехавший из Орши. Однако тот ли это Шапиров или другой, установить не представляется возможным.

Молельня евреев существовала в Вятке как минимум с 1850-х гг. В это время евреи из городского батальона и инвалидной команды ходатайствовали о разрешении об отводе помещения «для отправления военнослужащим евреям духовных треб по их обряду» [21, л. 2]. Инициативу

утвердили разного рода чиновники: и губернского уровня, и министерства внутренних дел. Вятский губернатор Николай Семенов дал распоряжение квартирной комиссии «отвести обывательскую квартиру с отоплением для богослужений» [21, л. 2]. В итоге губернской управой для синагоги были наняты комнаты в доме наследников Садакова на улице Преображенской.

В 1860–1870-е гг. одним из лидеров еврейской диаспоры Вятки был отставной рядовой солдат Хаим Абрамов Гарелик. Именно он стал ответственным за содержание синагоги и взаимодействие с органами власти по вопросам ее функционирования. В 1872 г. Гарелик писал в городскую управу, что «помещение для еврейской синагоги в настоящее время находится в доме наследников мещанина Александра Садакова, который по заключенному с городской управой контракту отдал верхний этаж сказанного дома под вышеизложенное помещение сроком по 1 января 1873 г. из платы по 100 рублей в год» [21, л. 2–3]. Далее Хаим просил городские власти продлить на три года договор об аренде квартиры в доме Садакова, за свой счет Хаим обещал платить за отопление помещения и решать все хозяйственные вопросы.

В январе 1873 г. городская управа рассмотрела заявление Гарелика и включила расходы на найм квартиры для еврейской молельни в статью по финансированию воинских подразделений. Городская дума утвердила эти траты, и Гарелик был нанят в качестве человека, отвечающего за функционирование синагоги. Таким образом, органы местной власти оказывали поддержку общине в содержании вятской синагоги. Но это соучастие чиновников имело и обратную сторону медали – в 1870-е гг. начался процесс пристального контроля над деятельностью еврейской диаспоры Вятки.

В середине 1870-х гг. губерnsкие власти обязали лидеров вятских евреев завести метрические книги, которые передавались в городскую управу, губернское правление и полицейское управление. Так силовые структуры могли получать точную информацию о родившихся, умерших и бракосочетавшихся членах общины, оперативно узнавать, нет ли среди евреев тех, кто не имеет права жить за чертой оседлости. Сведения нужны были и для постановки на воинский учет молодых евреев. В 1874 г. был составлен список всех мужчин-евреев губернии с указанием возраста.

В этот период в вятской еврейской молельне исполнял должность раввина и вел метрические книги отставной рядовой Хаим Гершов Славин. При его помощи был составлен «Список семейств евреев, прикрепленных в мещане и цеховые г. Вятки» [22, л. 4–6об.]. Этот документ датирован 20 сентября 1876 г., в нем перечислены 18 еврейских семейств губернского центра. Большинство из членов диаспоры были отставными рядовыми в диапазоне от 30 до 40 лет. Выделяется лишь ссыльный Берко Менкин «из политических преступников». Обращает на себя внимание, что у многих солдат-евреев еще нет семей и не указаны ни жены, ни дети. Самое большое потомство оставил лидер общины Хаим Славин, у которого было пятеро сыновей, у Иосера Блювштейна – четверо детей, но от двух жен. Некоторые евреи из составленного списка уехали в другие города (Казань, Пермь, Нижний Новгород) и даже на территории черты оседлости (в Минскую губернию), кто-то умер, пока список формировался.

В то же время министерство внутренних дел издает распоряжение губернатору о предоставлении сведений касательно всех молодых евреев, родившихся в Вятке в 1857–1861 гг. Из подготовленной Славиным информации мы узнаем, что за четыре года диаспора города пополнилась лишь тремя мальчиками: сыновьями Славина Мовшей и Ароном, а также у умершего рядового солдата Исая Горностаевского родился мальчик Мовша. Сведения за конец 1870-х гг. более полные: в 1876 г. родилось 9 человек, в 1877 г. – 8, в 1878 г. – 7, в 1879 г. – 8, в 1880 г. – 9. Смертность была меньше, чем рождаемость: за период с 1876 по 1880 г. умерло всего 15 человек. Причем в документах отмечено, что некоторые скончавшиеся евреи не были членами вятской общины. Например, в 1877 г. Славин указал, что в Вятке скончалась «дочь иногороднего купца Певзнер – Куна», а в предыдущий год из семи умерших лишь один мальчик (Симон Файбисович) проживал в Вятке [22, л. 47]. Менее всего за пять лет произошло бракосочетаний: первые три года их не было вообще, в 1879 г. женилось три пары, в 1880 г. – еще две.

В 1888 г. вятским уездным полицейским управлением был составлен новый список проживающих в Вятке евреев [23, л. 23–25]. Всего в нем упоминается 26 человек, на этот раз чиновники указали имена и фамилии, возраст, место проживания и в некоторых случаях род занятий евреев губернского города. 10 евреев числятся как военные, вышедшие в отставку, самому молодому из них 47 лет (Меер Гутман), самому пожилому – 56 (Хаим Славин). Выделяется и 68-летняя «солдатка» Рея Феткович, которая числится содержательницей публичного дома. В это время уже появляются многочисленные евреи, занимавшиеся предпринимательством и ремеслами. Они работали часовщиками (Зельман Авербах, Моисей Пинхин), пере-

плетчиками (Мовша Эстеркин), сапожниками (Иосель Юдкевич), держателями ссудной кассы (Иосель Блювштейн) и т. д. Большинство евреев жили на съемных квартирах, лишь 54-летний дамский портной Гирш Давидович являлся домовладельцем в самом центре города в здании на углу Спасской и Царево-Константиновской улиц.

К списку была приложена аналитическая записка, в которой чиновники указали некоторые характеристики вятского еврейства. Например, обратили внимание на то, что с поселением в Вятке евреев не произошло увеличения ремесленного производства. Все обозначенные евреи действительно занимались своим ремеслом, поэтому проживающих «под видом ремесленников» в городе не было. Тут же подчеркивалось, что подобные случаи происходили в 1880-е гг. Так, высланы из Вятки за неимением ремесленных документов мещане Хаим Бернштейн и Гирш Роде. Первый происходил из г. Каменец Гродненской губернии, второй – из г. Шавель Ковенской губернии. Дополнительно вятскому губернатору было сообщено, что среди вятского еврейства появился купец 1-й гильдии. Это Айзик Певзнер – владелец кожевенного завода в селе Волково Слободского уезда. У Певзнера большая семья – жена, два сына, две дочери и внук. Старший сын Израиль по стопам отца не пошел, он работал доктором в Москве, жил на улице Малая Лубянка.

Обращает на себя внимание и появление в списке евреев-врачей. Про них содержится крайне скудная информация, и нет имен-отчеств, только фамилии – Чудновский и Изгур. Первый служил военным врачом, жил в Вятке в доме заводчиков Певзнеров. Лазарь Мордухов Изгур (р. в 1851 г.) более известен, он происходил из минских мещан, учился в Харьковском университете, в Вятке работал дантистом. У Изгура лечили зубы многие вятские ссыльные, в том числе самые именитые. У доктора была большая семья: жена Фани Исакова, дети Абрам, Соня, Суша, Мария, Рувим, Роза. Некоторые из них пошли по стопам отца, например, Абрам выучился на аптекарского помощника и работал в Вятке в аптеке Саула Кацнельсона.

Здесь же необходимо упомянуть и проживавшего в Вятке чуть ранее рассматриваемого периода Вениамина Португалова (1835–1896). В город он был приглашен земством на должность губернского санитарного врача. Однако долгое время чиновники не утверждали Португалова в предложенной земцами должности. Причины В. А. Любимов видит и в вольнодумстве Вениамина Осиповича, и в его еврейском происхождении [5, с. 260]. В итоге срок пребывания в Вятке Португалова оказался довольно коротким, хотя и за это время он сделал много полезного. Например, стал инициатором I съезда земских врачей Вятской губернии и разработал программу санитарной деятельности, но в октябре 1874 г. Португалов был арестован за революционную пропаганду.

Спустя 14 лет составляется новая «Ведомость о евреях, проживающих в г. Вятке» (1902 г.) [17, л. 45–52об.]. Информацию для губернского правления собирали городские полицейские. Из этого документа видно, что еврейская диаспора в Вятке сильно разрослась, так как в списке фигурирует уже 89 человек, включая маленьких детей. Важно также и то, что в отличие от 1880-х гг. община существенно помолодела, встречается лишь 6 лиц старше 50 лет, зато много совсем юных ребят. Это воспитанники средних учебных заведений губернского центра: ученицы акушерских и фельдшерских курсов, студенты реального училища, женской и мужской гимназий. Выпускники этих образовательных учреждений вливались в аптекарскую и медицинскую среду Вятки, работая врачами, аптекарями, фармацевтами.

Все так же много евреев работало в сфере торговли и ремесла. Среди них: сапожники (Ицко Брудный, Мовша Бабун, Фрол Беркович), часовщики (Янкель Бунгузов, Пейсих Зильберман, Моисей Кинтер), переплетчики (Гирим Гутман), столяры (Вульф Дубровин), парикмахеры (Хаим Пельзонт), ювелиры (Афрогин Эстеркин) и т. д. Отмечено несколько купеческих детей, которые занимаются своим делом. Например, Берко Монозсон, 24-летний сын купца 1-й гильдии. Приехал в Вятку с 69-летней бабушкой Нехой Борок из г. Санкт-Петербурга и открыл предприятие по изготовлению прохладительных напитков. Большинство евреев прибыло на Вятку из западных регионов России: Могилевской, Витебской, Гродненской, Минской, Ковенской губерний. Встречаются и единичные случаи миграции из Казани, Нижнего Новгорода, Перми, лишь по одному человеку переехало из Санкт-Петербурга и Московской губернии (г. Коломна).

Также следует отметить три новых веяния в жизни еврейского сообщества Вятки. Во-первых, в диаспоре стало больше женщин. Рахиль Бернштейн работала врачом в губернской земской больнице, Шейна Брейтер занималась гильбочным мастерством, Сарра-Лея Пельзонт – шляпным производством. Шестеро девочек учились на фельдшерских курсах, пятеро – на акушерских, четверо – в Мариинской женской гимназии. Во-вторых, евреи предпочитали се-

литься в центре города и часто вместе, арендуя несколько комнат в доходном доме. Так, в особняке купца Кулепетова на улице Московской в 1902 г. отмечены сапожники Хаим Янкемович и Фрол Беркович, мещане Шелом Каплан и Абрам Равич (со своей семьей: жена, две дочери, три сына), гимназист Адольф Израилевич, реалист Лев Гинзбург, ученица женской гимназии Рахиль Генбель. Пятеро евреев жили в доме Фалалеева на Николаевской улице и в доме Попова на Московской, четверо в доме Либерман на Николаевской и в доме Свенторжецкой на Спасской. И, наконец, в-третьих, еврейская диаспора города сильно помолодела и «избавилась» от военных. В начале прошлого века в ней больше не числились отставные солдаты и их вдовы, вместо них состав вятского еврейства пополнили молодые учащиеся и ремесленники.

О количестве евреев в уездах Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. можно узнать из «Дела о проживающих в Вятской губернии евреях-ремесленниках» за 1899 г. [18]. Из документа становится очевидно, что конкуренцию Вятке в размерах еврейской диаспоры на исходе XIX в. составлял только Сарапульский уезд. Здесь на территории города Сарапула, а также в Воткинском и Ижевском заводах проживало 196 евреев. В Слободском отмечено 23 еврея: портной, торговец рыбой, часовщик, скупщик меха, вдова солдата. Такая же ситуация была и в Глазове, где разными ремеслами занимались пятеро евреев с семьями (13 человек). Совершенно другую деятельность вели евреи города Уржума, где вся местная диаспора работала винокурами на заводах юга региона. Лейба Брауде – на Ройском винокуренном заводе наследников Матвеева, Абрам Шаффран и Мейлах Савулкин – на заводе дворянина Садовень, Кусиэль Сметанин и Хаим Аскинази – на подобном же предприятии Депрейс. В Елабуге на заводе «Товарищества химических заводов П. К. Ушкова и Ко» трудился 20-летний химик Гецель Якобсон.

В Яранске уездный исправник обнаружил только одну, но довольно большую еврейскую семью Брусиных. Хацкель Абрамов в 1892 г. прибыл в город из Перми, получил должность пивовара на заводе торгового дома «Булыгин и сын» недалеко от города Царевосанчурска. Вместе с Хацелем в Яранском уезде жила его супруга Ревекка 39 лет, сыновья Нахиман (26), Абрам (7), Уцхон (5), дочери Сарра (20), Хая-Белли (18), Тамара (15), Лея (14), Нехата (10), Маргарита (8). Нахиман помогал отцу и трудился помощником пивовара [18, л. 50, 50 об.]. В Вятке отмечены 47 евреев с семьями, в Котельниче – всего 21.

Большое количество евреев приехало в Вятскую губернию в 1915 г. Этот процесс был связан со строительством в регионе участков железнодорожной линии Казань – Екатеринбург. В этот период в одном только Сарапульском уезде проживал 91 еврей [20, л. 72]. Среди них были бухгалтера, подрядчики по земляным работам, поставщики хлеба для рабочих, кузнецы, табельщики, счетоводы и т. д. В основном они квартировали в Сарапуле без семьи и приезжали на короткие сроки. Жили еврейские рабочие и в Ижевском заводе, например, здесь в конторе строительства Агрыз-Воткинской железнодорожной ветки служили Сруль Самойлов и Израиль-Рувин Розов. Часть евреев находилась на юге Вятской губернии. Так, подрядчик Хургин отчитался перед губернским правлением, что у него работают пятеро евреев: конторщик, табельщик, десятники. Все они дислоцированы в селе Вятские Поляны, а приехали из Могилевской, Черниговской, Минской губерний. Подрядчики Марков и Лазарев рекрутировали на территорию Елабужского и Малмыжского уездов 15 еврейских рабочих. Самым молодым из них был 15-летний служащий Мойше Коган из города Черкассы Киевской губернии, наиболее возрастной – Шмая Русаковский, 56 лет из города Золотоноша Полтавской губернии. Среди рабочих в Малмыжском уезде отмечен и 59-летний фельдшер Рувим Титов. Всем этим евреям было разрешено находиться на территории Вятской губернии только до окончания строительных работ.

К сожалению, метрические книги синагоги Вятки почти не сохранились. В Центральном государственном архиве Кировской области находится лишь одно дело с фрагментарными сведениями о рождениях, смертях и бракосочетаниях членов диаспоры за 1906–1918 гг. [14]. Представленные данные помогают проследить динамику рождений детей вятских евреев в начале XX в. В 1906 г. в Вятке появилось на свет 19 человек, в 1907 г. – 13, в 1908 г. – 9, в 1910 – 12, в 1914 г. – 9, в 1917 г. – 13. Таким образом, по сравнению с концом 1870-х гг. темпы появления новорожденных в среде диаспоры губернского города существенно не увеличились, хотя сама община в Вятке разрослась до нескольких сотен членов. В документах отмечены и родившиеся в Вятке евреи из других городов: Вологды, Слободского, Яранска, Котельнича. Среди метрических записей каким-то образом оказались и сведения о причинах смертей вятских евреев за 1876, 1890–1892 гг. В конце XIX в. умирали от оспы, скарлатины, болезней желудка, один человек утонул в реке, несколько скончались «естественной смертью».

Новая «Ведомость о евреях, проживающих в уездах Вятской губернии» была составлена в 1911 г. [19]. В этом документе указано, что в губернском центре в начале 1910-х гг. постоянно находился 291 еврей. Община по сравнению с началом XX в. увеличилась почти в три раза. Значительная миграция шла со стороны уездных центров губернии (Сарапул, Котельнич, Малмыж, Уржум) и городов Поволжья. Из Нижнего Новгорода в 1907–1911 гг. в Вятку переехало пятеро евреев, из Перми в 1900-е гг. – восемь человек.

При этом в губернском центре сохранялся пласт членов еврейской диаспоры, которые жили в городе несколько десятилетий. В начале прошлого века эти люди уже стали домовладельцами и могли приютить у себя вновь прибывших. Так, в доме Таубы Валенчук на Владимирской улице отмечены в качестве квартирантов восемь человек: большая семья Давида Каценеленбогена, двое бывших витебских мещан – 65-летняя Рохля Шафран и 26-летний Лейбе Войханский. Помимо них здесь же находились трое взрослых дочерей Таубы Соломоновны. Также свой дом имелся у трех евреев-старожилов – Рейзе Лернера, Сарры Галицкой и Иоселя Юдкевича.

В начале 1910-х гг. по-прежнему многие вятские евреи работали ремесленниками, торговцами и в медицинской сфере, но стали появляться и представители новых профессий. Так, обращают на себя внимание сразу два помощника присяжного поверенного: Моисей Хаймович и Хаим Бергауптер. Учитывая сложный правовой статус евреев в Российской империи и попытки в начале XX в. давления на них с целью выселения из центральной России, юридические кадры в общине были крайне ценным ресурсом. Еще одно новшество в среде профессиональных занятий вятских евреев – это появление людей творческих профессий. Абрам Блюштейн занимался литературной и издательской работой, Арон Баренбаум зарабатывал концертами, выступали перед публикой два «органщика» – Сура Бронзевич и Мойер Липник.

Еще одна тенденция этого времени связана с тем, что в диаспоре почти не осталось учащейся молодежи, которой было много в 1902 г. Указан лишь один воспитанник мужской гимназии – 11-летний Израиль Розенштейн. Вероятно, остальные отучились и уехали из Вятки, либо были отчислены и выдворены за пределы губернии во время Первой русской революции. В общине снова стало много военных, на этот раз отставных, встречаются и ветераны боевых действий. Например, Моейр Липник воевал в русско-японской войне 1905 г. Среди многочисленных ветеранов, вдовцов и вдов выделяются настоящие долгожители: 67-летняя Рейза Свердлова, 76-летний Иосель Горловский, 78-летний Иосель Юдкевич, 80-летний Вульф Апельцин.

По-прежнему вятские евреи селились довольно компактно, по несколько семейств в одном доме. Абсолютным лидером по концентрации евреев в 1911 г. стал дом Смолянинова на Николаевской улице, где обитали 26 человек, представители восьми фамилий. Расширилась география проживания евреев в губернском центре, теперь они квартируют не только на центральных улицах (Московской, Спасской, Николаевской), но и на периферии – на Орловской, Раздерихинской, Острожной.

За пределами Вятки наибольшее количество евреев проживало в Сарапульском, Котельничском, Слободском, Уржумском уездах. Ни одного еврея не обнаружили чиновники в Малмыже, а в Елабужском уезде насчитали лишь троих: часового мастера Самсона Левина с супругой и химика Гецеля Якобсона, который теперь трудился на Бондюжском заводе главным лаборантом.

Таким образом, евреи до революции проживали и в Вятке, и почти во всех уездах губернии. Их численность существенно увеличилась за рассматриваемый период с начала XIX в. до начала 1910-х гг. В губернском центре к 1917 г. сформировалась устойчивая еврейская община, которая постоянно пополнялась извне, но и теряла своих членов, переезжавших в другие регионы России (как добровольно, так и принудительно), за границу, сменивших веру. Первоначально большинство вятских евреев – это солдаты и их семьи, к концу XIX в. становится больше ремесленников и торговцев, а в начале XX в. появляются многочисленные представители медицинской сферы и люди творческих профессий. Помимо Вятки большое количество евреев проживало в Сарапульском уезде, в Воткинском и Ижевском заводах. Кроме постоянно находившихся в регионе евреев нужно также отметить и тех, кто прибыл сюда в начале XX в. в ссылку, а также более сотни временно работавших на строительстве части железнодорожной линии Казань – Екатеринбург.

Список литературы

1. Васина Т. А. Культура и быт населения Камских заводов в конце XVIII – первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ижевск, 2005. 279 с.
2. Галашова Н. Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: 1860–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2004. 228 с.

3. Кальмина Л. В. Еврейская община Западного Забайкалья (60-е годы XIX века – февраль 1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 1998. 174 с.
4. Коваленко В. Ю. Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX – первой трети XX вв.: на материалах Ставрополья и Кубани : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2009. 306 с.
5. Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Киров, 2004. 477 с.
6. Николаева Т. К. Аронсоны в Вятке // Герценка: Вятские записки : научно-популярный альманах. Вып. 20. Киров, 2011. 272 с.
7. Проценко Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв.: Демографическое и этнокультурное развитие : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2000. 316 с.
8. Пюрийнен Д. М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ижевск, 2009. 304 с.
9. Рабинович В. Ю. Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998. 236 с.
10. Рашковский А. Л. Еврейская община в Вятском крае // Хлынов-Вятка-Киров. История и современность : историко-статистический сборник. Киров, 2014. 906 с.
11. Романова В. В. Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв. : дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2001. 370 с.
12. Сабирова Е. Н. Евреи Башкортостана: эволюция этнодисперсной группы в многонациональном российском регионе: конец XIX – начало XXI века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Уфа, 2020. 189 с.
13. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 21. Оп. 1. Д. 1889.
14. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 226. Д. 2007.
15. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 7. Д. 1.
16. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 391.
17. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 320. Д. 72.
18. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 318. Д. 46.
19. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 123.
20. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1150.
21. ЦГАКО. Ф. 628. Оп. 1а. Д. 315.
22. ЦГАКО. Ф. 628. Оп. 2. Д. 641.
23. ЦГАКО. Ф. 715. Оп. 2. Д. 40.
24. Шайдуров В. Н. Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX – начала XX в. : дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2016. 519 с.
25. Шрамкова О. В. Национальные меньшинства Саратова во второй половине XIX – начале XX вв.: социальная интеграция и повседневная жизнь : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2009. 240 с.

Formation of the Jewish Community in Vyatka in the 19th – early 20th centuries

Kasanov Anton Sergeevich

PhD in Historical Sciences, independent researcher. Russia, Kirov. E-mail: kasanv@rambler.ru

Abstract. The topic of the formation and development of the Jewish community of the city of Vyatka has long remained outside the focus of researchers. At the same time, it is obvious that the Vyatka Jews played a significant role in the economic, social and cultural life of the multi-confessional city of Vyatka during the provincial period. The purpose of the article is to study the processes of formation of the Jewish community of Vyatka in the 19th – early 20th centuries. The tasks set were to count the number of Jews living in Vyatka, analyze their activities, settlement, migration routes, relations with the local administration. With virtually no literature on the chosen topic, the implementation of research tasks was achieved through the use of materials extracted from the funds of the Central State Archive of the Kirov Region. In conclusion, the article concludes that a stable and large Jewish diaspora was formed in Vyatka at the beginning of the 20th century. In the middle of the 19th century the majority of Vyatka Jews were soldiers and members of soldier's families, by the end of the 19th century there were more artisans and traders, and at the beginning of the 20th century numerous representatives of the medical field and people of creative professions appeared. The community was not static: it was regularly replenished from outside, but also lost its members due to migration to other regions of Russia. By the 1910s, a layer of members of the Jewish community, who had lived in the city for several decades, remained in the provincial center. They were involved in the construction of the synagogue, became homeowners and helped integrate new members of the community into the local society. Except Vyatka, a large number of Jews lived in the Sarapul district, Votkinsk and Izhevsk.

Keywords: jews, jewish community, synagogue, pale of settlement, Vyatka, Vyatka province.

References

1. Vasina T. A. *Kul'tura i byt naseleniya Kamskih zavodov v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Culture and life of the population of the Kama factories in the late 18th – first half of the 19th century : diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Izhevsk, 2005. 279 p.
2. Galashova N. B. *Evrei v Tomskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: 1860–1917 gg. : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Jews in Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries: 1860 – 1917 : diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Tomsk, 2004. 228 p.
3. Kalmina L. V. *Evrejskaya obshchina Zapadnogo Zabajkal'ya (60-e gody XIX veka – fevral' 1917 g.) : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Jewish community of Western Transbaikalia (60s of the 19th century – February 1917) : diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Ulan-Ude, 1998. 174 p.
4. Kovalenko V. Yu. *Evrei v hozyajstvennoj, politicheskoy i social'noj zhizni Rossijskoj provincii v konce XIX – pervoj treti XX vv.: na materialah Stavropol'ya i Kubani : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Jews in the economic, political and social life of the Russian provinces in the late 19th – first third of the 20th centuries: based on materials from Stavropol and Kuban : diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Stavropol, 2009. 306 p.
5. Lyubimov V. A. *Staraya Vyatka. Kvartal za kvartalom. Pervaya chast'* [Old Vyatka. Block by block. First part]. Kirov, 2004. 477 p.
6. Nikolaeva T. K. *Aronsony v Vyatke* [Aronsons in Vyatka] // Gertsenka: Vyatka notes : popular science almanac. Is. 20. Kirov, 2011. 272 p.
7. Proshchenok T. V. *Evrejskoe naselenie Urala v XIX–XX vv.: Demograficheskoe i etnokul'turnoe razvitie : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Jewish population of the Urals in the 19th – 20th centuries: Demographic and ethnocultural development : diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Ekaterinburg, 2000. 316 p.
8. Pyuriyainen D. M. *Naselenie uездного goroda Sarapula vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: sociokul'turnyj aspekt : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Population of the district town of Sarapul in the second half of the 19th – early 20th centuries: socio-cultural aspect: diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Izhevsk, 2009. 304 p.
9. Rabinovich V. Yu. *Evrei dorevolucionnogo Irkutsk kak predprinimatel'skoe men'shinstvo : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Jews of pre-revolutionary Irkutsk as an entrepreneurial minority : diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Irkutsk, 1998. 236 p.
10. Rashkovsky A. L. *Evrejskaya obshchina v Vyatskom krae* [Jewish community in the Vyatka region] // Hlynov-Vyatka-Kirov. *Istoriya i sovremennost' : istoriko-statisticheskij sbornik* [Khlynov-Vyatka-Kirov. History and modernity : historical and statistical collection]. Kirov, 2014. 906 p.
11. Romanova V. V. *Gosudarstvennaya politika v otnoshenii evrejskogo naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii v 60-e gg. HH – 20-e gg. HH vv. : diss. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02* [State policy towards the Jewish population of the Russian Far East in the 60s of the XIX – 20s of the XX centuries : diss. ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02]. Khabarovsk, 2001. 370 p.
12. Sabirova E. N. *Evrei Bashkortostana: evolyuciya etnodispersnoj gruppy v mnogonacional'nom Rossijskom regione: konec XIX – nachalo XXI veka : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.07* [Jews of Bashkortostan: evolution of an ethnodispersed group in a multinational Russian region: late XIX – early XXI century : diss. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.07]. Ufa, 2020. 189 p.
13. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 21. Inv. 1. File 1889.
14. CSAKR. F. 237. Inv. 226. F. 2007.
15. CSAKR. F. 582. Inv. 7. F. 1.
16. CSAKR. F. 582. Inv. 139. F. 391.
17. CSAKR. F. 583. Inv. 320. F. 72.
18. CSAKR. F. 583. Inv. 318. F. 46.
19. CSAKR. F. 583. Inv. 604. F. 123.
20. CSAKR. F. 583. Inv. 608. F. 1150.
21. CSAKR. F. 628. Inv. 1a. F. 315
22. CSAKR. F. 628. Inv. 2. F. 641.
23. CSAKR. F. 715. Inv. 2. F. 40.
24. Shaidurov V. N. *Formirovanie i social'no-ekonomicheskoe razvitie evropejskih obshchin v Zapadnoj Sibiri v usloviyah obshchestvennyh transformacij XIX – nachala XX v. : diss. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02* [Formation and socio-economic development of European communities in Western Siberia in the context of social transformations of the 19th – early 20th centuries : diss. ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02]. SPb. 2016. 519 p.
25. Shramkova O. V. *Nacional'nye men'shinstva Saratova vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: social'naya integraciya i povsednevnyaya zhizn' : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [National minorities of Saratov in the second half of the 19th – early 20th centuries: social integration and everyday life: dissertation ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Saratov, 2009. 240 p.

Поступила в редакцию: 07.10.2024

Принята к публикации: 21.03.2025

Исторический факультет Свердловского государственного педагогического института и «Большой террор» 1937–1938 гг.

Кулинский Андрей Андреевич

младший научный сотрудник Лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0009-0004-8089-1604. E-mail: kulinsky@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния «Большого террора» 1937–1938 гг. на становление высшего исторического образования в Свердловске. Во второй половине 1930-х гг. в исторической политике произошел резкий поворот к преподаванию истории в связи с новым идеологическим курсом советского руководства, направленным на воспитание советского патриотизма. В 1934 г. был утвержден один из первых исторических факультетов Урала в составе Свердловского государственного педагогического института (СГПИ). К началу «Большого террора» коллектив исторического факультета состоял из ученых, получивших высшее образование до революции, партийных историков и выпускников высших учебных заведений центральной части СССР. В 1938 г. профессорско-преподавательский состав претерпел значительные изменения, связанные с масштабами репрессий. Помимо сотрудников, непосредственно обвиненных в идеологических преступлениях, в штате факультета оставались и те, на чью жизнь повлияли аресты и следственные дела ближайших родственников.

На основе архивных материалов и воспоминаний современников рассмотрена динамика и последствия террора для высшего исторического образования. Установлено, что акцент репрессий в Свердловске в 1937–1938 гг. был смещен на партийных работников и специалистов-историков, окончивших коммунистические вузы, что противоречит выводам о «вытеснении специалистов старой школы». Несмотря на масштабы репрессий, в период «Большого террора» пострадало лишь несколько преподавателей исторического факультета СГПИ. Из-за малочисленности штата это негативно сказалось на научно-педагогической работе. Тем не менее историческому факультету СГПИ в итоге удалось компенсировать ущерб, нанесенный «Большим террором».

Ключевые слова: историография, высшее историческое образование, советские историки, историческая наука Урала, «Большой террор».

Политико-идеологический курс советского руководства середины 1930-х гг., направленный на воспитание патриотизма, был связан с резким поворотом к преподаванию истории в среднем и высшем школьных звеньях. Для реализации новой исторической политики было принято решение о воссоздании системы высшего исторического образования, фактически ликвидированного в конце 1920-х гг. как самостоятельного направления. Ключевой этап становления факультетов высших учебных заведений страны, где должны были готовиться советские историки, пришелся на тяжелые годы «Большого террора», сопровождавшиеся масштабными репрессиями практически во всех сферах жизни советского общества.

В историографии проблема влияния «Большого террора» на формирование высшего исторического образования в СССР не получила должной разработки на монографическом уровне. В то же время современными учеными были подготовлены биографические исследования репрессированных сотрудников научно-исследовательских учреждений и преподавателей исторических факультетов советских вузов. Так, в 1994 г. А. Л. Литвиным была издана книга, раскрывающая биографии нескольких репрессированных в 1937–1938 гг. московских и казанских историков [19]. В 2019 г. был опубликован сборник документов, в котором представлена трагическая судьба сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР и профессора кафедры истории СССР исторического факультета Ленинградского государственного университета В. Н. Кашина. Автор вступительной статьи и комментариев Р. Ш. Ганелин охарактеризовал эмоционально-психологическую обстановку в историческом сообществе периода сталинских репрессий [37].

Проблема влияния «Большого террора» на становление системы советского высшего исторического образования поднималась в исследованиях, посвященных истории учебных заведений и состоянию высшего исторического образования в регионах. А. Н. Галямичевым в разделе коллективной монографии 2006 г. рассматривалась история развития медиевистики

в Саратовском университете. На основе биографий преподавателей автором изучен и период 1937–1938 гг., сделан вывод о влиянии репрессий на историческое образование в Саратове, согласно которому некоторым преподавателям удавалось успешно реализовать научно-педагогическую работу, в то время как идеологическое давление сказалось лишь на карьере немногих историков [10].

Т. И. Хорхординой в книге 2020 г. исследовалось становление Московского государственного историко-архивного института 1930-х гг. [31]. По утверждению автора, в период «Большого террора» «после включения архивной системы и ИАИ в ведение НКВД в 1938 г.», «институт, как это ни парадоксально, казался островком безопасности за пределами внимания верхов. Сюда потянулись профессора из других, более престижных вузов, оказавшихся под более жестким идеологическим прессом» [31, с. 86–87].

Д. В. Хаминовым в монографии 2021 г. было изучено формирование сибирского исторического научно-образовательного комплекса 1930-х гг. [30]. Ученый пришел к выводам о направленности репрессий против историков Иркутского государственного университета и Иркутского государственного педагогического института, «имевших досоветский стаж преподавательской и научной деятельности» [30, с. 81]. Автор обратил внимание на психологическое состояние историков после 1937–1938 гг. Ученые, отделавшиеся «легким испугом», испытывали страх перед возобновлением уголовных дел, что приводило к «избежанию самостоятельных суждений» и «ненужным умалчиваниям» [30, с. 85].

Если говорить об Уральском регионе, то М. В. Поповым и И. М. Клименко в статье 2020 г. была рассмотрена биография репрессированного в 1938 г. первого декана исторического факультета Свердловского государственного педагогического института (далее – СГПИ) В. К. Ансвесула [22]. Если говорить об обобщающих работах, то в 2019 г. В. Д. Камыниным и Е. В. Лазаревой в статье, посвященной исторической политике на Урале 1930-х гг., была поднята и проблема влияния репрессии 1937–1938 гг. Авторы пришли к выводу, что в 1930-е гг. на Урале происходило «вытеснение из научных учреждений специалистов “старой школы”, с другой – формирование научных кадров, готовых в своих исторических произведениях проводить линию правящей партии» [15, с. 95]. Однако часть упомянутых в статье специалистов, которых затронул «Большой террор», все же принадлежала не к «старой школе», а к числу первого поколения партийных историков [15, с. 93]. Кроме того, авторами совсем не был упомянут находившийся в столице советского Урала – Свердловске – исторический факультет СГПИ, без учета истории которого едва ли можно представить полноценную картину реализации советской исторической политики в регионе.

Таким образом, в современной историографии были сформированы направления в изучении влияния репрессий 1937–1938 гг. на группы историков высших учебных и научных учреждений Урала. Для последующего обобщения проблемы влияния периода «Большого террора» на становление первых уральских исторических институций необходима проработка тематики по отдельно взятым учреждениям, что и было предпринято в данном исследовании.

К началу «Большого террора» на Урале функционировал Свердловский педагогический институт, созданный на базе Уральского инженерно-педагогического института (УРИПИ). В 1934 г. был учрежден исторический факультет СГПИ [28, с. 24], на который возлагалась функция по обеспечению обширных территорий Урала квалифицированными специалистами-историками.

Коллектив исторического факультета к 1937 г. состоял из опытных ученых, получивших высшее образование еще до революции; историков партии, мобилизованных в институт для педагогической и административной работы; приезжих молодых специалистов, окончивших высшие учебные заведения центральной части СССР. Должность декана с лета 1937 г. занимал выпускник Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской А. И. Алексеев [35, л. 39]. Его предшественнику, первому декану факультета В. К. Ансвесулу, окончившему аспирантуру при Уральском коммунистическом университете, пришлось оставить должность в СГПИ после назначения 19 июня 1937 г. заведующим отделом агитации и пропаганды Свердловского городского комитета партии [22, с. 16–17]. Заведующим кафедрой истории с сентября 1936 г. [28, с. 389] был назначен известный специалист в области истории государства и права профессор С. В. Юшков, командированный в Свердловский педагогический институт еще в 1935 г. Народным комиссариатом просвещения РСФСР [32, л. 134]. С 1935 г. штатным преподавателем стал Н. П. Руткевич, учившийся в 1912–1918 гг. на историко-филологическом факультете Киевского университета [5, л. 1–2] и утвержденный в звании профессора в 1931 г. Государ-

ственным научно-методическим комитетом УССР без защиты диссертации [27, л. 1]. На факультете также работали преподаватели В. Н. Розенталь, И. Ф. Ивашин, А. М. Патрик [25], ассистентка А. А. Захарова [12, л. 25].

Согласно мемуарной заметке студентки 1930-х гг. М. А. Субботиной, «работать на истфаке во второй половине 30-х и в 40-е годы было нелегко... Институт не миновали трагические события тех лет: исчезали люди» [26, л. 1]. После начала репрессий «в коллективе обостренная бдительность и подозрительность. Арестовываются некоторые преподаватели и студенты». И, согласно таким воспоминаниям, репрессиям подверглись студенты-историки И. Е. Вайнер и Х. З. Усманов [26, л. 1].

Согласно архивным данным, Х. З. Усманов был отчислен приказом от 5 июня 1935 г. «за антисоветское выступление» [1, л. 1]. И. Е. Вайнер «в 1935 году стал студентом СГПИ двухгодичного отделения, так называемого Учительского института, исторического факультета» [2, л. 5]. В том же году И. Е. Вайнер был обвинен в антисоветских высказываниях по 58 статье УК РСФСР [2, л. 5]. Все же студенты Вайнер и Усманов пострадали еще до начала «Большого террора».

Уже в 1938 г. «Большой террор» ощутимо коснулся исторического факультета СГПИ: 3 февраля В. К. Ансвесула арестовали по статье 58, пункты 6, 7, 8 УК РСФСР [8, л. 89]. В справке УГБ НКВД на арест фигурировал «руководитель» контрреволюционной организации И. Ф. Мезит, давший показания на сотрудника исторического факультета: «О принадлежности к латвийской разведке я узнал от Лейман в 1936 году. В начале 1937 года я лично установил с ним связь, и его дальнейшая шпионская работа проводилась под моим руководством» [8, л. 3]. На допросе 23 февраля 1938 г. В. К. Ансвесул признал вину: «Вопрос: следствие располагает данными, что Вы являетесь агентом латвийской разведки. Признаете предъявленное Вам обвинение? Ответ: да, признаю... К деятельности латвийской разведки я был привлечен в 1925 году» [8, л. 59].

На закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 8 августа 1938 г. В. К. Ансвесул был приговорен к расстрелу [8, л. 95]. Еще до XX съезда 18 мая 1955 г. военная прокуратура СССР обратила внимание на дело преподавателя. После ознакомления с материалами следствия был вынесен вердикт: «Антисоветской шпионской подрывной латышской организации, участником которой якобы являлся Ансвесул, не существовало» [8, л. 120]. Преподаватель был реабилитирован на основании определения Верховного суда СССР от 25 июня 1955 г. [8, л. 115]. Судебное дело Ансвесула состояло из показаний случайных свидетелей и стандартных обвинительных формулировок без каких-либо подробностей.

Примечательно, что на партийном собрании СГПИ от 9 марта 1938 г. военный руководитель СГПИ Г. А. Жебелев заявил, что «перестраховщик, враг народа Ансвесул распускал слухи об Алексееве, что он плохой декан», а секретарь парткома СГПИ А. И. Пересветов сказал, «что “враги народа” перешли на новую форму борьбы – клевету на честных людей». Как отмечают М. В. Попов и И. М. Клименко, в 1937 г., «став партийным чиновником, Ансвесул считал своим долгом выявление врагов большевизма», в связи с чем поднимал вопросы об исключении некоторых членов из партии [22, с. 17–18]. Это не спасло его от обвинений. В то же время, принимая факт ареста В. К. Ансвесула как данность, партийцы СГПИ попытались отвести удар от других сотрудников института, на которых указывал Ансвесул.

Вскоре после этого на страницах печатного органа Свердловского обкома ВКП(б) «Уральский рабочий» 3 апреля 1938 г. была размещена информационная заметка студентов, в которой жестко критиковался декан исторического факультета СГПИ М. И. Алексеев: «Он громче и больше всех кричит о бдительности и в то же время переполняет свои лекции клеветническими рассуждениями. Например, в лекции об истории гражданской войны в СССР, Алексеев с воодушевлением восхвалял “талантливых” полководцев белогвардейщины, но не находил ни одного слова для характеристики пролетарских полководцев» [24, с. 2].

Реакция на эту заметку была мгновенной: в тот же день, 3 апреля 1938 г., состоялось собрание партийной организации СГПИ. На нем студент исторического факультета Стручков, фактически подтверждая «факт» из заметки, заявил: «Читая лекции по разгрому Колчака, т. Алексеев ярко изображал Колчака, его армию и менее ярко наших командиров гражданской войны. Такое положение ненормально» [33, л. 27]. Алексеев, выступая на собрании, пытался оправдаться: «Партийная организация все это должна проверить. Надо сказать, что надо мной нет контроля, работаю 7-й год, а никто у меня на лекции не бывал. С осени нынешнего года был болен, перегружен, читал лекции очень плохо: готовиться не мог – часто вызывали РК ВКП(б), но в отношении методологии претензий принять не могу. С II курсом не дружу... Возможно, что есть люди “обиженные мною как деканом”» [33, л. 26].

В докладной записке «О состоянии работы Свердловского государственного пединститута» за 1937/1938 учебный год указывалось, что «в коллективе имели место случаи зажима самокритики, как например Алексеев по замечке, критиковавшей работу истфака, всеми средствами добивался найти автора замечки. Он же ко всем указаниям на его ошибки и недостатки пренебрежительно относится, считая, что он “звезда” ничем не погрешим и даже больше, сеет недоверие ко всей парторганизации» [36, л. 60]. Уже в августе 1938 г. М. И. Алексеев не присутствовал на партийных собраниях и заседаниях института. В отчетах исторического факультета за 1937/1938 учебный год научно-педагогическая деятельность декана также не упоминалась.

По воспоминаниям Г. А. Кулагиной, до начала 1938/1939 учебного года М. И. Алексеев покинул Свердловск: «В связи с выделением из состава Уральской области Пермской... был передан в распоряжение Пермского обкома партии. Там, на кафедре истории пединститута он работал и жил до конца своих дней» [18, с. 7]. Скорее всего, причиной отъезда стала идеологическая критика, распространившаяся за пределы СГПИ. Как результат, Алексееву удалось избежать серьезных последствий. В начале 1940-х гг. он стал доцентом на историческом факультете Молотовского государственного педагогического института, где принял участие в публикации сборника «Ученых записок» МГПИ [29].

На карьере преподавательницы Древней истории и курса методики истории СГПИ А. А. Захаровой [13, л. 1], по утверждению Г. А. Кулагиной, сказался арест близкого родственника по политическим обвинениям: «Анна Александровна Захарова, человек уже немолодой, тихий, спокойный, воспитанный... Позже, когда и у нее в семье появился репрессированный (сын – студент), ее перевели в кабинет к Попову лаборантом. Вести методику истории и руководить практикой почасовиком разрешали, а на штатную должность ассистента так до конца дней и не вернули» [18, с. 111]. В то же время жена «врага народа» В. Н. Розенталь продвигалась по карьерной лестнице: в 1939 г. была назначена заведующей кафедрой истории СССР СГПИ [6, с. 52], с 1 августа 1941 г. зачислена доцентом на исторический факультет Свердловского университета по совместительству [3, л. 1].

В обстановке поиска «врагов народа» было удивительно обнаружить сведения об успешной научно-педагогической карьере специалиста, который, на первый взгляд, должен был вызывать подозрения. Речь идет о докторе исторических наук, профессоре С. В. Юшкове. В связи с начавшимися гонениями на представителей дореволюционной школы конца 1920-х гг., Серафиму Владимировичу пришлось покинуть основное место работы в Ленинградском университете. С 1930 по 1935 гг. Юшков работал в Узбекской педагогической академии, Дагестанском педагогическом институте [17, с. 86], после чего переехал в Свердловск.

За непродолжительное время работы Юшков успел стать видной фигурой в институте. По случаю 25-летнего юбилея научной и педагогической деятельности в 1937 г. было организовано чествование профессора [14, с. 230]. Празднование юбилея было утверждено приказом по СГПИ № 128 от 22 июня 1937 г.: «1. По случаю исполняющегося двадцатипятилетия ученой и преподавательской деятельности профессора, доктора исторических наук С. В. Юшкова организовать 2 Июля юбилейное чествование. 2. Для проведения юбилея организовать юбилейную комиссию в составе: Директора Института-профессора А. В. Козырева, (председатель), зам. директора Д. Г. Пайкова, В. К. Ансвесула, декана истфака М. И. Алексеева, председателя Месткома Чиркова, проф. Руткевича, Т. М. Пиньжаковой, студ. Цыпина, просить председателя Союза Высшей школы и секции научных работников выделить своих представителей. 3. Сообщить в Наркомпрос и Облисполком о предстоящем юбилее и просить их об ассигновании нужных средств. 4. Обратиться с предложением в те учреждения, где работал С. В. Юшков, принять участие в чествовании. 5. Предложить комиссии выработать план чествования в двухдневный срок» [23].

О заслугах профессора, как педагога, ученого и общественного деятеля была опубликована информационная заметка сотрудниками СГПИ в областной газете «Уральский рабочий» от 5 июля 1937 г., где сообщалось, что Юшков ведет свою «работу в области истории русского права и истории СССР без перерыва с 1912 года» [38, с. 4]. Коллеги отметили значительный вклад Юшкова в развитие марксистской исторической науки. Формирование позитивного образа профессора не могло произойти без поддержки местных властей. Среди документов Свердловского облисполкома сохранилась примечательная характеристика С. В. Юшкова от 28 июня 1937 г., составленная в связи с празднованием юбилея профессора, где его жизнь излагалась исключительно с положительной стороны [32, л. 134]. Приведем также фрагмент из другой характеристики: «Сын попа, беспартийный. Человек старой выучки. Имеет большие

познания, 25 научных трудов. Методом Марксизма-Ленинизма еще овладевает». Однако затем указывалось, что Юшков «работает добросовестно. *Антирелигиозник* (курсив мой. – А. К.). Участвует в общественной работе. Неоднократно премирован за хорошую работу» [35, л. 42]. Похоже, с помощью таких формулировок местные власти стремились показать лояльность советской власти профессора и уберечь высококвалифицированного сотрудника от идеологических разбирательств.

В период «Большого террора» на исторический факультет СГПИ было принято несколько квалифицированных специалистов. Штат факультета пополнился Н. А. Финкельштейном, А. И. Виноградовым и М. Я. Сюзюмовым. Если для Финкельштейна и Виноградова трудоустройство в Свердловский пединститут было ординарным карьерным событием, то для Сюзюмова, блестящего выпускника Императорского Юрьевского университета, начало работы на историческом факультете СГПИ стало шансом для возобновления профессиональной деятельности, прерванной арестом.

М. Я. Сюзюмов, по характеристике дирекции СГПИ за 1938/1939 учебный год, обладал «большой эрудицией в вопросах истории Средних веков, прекрасным знанием первоисточников» [13, л. 5]. Однако проблема была в том, что в 1936 г. Сюзюмов «арестован за связи с иностранными коллекционерами марок» [21, с. 55] и осужден по статье 59, пункты 9, 11 УК РСФСР [7, л. 153]. Вопреки объявленному приговору, 8 декабря 1936 г. «комиссия по делам Частной амнистии при Президиуме ВЦИК рассмотрела “дело свердловских коллекционеров марок” и решила: М. Я. Сюзюмова “от дальнейшего отбывания лишения свободы освободить”». Судебное разбирательство и приговор препятствовали поиску постоянного места работы. К лету 1937 г. Михаил Яковлевич подрабатывал в Свердловской государственной консерватории, «где вел итальянский язык и занятия по истории античности на подготовительном отделении» [16, с. 278, 283].

В 1938/1939 учебном году М. Я. Сюзюмову удалось получить работу в СГПИ преподавателем латинского языка. По воспоминаниям ассистента кафедры всеобщей истории УрГУ С. Г. Лившица, рассказанным Г. А. Кулагиной, «рискуя многим, Сюзюмова взял тогда на работу на кафедру Н. П. Руткевич. Ему не без труда удалось убедить руководство института, что тот не будет преподавать историю (идеологический фронт!), а как большой знаток древних языков будет вести только латынь – предмет нейтральный» [18, с. 12]. Н. П. Руткевич, имея за плечами опыт обучения в Императорском Киевском университете, прекрасно понимал значимость квалифицированного преподавателя с дореволюционным образованием, рискнул своей карьерой для трудоустройства Михаила Яковлевича. Дальнейшая судьба последнего, как известно, сложилась благополучно: ученый стал основателем известной уральской школы византистики [4].

Ситуация с М. Я. Сюзюмовым не была единичной. По личному поручению М. И. Алексеева на факультет был устроен муж Г. А. Кулагиной (лаборантки исторического кабинета Свердловского государственного университета) – выпускник исторического факультета СГПИ К. В. Попов, отец которого подвергся репрессиям. Приведем воспоминания Галины Александровны: «Мой свекор, учитель начальных классов, Попов В. М. (1888–1938) был арестован 28 февраля 1938 года, осужден “тройкой” 13 мая и расстрелян 14 мая. В этих условиях наш декан (М. И. Алексеев. – А. К.) под личную ответственность взял мужа на работу на должность старшего лаборанта исторического кабинета. Риск, на который он шел, был очень велик» [18, с. 7]. Правда, К. В. Попову не удалось достичь высоких позиций на факультете.

На историческом факультете СГПИ также работал пострадавший от «Большого террора» Н. Е. Застенкер. Выпускник Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова (1923) и Института Красной профессуры (1931) продвигался по карьерной лестнице, работая в 1931–1933 гг. в Коммунистическом университете г. Минска и ЦК ВКП(б) Беларуси. В 1933 г. был переведен на работу в Совет профсоюзов ЦК ВКП(б) г. Магнитогорска, а в 1934 г. направлен в свердловский Институт марксизма-ленинизма [11, л. 3]. Затем в Свердловске Застенкер стал работать по партийной линии, что в том числе способствовало тому, что во время «Большого террора» на него обратили внимание.

Справка о компрометирующих материалах поступила в управление НКВД 18 мая 1937 г. от работника Свердловского обкома ВКП(б) А. Я. Голышева: «Застенкер является участником к-р организации правых и ведет в ней активную организационную и пропагандистскую работу... Перед приездом на Урал он был снят с работы и исключен из партии в Белоруссии за связь и поддержку троцкиста Ривлина. ЦК ВКП(б) его в партии восстановила, но запретила партийную и педагогическую работу. Несмотря на это Застенкер... был вызван в Свердловск и

ему было поручено руководить сектором подготовки и распределения парткадров в орготделе, а потом и в ОРПО Обкома партии» [9, л. 7]. На основании донесения Н. Е. Застенкер был взят под арест в июне 1937 г. по статье 58, пункт 8 УК РСФСР [9, л. 1]. Кроме А. Я. Голышева компрометирующие данные предоставили преподаватель истории Областного дома партийного просвещения А. Н. Лошкарев, член бюро Свердловского обкома ВКП(б) И. В. Ланганс и работник фабрики «Уралобувь» С. И. Докучиц [9, л. 1–191].

В. П. Смирнов, ученик Н. Е. Застенкера, вспоминал: «Наум Ефимович... однажды все же рассказал мне, что был арестован “по списку” как сотрудник Свердловского обкома ВКП(б) вслед за арестом первого секретаря обкома И. Д. Кабакова. “В тюрьме была тяжелая атмосфера: велись постоянные антисоветские разговоры, – вспоминал Наум Ефимович. – К счастью, в камере оказалось несколько стойких коммунистов, мы создали партийную ячейку и стали давать отпор антисоветчикам”» [20, с. 216].

На протяжении двух лет Н. Е. Застенкер отрицал обвинения: «Участником к-р организации я никогда не был и подрывной деятельностью не занимался» [8, л. 10]. Лишь 10 августа 1938 г. состоялось судебное заседание, на котором было принято решение «отправить дело на следствие» в связи с появлением новых обстоятельств [9, л. 139]. За два года заключения Застенкер многократно предоставлял следствию оправдывающие материалы. В финальном постановлении УГБ НКВД по Свердловской области от 11 мая 1939 г. материалы следствия были признаны недостаточными для обвинения: «В деле имеются показания участников к-р организации Докучиц, Ланганс и Лошкарева (осуждены). Докучицу и Лошкареву в отношении Застенкер стало известно как об участнике к-р организации со слов других лиц... По их показаниям Застенкер якобы был вызван из Белоруссии Лапидусом и Кабаковым для подрывной деятельности на Урал. По официальным материалам партархива устанавливается, что Застенкер на Урал приехал специально по путевке ЦК ВКП(б) в г. Магнитогорск, а уже после этого в 1934 г. был переведен в г. Свердловск в аппарат Обкома ВКП(б). Также Застенкер инкриминировалось то, что он сделал троцкистский наскок на аппарат Обкома ВКП(б)... Тогда как выступление Застенкера и его письмо Обкому ВКП(б) разоблачало преступную деятельность врагов народа, еще в 1936 г. орудовавших в институте (Свердловском педагогическом. – А. К.) и Марксизма-Ленинизма, а также в аппарате Обкома ВКП(б). За самокритику и разоблачение вражеской работы Узюкова (Николая Анисимовича – работника Свердловского областного комитета ВКП(б) под покровительством И. Д. Кабакова. – А. К.) и др. Застенкер был исключен из рядов ВКП(б)» [9, л. 190–191]. Наум Ефимович был освобожден из-под стражи 11 мая 1939 г. [9, л. 191]. После прекращения следствия научно-педагогическая карьера историка складывалась благоприятным образом. В конце 1939/1940 учебного года преподаватель был зачислен сотрудником Свердловского пединститута, принят в парторганизацию 16 мая 1940 г. [34, с. 28]. Уже в годы Великой Отечественной войны он будет деканом исторического факультета СГПИ.

Как отмечалось, Д. В. Хаминовым в сибирских вузах была выявлена группа репрессированных преподавателей-историков, относящаяся к ученым с дореволюционным образованием. Акцент репрессий в Свердловске же в 1937–1938 гг. был смещен на партийных работников и специалистов-историков, окончивших коммунистические вузы, что противоречит общим выводам В. Д. Камынина и Е. В. Лазаревой о «вытеснении специалистов старой школы» на Урале. Конечно, потенциально репрессии могли коснуться большего числа преподавателей исторического факультета СГПИ, однако в итоге пострадали от идеологических обвинений лишь единицы. Это не должно создавать иллюзии, что «Большой террор» не оказал значимого влияния. Историческое подразделение СГПИ было немногочисленным и любые изменения в составе кафедры негативно сказывались на исследовательскую и педагогическую работу, что являлось серьезной проблемой для дальнейшего развития системы высшего исторического образования. В то же время несмотря на атмосферу страха и нервозности, в состав факультета было зачислено несколько «неблагонадежных» соискателей. Местные власти и сотрудники СГПИ предпринимали попытки уберечь единичных образованных, имевших опыт работников, для налаживания системы воспроизводства не только учителей, но и будущих кадров высших учебных заведений. Историческому факультету СГПИ все же удалось компенсировать ущерб, нанесенный «Большим террором». В 1937–1938 гг. на историческом факультете СГПИ продолжилась концентрация историков, которые затем составят костяк научно-преподавательского исторического сообщества Свердловска. Последнее же в свою очередь станет прочной основой для утверждения советского высшего исторического образования на Урале.

Список литературы

1. А могли бы быть учителями... «Дело Усманова». Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1329.
2. А могли бы быть учителями... Вайнер Исаак Евгеньевич. Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1329.
3. Архив УрФУ. Оп. личных дел сотрудников УрГУ за 1941 г. Д. 21.
4. Архив УрФУ. Оп. личных дел сотрудников УрГУ за 1943 г. Д. 30.
5. Биография Н. П. Руткевича // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1373.
6. Вера Наумовна Розенталь (1900–1971). Библиографический указатель / сост. М. М. Тимофеева. Рязань, 2000. 9 с.
7. ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15003.
8. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20952.
9. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 5555/6238.
10. Галямичев А. Н. Судьбы отечественной медиевистики. Саратовская школа: трудный путь становления. 1917 – середина 1950-х годов // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов : Наука, 2006. С. 6–45.
11. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-2110. Оп. 5. Д. 103.
12. ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 15.
13. ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 25.
14. Зипунникова Н. Н. Кафедре истории государства и права СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ – 80: Эпоха становления. Часть 1. Первый заведующий – С. В. Юшков // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 218–233.
15. Камынин В. Д., Лазарева Е. В. «Историческая политика» на Урале в 1930-е гг.: современный взгляд // История и современное мировоззрение. 2019. № 2. С. 90–97.
16. Капсалыкова К. Р. Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982): биография и научное наследие : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2023. 527 с.
17. Киселев М. А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб. : Нестор-История, 2020. 432 с.
18. Кулагина Г. А. Свидетель века. Екатеринбург : б. и., 2005. 170 с.
19. Литвин А. Л. Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань : Татарское кн. изд-во, 1994. 191 с.
20. Смирнов В. П. Наум Ефимович Застенкер (1903–1977) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М. : Наука, 2004. 551 с.
21. Новиков И. А. Революцией призванный: византист М. Я. Сюзюмов на Урале // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2016. Вып. 18. С. 48–57.
22. Попов М. В., Клименко И. М. В. К. Ансвенсул – «латышский стрелок» и первый декан исторического факультета Свердловского пединститута // Педагогическое образование в России. 2020. № 2. С. 14–20.
23. Приказ № 128 по Свердловскому государственному педагогическому институту от 22.VI.37 г. О юбилейном чествовании С. В. Юшкова // Музей истории Уральского государственного педагогического университета. Инв. № 914/11.
24. Слова и дела руководителей Пединститута // Уральский рабочий. 1938. № 76. 3 апр.
25. Список первых преподавателей исторического факультета. Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1373.
26. Субботина М. А. Первые преподаватели. За что их репрессировали? Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1329.
27. Субботина М. А. Учитель учителей. К 100-летию со дня рождения Н. П. Руткевича (1894–1994) // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1373.
28. Уральский государственный педагогический университет: летопись-хроника 1930–2000 / сост. А. М. Лушников. Екатеринбург, 2000. 426 с.
29. Ученые записки: исторический факультет / отв. ред. Г. А. Замятин. Молотов, 1941. Вып. 8. 136 с.
30. Хаминов Д. В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 221 с.
31. Хорхордина Т. И. Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020 гг. / под ред. А. Б. Безбородова. 2-е изд. доп. М. : РГГУ, 2020. 449 с.
32. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 240. Оп. 1. Д. 5.
33. ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6.
34. ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 9.
35. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 423.
36. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 341.
37. «Что вы делаете со мной!» Как подвели под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / сост. Р. Ш. Ганелин. СПб. : Изд-во Нестор-История, 2019. 270 с.
38. Юбилей профессора С. В. Юшкова // Уральский рабочий. 1937. № 152. 5 июля.

The History department of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute and the "Great terror" of 1937–1938

Kulinsky Andrei Andreevich

junior researcher at the Laboratory of digital technologies in historical and cultural studies, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0009-0004-8089-1604.
E-mail: kulinsky@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of the "Great Terror" of 1937–1938 on the formation of higher historical education in Sverdlovsk. In the second half of the 1930s there was a sharp turn in historical policy towards teaching history due to the new ideological course of the Soviet leadership aimed at fostering Soviet patriotism. In 1934, one of the first history departments in the Urals was approved as part of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute (SSPI). By the beginning of the "Great Terror" the staff of the History Department consisted of scientists who had received higher education before the revolution, party historians and graduates of higher educational institutions of the central part of the USSR. In 1938, the faculty underwent significant changes due to the scale of the repressions. In addition to the staff directly accused of ideological crimes, the faculty also included those whose lives were affected by the arrests and investigations of their closest relatives.

Based on archival materials and memoirs of contemporaries, the dynamics and consequences of terror for higher historical education are examined. It is established that the focus of repression in Sverdlovsk in 1937–1938 was shifted to party workers and historians who had graduated from communist universities, which contradicts the conclusions about the "displacement of old-school specialists". Despite the scale of repressions, only a few teachers of the History Department of the SSPI suffered during the "Great Terror". Due to the small number of staff, it had a negative impact on scientific and pedagogical work. Nevertheless, the History Department of SSPI eventually managed to compensate for the damage caused by the "Great Terror".

Keywords: historiography, higher historical education, Soviet historians, historical science of the Urals, "Great Terror".

References

1. *A mogli by byt' uchitelyami... "Delo Usmanova". Vospominaniya* [And They could have been teachers... "Usmanov's Case". Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1329.
2. *A mogli by byt' uchitelyami... Vajner Isaak Evgen'evich. Vospominaniya* [And They Could Have Been Teachers... Isaak Evgenievich Vainer. Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU, File. 1329.
3. Archive UrFU (Ural Federal University archive). Inventory of personal files of employees of the UrSU for 1941. File. 21.
4. Archive UrFU. Inventory of personal files of employees of the UrSU for 1943. File. 30.
5. *Biografiya N. P. Rutkevicha* [Biography of N. P. Rutkevich] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1373.
6. *Vera Naumovna Rozental' (1900–1971). Bibliograficheskij ukazatel'* [Vera Naumovna Rosenthal (1900–1971). Bibliographical index] / comp. M. M. Timofeeva. Ryazan', 2000. 9 p.
7. SAABSR (State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk region). F. R-1. Inv. 2. File. 15003.
8. SAABSR. F. R-1. Inv. 2. File. 20952.
9. SAABSR. F. R-1. Inv. 2. File. 5555/6238.
10. *Galyamichiev A. N. Sud'by otechestvennoj medievistiki. Saratovskaya shkola: trudnyj put' stanovleniya. 1917 – seredina 1950-x godov* [Fates of domestic medievistics. Saratov school: the difficult path of formation. 1917 – mid-1950s] // *Istoriya i vlast': sovetskie istoriki stalinskoj e'pohi* – Historian and Power: Soviet Historians of the Stalin Era. Saratov, Nauka (Science). 2006. Pp. 6–45.
11. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. R-2110. Inv. 5. File. 103.
12. SASR. F. R-2162. Inv. 1. File. 15.
13. SASR. F. R-2162. Inv. 1. File. 25.
14. *Zipunnikova N. N. Kafedre istorii gosudarstva i prava SUI – UrGuA – UrGJuU – 80: epoha stanovleniya. Chast' 1. Pervyj zaveduyshii – S. V. Yushkov: Epokha stanovleniya. Chast' 1. Pervyj zaveduyushhij – S. V. Yushkov* [Department of History of State and Law of SIL – USLA – USLU – 80: Era of Formation. Part 1. The first head – S. V. Yushkov] // *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* – Russian Law Journal. 2016. No. 4. Pp. 218–233.
15. *Kamynin V. D., Lazareva E. V. "Istoricheskaya politika" na Urale v 1930-e gg.: sovremennyj vzglyad* ["Historical politics" in the Urals in the 1930s. A contemporary view] // *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie – History and modern worldview*. 2019. No. 2. Pp. 90–97.
16. *Kapsalykova K. R. Mikhail Yakovlevich Syuzumov (1893–1982): biografiya i nauchnoe nasledie : diss. ... d-ra ist. Nauk* [Mikhail Yakovlevich Syuzumov (1893–1982): biography and scientific heritage : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2023. 527 p.
17. *Kiselev M. A. "Regulyarnoe" gosudarstvo Petra I v stalinskoj Rossii: Sud'by istorikov prava v kontekste nauchnyh i ideologicheskikh batalij sovetskogo vremeni* ["Regular" state of Peter the Great in Stalinist Russia: Fates of historians of law in the context of scientific and ideological battles of the Soviet time]. SPb., Nestor-Istoriya. 2020. 432 p.

18. Kulagina G. A. *Svidetel' veka* [Witness of the Century]. Ekaterinburg, 2005. 170 p.
19. Litvin A. L. *Bez prava na mysl'. (Istoriki v epokhu Bol'shogo terrora. Ocherki sudeb)* [Without the Right to Think. (Historians in the epoch of the Great Terror. Sketches of Fates)]. Kazan, Tatarskoe kn. izd-vo. 1994. 191 p.
20. Smirnov V. P. *Naum Efimovich Zastenker (1903–1977)* [Naum Efimovich Zastenker (1903–1977)] // *Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 4. Novaya i novejsaya istoriya* – Portraits of Historians. Time and Fates. Vol. 4. Modern and Contemporary History.. M., Nauka (Science). 2004. 551 p.
21. Novikov I. A. *Revolyuciej prizvannyj: vizantinist M. Ya. Syuzumov na Urale* [Called by the Revolution: Byzantinist M. Y. Süzyumov in the Urals] // *Zapad, Vostok i Rossiya: Voprosy vseobshhej istorii* – West, East, and Russia: Questions of General History. 2016. Is. 18. Pp. 48–57.
22. Popov M. V., Klimenko I. M. V. K. *Ansvensul – "latyshskij strelok" i pervyj dekan istoricheskogo fakul'teta Sverdlovskogo pedinstitutu* [V. K. Ansvensul – "Latvian shooter" and the first dean of the Faculty of History of Sverdlovsk Pedagogical Institute] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2020. No. 2. Pp. 14–20.
23. *Prikaz No. 128 po Sverdlovskomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu institutu ot 22.VI.37 g. O yubilejnom chestvovanii S. V. Yushkova* [Order No. 128 for the Sverdlovsk state pedagogical institute 22.VI.37. On the anniversary honoring of S. V. Yushkov] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 914/11.
24. *Slova i dela rukovoditelej Pedinstitutu* [Words and deeds of the heads of the pedagogical institute] // *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1938. No. 76. 3 apr.
25. *Spisok pervykh prepodavatelej istoricheskogo fakul'teta. Vospominaniya* [List of the first teachers of the Faculty of History. Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1373.
26. *Subbotina M. A. Pervye prepodavateli. Za chto ikh repressirovali? Vospominaniya* [The First Teachers. Why were they repressed? Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1329.
27. *Subbotina M. A. Uchitel' uchitelej. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. P. Rutkevicha (1894–1994)* [Teacher of teachers. To the 100th anniversary of the birth of N. P. Rutkevich (1894–1994)] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1373.
28. *Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet: Letopis'-khronika 1930–2000* [Ural State Pedagogical University: Chronicle 1930–2000] / comp. A. M. Lushnikov. Ekaterinburg, 2000. 426 p.
29. *Uchenye zapiski: istoricheskij fakul'tet* [Scientific Notes: Faculty of History] / ed. G. A. Zamyatin. Molotov, 1941. Is. 8. 136 p.
30. *Khaminov D. V. Istoricheskoe obrazovanie, nauka i istoriki sibirskoj periferii v gody stalinizma* [Historical education, science and historians of the Siberian periphery in the years of Stalinism]. M., *Politicheskaya enciklopediya* – Political Encyclopedia. 2021. 221 p.
31. *Khorkhordina T. I. Istoriko-arhivnyj institut v istorii otechestvennoj vysshej shkoly: 1930–2020 gg.* [Historical and Archival Institute in the History of Russian Higher School: 1930–2020] / ed. A. B. Bezborodov. 2 vol. add. M., RGGU. 2020. 449 p.
32. CDPOSР (Center for documentation of public organizations of the Sverdlovsk region). F. 240. Inv. 1. File. 5.
33. CDPOSР. F. 240. Inv. 1. File. 6.
34. CDPOSР. F. 240. Inv. 1. File. 9.
35. CDPOSР. F. 4. Inv. 13. File. 423.
36. CDPOSР. F. 4. Inv. 33. File. 341.
37. *"Chto vy delaete so mnoj!" Kak podvodili pod rasstrel. Dokumenty o zhizni i gibeli Vladimira Nikolaevicha Kashina* ["What are you doing to me!" As brought under the firing squad. Documents on the life and death of Vladimir Nikolaevich Kashin] / comp. R. Sh. Ganelin. SPb., Nestor-Istoriya. 2019. 270 p.
38. *Yubilej professora S. V. Yushkova* [Jubilee of prof. S. V. Yushkov] // *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1937. No. 152. 5 July.

Поступила в редакцию: 29.01.2025

Принята к публикации: 28.02.2025

Трудовая занятость беженцев периода Первой мировой войны (на материалах Рязанской губернии)

Ларин Николай Васильевич

соискатель кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. Россия, г. Рязань. ORCID: 0009-0004-9553-6146.

E-mail: niklar1991@mail.ru

Аннотация. В данной статье затрагивается проблема трудовой занятости беженцев из Западных губерний Российской империи в Рязанской губернии в 1915–1916 гг. Очерчивается круг трудностей в трудоустройстве вынужденных мигрантов указанного периода. В исследовании автором приводятся сведения об отношении к работе беженцев, осевших на территории Рязанской губернии в 1915–1916 гг. и отношении к ним местных жителей. Основное содержание исследования составляет анализ документов из Государственного архива Рязанской области (ГАРО). В научных исследованиях проблема трудовой занятости беженцев в Рязанской губернии в 1915–1916 гг. практически не освещена, на сегодняшний день в данном вопросе существует ряд лакун. В данном исследовании был определен теоретический вопрос по проблеме трудовой занятости беженцев на территории Рязанской губернии в годы Первой мировой войны, требующий изучения: в Рязанской губернии при подыскании поденной работы, оплата которой была существенно ниже фондовой помощи, беженцы автоматически лишались своего пайка, который предоставлялся из благотворительных организаций; автор видит именно в этом проблему отказа от работ, и как следствие, тунеядство. По мнению автора, эта проблема существовала и в других губерниях по причине снижения финансовой нагрузки с фондовых структур. По результатам исследования можно сделать вывод: в действительности проблема труда и тунеядства беженцев в Рязанской губернии в период 1915–1916 гг. была обострена путем нехватки рабочих мест, отказа от аграрных работ и существенного урезания пособий по содержанию вынужденных мигрантов. По этой причине очень много людей уезжало в другие губернии, в поисках лучшего заработка. Но, нужно отметить, что существовали люди, которые не хотели работать; к ним применялось административное влияние.

Ключевые слова: Первая мировая война, Рязанская губерния, беженцы, трудовая деятельность.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для всех социальных систем государства. Одним из пунктов содержания беженцев в политике губерний стало их трудоустройство. По разным данным, общая численность беженцев и перемещенных людей по территории всей империи (с учетом беженцев-мужчин, мобилизованных в армию, незарегистрированных и др.) к октябрю 1917 г. варьировалась от 5 млн до 7,5 млн человек [14, с. 51]. Проблема трудоустройства беженцев из Западных губерний Российской империи в Центральной России освещена неоднородно. В Рязанской губернии к декабрю 1915 г. осело более 70 тыс. человек [11, с. 57], которые должны были содержать свои семьи и зарабатывать деньги на разной, предоставляемой государством и фондами, работе. Сведения, сохранившиеся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО), говорят о том, что значительный процент беженцев, приехав на незнакомую землю, обосновавшись, категорически не хотел работать.

Актуальность вопроса трудоустройства вынужденных переселенцев в Рязанской области обусловлена тем, что данная тема недостаточно исследована, хотя она имеет большое значение для понимания жизни беженцев, их быта и досуга в период Первой мировой войны. Исследование этой темы также актуально, поскольку оно расширяет и дополняет понимание причин отказа беженцев от работ, предлагаемых губернскими властями. Одной из ключевых причин такого решения было отсутствие промышленности в центральных губерниях, в частности, в Рязанской. Это приводило к недоразумениям между беженцами и представителями власти. Важным аспектом актуальности данной статьи является отношение местных жителей волостей губернии к беженцам. Сначала оно было хорошим, но со временем ухудшилось. Автор рассматривает и объясняет этот аспект повседневной жизни рязанской провинции. Беженское легкомысленное отношение к трудовой деятельности негативно воспринималось коренным населением Рязанской губернии. Игнорирование и пренебрежение работой беженцами оказывало пагубное воздействие на общественное сознание рязанцев. Если изначально отношение к беженцам было проникнуто сочувствием, то к концу 1916 г. оно претерпело кардинальные изменения.

Освещением вопроса трудовой занятости беженцев из западных окраин периода Первой мировой войны занимались исследователи, изучающие проблематику вынужденных миграционных потоков вглубь Российской Империи. И. Б. Белова в своей монографии «Вынужденные переселенцы: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России (1914–1925 гг.)», опубликованной в 2014 г., обращает внимание на то, что губернаторы и местные власти стремились оптимизировать расходы. Если беженцы без уважительной причины отказывались от работы, то они лишались пайка [4, с. 132]. Тот же автор в своей статье «Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания» (2013 г.) одной из причин отказа от работы называет элементарное отсутствие одежды [3, с. 59]. С. В. Букалова в своей статье «Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I Мировой войны» (2016 г.) говорит о том, что Всероссийское Бюро Труда субсидировало местные трудовые бюро [5, с. 67]. Более глубоко и основательно разобрана тема трудовой занятости беженцев в коллективной монографии Н. В. Суржиковой, Н. А. Михалева, С. А. Пьянкова «Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.)» (2021 г.). Также проблему трудовой занятости разрабатывали в своих трудах и другие исследователи, указанные в данной работе. К. Е. Баженова в статье «Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны» говорила о работе беженцев в регионах (в данном случае в Пермском) [2]. А. Н. Грицаева в работе «К вопросу об организации трудовой помощи беженцам в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.)» затрагивала деятельность Всероссийского Бюро Труда [7]. Вопрос беженцев, обосновавшихся в Рязани и губернии, в формате статистической информации, освещала Е. А. Одегова в статье «Беженцы в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны» (2016 г.) [11]. В этом исследовании Е. А. Одегова косвенно затрагивала и тематику трудовой занятости, но детального анализа, раскрывающего указанную проблему, произведено не было.

Главный комитет Союза городов на совещании 8 августа 1915 г. пришел к выводу, что эвакуация беженцев должна напрямую коррелировать с перспективами их трудоустройства. Согласно принятому решению, рабочие вынужденные мигранты должны были направляться на фабрики и заводы, а беженцы из крестьян – расселяться в сельской местности [12, с. 162–163]. Существовало мнение, которое озвучил П. Гэттрелл, считалось, что новые поселенцы в центральных волостях империи, вероятно, внедрят передовые методы ведения сельского хозяйства в российское крестьянство и повысят общий уровень сельской цивилизации. Русская деревня остро нуждалась в ремесленниках – кузнецах, портных, плотниках и т. д., число которых сократилось из-за призыва [15, с. 132]. Уход на фронт порядка 10 млн. крестьян могла компенсировать только стремительная и масштабная механизация сельского хозяйства, которая, в свою очередь, требовала огромных капиталовложений. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что проблема в традиционном характере российского сельского хозяйства в частности и структуры занятости/разделения труда в российском обществе в целом [13, с. 302].

Всероссийское Бюро Труда при Отделе по устройству беженцев Земского и Городского союзов было создано 16 сентября 1915 г. Его целью было объединение и согласование деятельности отдельных организаций Бюро труда [7, с. 189; 12, с. 166]. Свою работу оно начало с установления контактов с региональными учреждениями трудового посредничества. В провинцию были направлены специальные инструкторы для ведения переговоров с местными бюро труда и популяризации идей рациональной организации посредничества [7, с. 189].

Циркуляром от 12 февраля 1916 г. МВД официально объявляет одной из серьезнейших целей для нормальной жизнедеятельности беженцев из западных регионов Российской империи на территории центральных губерний – целесообразное и соответствующее использование труда данной категорией лиц. Это было необходимо не только для обеспечения интересов производительности государства в необходимости снижения нагрузки на казначейство, но и являлось благом для самих вынужденных мигрантов [12, с. 161]. Административно-исполнительная власть на местах приступила к проведению в жизнь политики более экономного расходования государственных средств, отпускаемых на нужды беженского населения. Губернаторы обязали городские и уездные управы провести обследование семей, получавших государственные пособия, выявить среди них трудоспособных безработных, предложить им работу, а в случае отказа без уважительной причины предупредить о лишении беженских пособий [4, с. 132].

После оседания беженцев в тыловых губерниях правительственная политика в их отношении поворачивается от мер социальной защиты в сторону максимального использования беженской массы как трудового ресурса [5, с. 75].

В основном беженская масса рассматривалась как источник рабочей силы, ставилась цель ее скорейшей интеграции в местное сообщество. Был взят курс на максимальное сокращение государственной помощи беженцам. В отношении мер привлечения беженцев к работе отстаивалась точка зрения, по которой следовало не столько лишением пайка принуждать трудоспособного становиться на работу, сколько предоставить ему работу в соответствии с его силами, привычками и профессиональными навыками. Решением этой задачи занимались трудовые бюро. Они исполняли посреднические функции: собирали сведения о трудоспособных беженцах – их количестве, профессиях и месте жительства; уведомляли беженцев о заявленных вакансиях [5, с. 75–76]. На предложенную работу от Бюро труда соглашались не все. В сельской местности Особое совещание по устройству беженцев предписывало снимать с казенного беженского пайка отказавшихся от земледельческих работ, не считая такой уважительной причины как «низкая оплата». В Рязанской губернии в категорию нетрудоспособных беженцев входили: дети до 14 лет и взрослые свыше 60 лет, полные инвалиды и калеки, временно нетрудоспособные, трудоспособные, осуществляющие уход за детьми, насчитывалось 68 %. В сельскохозяйственных работах участвовало 10 % беженцев, на других – 14 %, безработные составляли 8 % [4, с. 133].

Не все прибывшие из западных губерний империи стремились к трудоустройству. В поисках объяснения этому факту Всероссийское Бюро Труда в начале 1916 г. провело анкетирование местных учреждений, занимающихся помощью беженцам. Многие современники сразу после появления беженцев в тыловых районах отмечали их «моральное потрясение» от пережитого, а также физическую усталость и апатию, вызванные этим «потрясением». Еще одной распространенной причиной отказа беженцев от работы был «семейный вопрос»: боязнь расставания с семьей во время отъезда на работу, неопределенное положение семьи на новом месте и особенно забота о детях и больных. Третьим обстоятельством, характеризующим положение беженцев на российском рынке труда, было несоответствие предлагаемой работы их профессиональным навыкам и умениям. Близким к предыдущей группе факторов было такое обстоятельство, как неустроенность беженцев на новом месте жительства или даже банальная нужда. «Главная и, можно сказать, единственная причина, – говорилось в анкете одного из губернских бюро труда, – почему беженцы отказываются от работы, – это отсутствие одежды и обуви». С этой причиной бюро сталкивались ежедневно в большом количестве случаев [3, с. 60; 5, с. 73–74; 12, с. 183]. Кроме того, беженцы оказались не совсем готовы к тому, что в регионах вселения расценки за труд часто оказывались ниже, чем на их родине. Вышеприведенные причины сформировали специфическое отношение к беженцам как у простых крестьян обывателей, так же и аграриев, и промышленников [12, с. 177, 181, 182, 183, 188].

Те же самые причины, что были упомянуты ранее, привели к отказу от работы и в Рязанской губернии. 12 ноября 1915 г. губернатор Н. Н. Кисель-Загорянский издал распоряжение относительно содержания беженцев на территории губернии. В нем говорилось, что в соответствии с пунктом 22 Закона от 30 августа 1915 г., работа по завершению расселения беженцев в пределах губернии была завершена.

Согласно докладом губернатору от чиновников из уездов, расселение и размещение беженцев по местам завершилось успешно. Однако вместе с этими сведениями сообщалось, что к ноябрю все еще оставались актуальными вопросы, связанные со снабжением расселенных беженцев теплой одеждой, обувью и отоплением. Особенно тяжелыми были вопросы о способах добычи беженцами пропитания и организации им трудовой помощи. В некоторых уездах были случаи прекращения выдачи пособия только после получения уведомления от попечительств о подыскании беженцам работы. Фонды даже не выясняли размер оплаты и возможности семьи существовать на нее.

Переселенцы получали 60 копеек в сутки от фондов (этот размер выплаты был установлен губернским совещанием от 19 сентября 1915 г.). Когда сообщалось о найденной беженцами работе, количество пособия, выделяемое на сутки, резко падало до 26 копеек. Не находя возможности увеличить свой суточный доход, главы семей при отказе в выдаче пособий рабочим отказывались от поденной работы, чтобы вернуться к прежнему пайку, который хоть как-то обеспечивал их существование.

В других случаях вполне работоспособные люди оставались без дела и не хотели работать, развивая тунеядство: получали деньги от земства наравне с нетрудоспособными. Также

нередко отмечались отказы беженцев от предлагаемых им заработков, но причины таких отказов на местах не выяснялись. Между тем, как причиной могло быть отсутствие, как было указано ранее, необходимой одежды, так и действительное нежелание работать. Во всех случаях отказов от работы губернатором было постановлено составлять на местах списки отказавшихся с объяснением причин и представлять их в уездные управы для дальнейших распоряжений.

Ввиду изложенных обстоятельств губернатором Рязанской губернии Н. Н. Киселёв-Загорянским всем уездам предписывалось «устроить вопросы о труде». Земской управе было предложено обсудить дело организации труда для беженцев и предложить меры к прекращению развития тунеядства. По данному распоряжению в уездах были организованы собрания Земских управ.

23 ноября 1915 г. Данковская Земская Управа под председательством П. С. Новикова проводит заседание, ключевым вопросом на котором рассматриваются меры к прекращению возможного развития тунеядства. На 1 ноября 1915 г. в Данковском уезде состояло 5583 человека беженцев. На их содержание из казны было отпущено 26 400 рублей. Этой суммы не доставало даже для удовлетворения самых неотложных расходов по содержанию беженцев. Запись лиц, желающих поступить на работы, в управе производилась так же, как и запись лиц, нуждающихся иметь рабочих и служащих беженцев, но заявления от желающих встать на работы практически не было. Объяснялось это тем, что большинство работоспособных мужчин выбыло уже на работы в Полоцкую губернию и немалое их количество взято на службу по мобилизации и досрочному призыву, поэтому в большинстве в уезде оставались старики, женщины и дети. Найти заработок для женщин и подростков в Данковском уезде, не имеющем никаких фабрично-заводских предприятий, а исключительно уезде земледельческом, в зимнее время не было возможности, к тому же нужно заметить, что беженцы назначали цену за свой труд вдвое превышающую расценку труда местных рабочих. По результатам совещания постановлено: «принимая во внимание все доложенное, председатель Земской управы высказался за необходимость поголовной выдачи казенного воспособления беженцам, лишая такового лишь только тех, по отношению к которым будет установлено, что они, имея возможность получить работу, не желают идти на таковую по тем или иным неуважительным причинам».

Совещанием от 26 ноября 1915 г. О беженцах в Зарайском уезде при уездной Земской Управе под председательством П. Н. Лего было постановлено: по вопросу об организации трудовой помощи обращать особое внимание на причины отказа беженцев от работ. Если таковыми являются неимение обуви, одежды, необходимых для работы инструментов, то волостному комитету необходимо удовлетворить по возможности местными средствами. По вопросу о прекращении тунеядства: волостным комитетам надлежало составлять в форме акта списки трудоспособных вынужденных мигрантов, отказывающихся от работы с указанием причины отказа того заработка, который беженец мог бы получить, дабы этим выяснить – мог ли он своим заработком прокормить всю семью или только ее часть. Такой акт волостного комитета должен быть объявлен отказывающемуся от работы беженцу с пояснением последствий отказа и предоставлен немедленно в Земскую Управу. Последствием отказа от работы является лишение казенного пособия в размере предлагавшегося заработка, «а засим списки таковых лиц управой сообщаются господину зарайскому исправнику на предмет административного воздействия». По вопросу о предупреждении и прекращении нищенства – подтвердить волостным приходским комитетам о возможно широком оповещении населения, чтобы все желающие жертвовать, делали свои пожертвования в волостные и приходские комитеты хотя бы и с особым назначением, например, для беженцев такого селения.

24 ноября 1915 г. Раненбургская Земская Управа под председательством Н. В. Ракитина также проводит собрание по выработке мероприятий против уклонения беженцев от работы и способов борьбы с тунеядством. С появлением беженцев в уезде, управа при содействии комитета организовала бюро труда в целях предоставления им временного заработка. Большая проблема состояла в том, что беженцы не отличались уживчивостью и склонностью к труду, и многие из них оставляли работу совсем и делать ничего не хотели, или в поисках лучших заработков уезжали за свой счет в другие губернии. Все это время бюро предлагало им места для работы с оплатой: для мужчин от 9 до 15 рублей и женщин от 4 до 5 рублей, предоставляло бесплатное питание, квартиру с освещением и отоплением. Но при всем желании заместить имеющиеся должности беженцами не представляется никакой возможности. Громадное большинство из них явно уклоняется от работ. Причинами являлись: дешевая оплата труда, нежелание расстаться с семьей, отсутствие одежды и обуви и простое нежелание рабо-

тять. Доказательством служат предложения Юргенса из Ревеля и Васильчикова из Москвы. На требование 2000 рабочих для пилки дров, изъявивших желание вступить на работу, оказалось только четверо. Для решения вышеуказанных проблем совещание постановило: постоянного заработка беженцам равнозначного, который они получают, организовать не представляется возможным; признать необходимым, чтобы были немедленно приняты меры к отпуску необходимых специальных средств для снабжения беженцев одеждой и обувью; признать необходимым, чтобы казенные средства беженцам высылались своевременно и в достаточном количестве, чтобы размер месячного пособия им не был меньше пособия, установленного совещанием 19 сентября, так как выданных сумм на человека приходится: на взрослого приблизительно 2 руб. 50 коп., на ребенка 1 руб. 50 коп., что ведет к недоеданию.

Примером, описывающим тяжелое положение беженцев в Рязанской губернии, является прошение к князю Г. Е. Львову 7 января 1916 г.: «<...> От беженцев Гродненской губернии Кобринского уезда Стриговской волости и других волостей и деревень, в настоящее время проживающих в Рязанской губернии Михайловского уезда Ижеславской волости в селе Николаевке и деревнях Локни и Натек <...> Простение <...> 15 августа 1915 г. По распоряжению наших местных и гражданских властей, мы были принудительным порядком отправлены в глубь России <...> у некоторых из нас по реквизиции изъяли скот, но деньгами не уплатили нам, а выдали расписки, которые хранятся у нас, а у остальных из нас было все отобрано и не выдано ни денег, ни расписок <...> Когда мы прибыли на место нашего назначенного жительства 25 октября, мы уже израсходовали все домашние запасы, <...> не осталось ни у кого денег <...> все обносились <...> Крестьяне, к которым нас определили, сначала относились к нам очень любезно и во всем помогали: несли нам хлеба, что есть у кого по возможности, топливо, делали сборы, а в настоящее время [содержание. – прим. автора] уже стало обременительно, стали нам отказывать <...> пособие, кормовые деньги мы получаем через приходское попечительство и в Михайловской земской уездной управе. Пособие это выдается очень неровно и очень мало. <...> Не один раз мы ходили в уездную Земскую управу за справками, почему мы получаем так мало и не выдают нам на топливо и все время не можем добиться нам правильного ответа <...> При таких обстоятельствах нашей жизни мы совершенно погибаем, никак невозможно на эти деньги нам содержать свои жалкие семьи, в квартирах ужасный холод <...> Дети наши болеют от холода и голода, заработать хотя бы на топливо негде. ... Никаких фабрик и заводов нет. <...> Уездное попечительство признает нас и жен наших трудоспособными и отказывает нам в прокормлении <...> (Простят обеспечить взрослых и трудоспособных отцов и матерей пособием на «прокормление». – Прим. авт.), так как заработков никаких на месте нет. Обеспечить казенным топливом, или выдачей денег на топливо. Побудить водворить порядок выдачи нам пособия Михайловское уездное попечительство и увеличить пособие кормовых денег». К маю 1916 г. в канцелярию губернатора шли жалобы о плохом содержании беженцев и безразличии к их положению. Так, были поданы жалобы со стороны беженцев из Пронского и Егорьевского уездов [9, л. 100, 100об., 101, 103, 103об., 105, 114, 177, 177об., 178, 245].

В рязанской провинции, так же как, например, и в Пермской губернии [2, с. 24], беженцам было сложно найти работу, особенно зимой, за исключением должности прачки. В этих случаях их агитировали записываться в швейные мастерские или заниматься прядением и ткачеством на дому. Возможен был и выезд на работу в другие губернии, где недоставало рабочей силы. В ГАРО осталась телеграмма, которая свидетельствует указанному факту: «Паровая чулочная фабрика Г. М. Дойно. Харьков Конторский переулок д. № 6. Честь имею известить вас, что моя чулочная фабрика из города Вильны, эвакуирована в город Харьков по Конторскому переулку д. № 6 (вблизи центральной почты), куда приглашаю рабочих и работниц по этой отрасли. А именно: машинярок, кетлярок, штопальщиц и шпулярок. Одновременно возобновляю производство ручного отдела и имеющим свои машины выдаю работы на дом на всевозможных круглых и длинных машинах, снабжая каждую машину требуемыми иголками». На предлагаемую работу фабриканта откликнулись беженцы, осевшие только в Егорьевском уезде [8, л. 105, 106].

Организация рабочей силы считалась государственной потребностью столь же необходимой и неотложной, как и формирование самой армии. Однако уже летом 1915 г. в деле привлечения крестьянства на окопные работы разразился серьезный кризис. В основном на них шли женщины, но вскоре, как выяснилось, посредством их разрушалась рабочая дисциплина и мужчины страдали венерическими заболеваниями. Дело было решено привлечением военнопленных, но быстро вызвало возражение из-за необходимости их использования в непо-

средственной близости от линии фронта [1, с. 104, 112]. Из-за этой причины по центральным губерниям были высланы телеграммы о наборе беженцев на окопные работы. Так, в Рязанскую губернию поступали телеграммы о наборе людей на окопные работы и на постройку северной железной дороги. Через Всероссийский Земский и Городской Союзы Всероссийское Бюро Труда от 1 марта 1916 г. № 1753 телеграфировало: «Главным Комитетом Всероссийского Земского и Городского Союзов производится набор инженерно-строительных дружин на плотничные, дорожные и окопные работы в тылу армии». На них из Рязанского уезда изъявило желание поступить 30 человек, для постройки Северной железной дороги – 11 человек. Из Михайловского уезда было отправлено на постройку Северной железной дороги 29 человек беженцев и на окопные тыловые работы 21 человек. Михайловским уездным земством была организована партия рабочих беженцев в числе 30 человек – 11 плотников и 19 черно-рабочих, которая была отправлена в Минск по распоряжению Бюро труда Земфронта. Из Мурманской, Троице-Лисуновской, Княжовской волостей Рязского уезда на окопные работы изъявило желание поступить 4, 3, 30 человек, а на строительство Северной железной дороги 34, 6, 5 человек – соответственно.

Направлялись телеграммы в Рязанскую губернию и такого порядка «Телеграмма. Военно-дорожным отрядом на устройство дорог, мостов в тылу армии требуются 300 плотников и 200 чернорабочих. Еще не призванные освобождаются от военной службы. Плотники первой руки – 60 руб., второй руки – 45 руб., чернорабочим – 37 с полтиной на казенных харчах с квартирой и теплой одеждой. Желających работать надо, отправлять непосредственно в бюро Земфронта: Минск, Преображенская, 31. Рабочих можно отправлять партиями в 20–30 человек. Евреям нельзя. <...> Рабочих к набору просим преступить немедленно. Работа спешная. Кормовые – 2 рубля на человека» [8, л. 113, 115, 121, 123, 136, 142, 201].

Несмотря на наличие работы, беженцы старались уклониться от нее различными способами, пассивно получая денежные пособия. Надеясь на скорое возвращение домой, они не проявляли инициативы в трудоустройстве, были инертны и ленивы [2, с. 24]. Подтверждение этих слов можно найти в источнике, хранящемся в Касимовском краеведческом музее, – «Книга для летописных заметок по приходу Успенской церкви села Малого Кусмора, составленная приходским священником о. Василием Мокринским». Священник пишет о беженцах, расквартированных в селе Малый Кусмор¹, их обычаях поведения в храме, и затрагивает, по-видимому, наболевшую тему того, что новые односельчане не хотят работать: «<...> Местное население жалуется на беженцев, что они не помогают им в хозяйственной работе, что они ленивы и в работе не отличаются сметливостью и догадливостью <...>» [10, л. 40]. Об этом же 28 марта 1916 г. из Кораблинской волости Рязского уезда в Рязанскую Земскую Уездную Управу пишет и управляющий имением «Благодатное» великого князя Петра Николаевича В. Дубец: «Имея под своим наблюдением в имении моего Августейшего Доверителя около 100 человек беженцев и среди них несколько поляков, я убедился в их качествах, <...>, – вот мой вывод: пахать не умеют, с людьми обращаться не умеют, грязно живут так, что приходится приводить их помещение в порядок при посредстве наемных людей. Все жилые помещения до того приведены в антисанитарное состояние, что требуют радикальных мер для приведения в порядок. <...> Эти отрицательные стороны явились на почве благотворительного к беженцам отношения <...> Мое мнение не единично, – крестьяне соседи в один голос говорят – «как только они жили дома <...>» [8, л. 233–234].

Необходимо отметить, что поначалу рязанцы встречали прибывших переселенцев благожелательно, предоставляли им приют, продукты питания. Однако с течением времени, в связи с ухудшающейся экономической обстановкой, местные жители стали относиться к эвакуированному населению как к тяжелой обузе. Одной из весьма серьезнейших причин было нежелание беженцев работать.

В связи с тем, чтобы отношения у простых людей к беженцам вернулись обратно в положительное русло, руководители крупнейших фондовых образований создают выставку о беженцах в Петрограде. Ее смыслом была попытка повлиять на массовое сознание населения о бедственном положении вынужденных мигрантов: «Повседневные необоснованные обвинения, что беженец отказывается от предлагаемой ему работы и свои упования возлагает исключительно лишь на казенный паек найдут себе в выставке наглядное опровержение, а все-

¹ Нужно отметить, что в 1916 г. это село относилось к Елатомскому уезду Тамбовской губернии, ныне оно упразднено.

возможные образцы труда беженского с одной стороны послужат укором столь легкомысленно брошенному обвинению, а с другой стороны – явятся ярким показателем широкого масштаба комитета Труда» [8, л. 278].

К концу 1916 г. Татьянинский Комитет запланировал специальную выставку, чтобы информировать российскую общественность об условиях жизни и деятельности беженцев. Освещались четыре основные темы: условия в пограничных районах России до и во время войны; «скорбный путь» беженцев «Из циркуляра № 20632 от 29 июля 1916 г. <...> желательного собрать на выставке всевозможные предметы, изображающие скорбный путь беженца под напором врага и его водворение на временном месте жительства, т. е. различные фотографии, альбомы, диаграммы и картограммы (в особенности по школьным, санитарным и строительным отраслям)» [8, л. 278–278 об.]; условия жизни на новых местах и, наконец, восстановление нормальной жизни в регионах, очищенных от вражеской оккупации [16, с. 508]. Руководство Комитета сразу же отметило важнейшую смысловую составляющую выставки – доказательство того, что беженцы работают, а не просто получают паяк, а также показывалась демонстрация масштаба деятельности Комитета. Беженские выставки заняли особое место в среде публичных благотворительных мероприятий Татьянинского комитета. Они устраивались не столько с целью сбора средств на нужды беженцев, сколько с целью демонстрации деятельности самого Комитета, привлечения внимания общественности к проблеме беженства и попытки примирить беженцев и принимающий их социум [6, с. 117, 119].

Таким образом, после расселения беженцев по территории Рязанской губернии для обеспечения проживания семьи им необходимо было устраиваться на работу. К 1916 г. административно-исполнительная власть на местах приступила к проведению в жизнь политики более экономного расходования государственных средств, отпускаемых на нужды беженского населения. Актуальным в решении проблемы трудовой занятости беженцев было их трудоустройство. На примере материалов из архивов Рязанской губернии видно, что рязанщина не обладала большим спектром рабочих мест, которые могли бы занять вынужденные мигранты; в основном работа в уездах была связана с обработкой земли и сельским хозяйством. По этой причине, по мнению автора, беженцы не отличались уживчивостью и склонностью к труду, и в поисках лучших заработков уезжали за свой счет в другие губернии. Большое количество беженцев отказывалось от выполнения аграрных работ, поэтому проблема тунеядства беженцев в губернии была обострена. Отягчающим фактором отказа от работы в Рязанской губернии являлась поденная работа, которая была низкооплачиваема. Большой проблемой был тот факт, отображенный на страницах документов ГАРО, что беженцы, сообщившие о своем трудоустройстве, лишались фондового пайка, который превышал размер оплаты ежедневного труда. Отсюда происходит разрастание тунеядства и отказ от предлагаемой работы в Рязанской губернии. По этой причине у местных жителей меняется отношение к беженцам. Их порой небрежное отношение к работе порождало негативное восприятие коренным населением Рязанской губернии представителей иных национальностей через призму коллективной памяти.

Список литературы

1. Асташов А. Б. Фронт и тыл России в Первой мировой войне: взаимовосприятие и взаимодействие // Новый исторический вестник. 2024. № 2 (80). С. 104–120. DOI: 10.54770/20729286_2024_2_104.
2. Баженова К. Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. С. 21–27.
3. Белова И. Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 12. С. 51–62.
4. Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. Серия: «АИРО – монография». М.: АИРО – XXI, 2014. 423 с.
5. Букалова С. В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I Мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11). С. 61–79. DOI: 10.24411/2311-603X-2016-00047.
6. Васильев И. Н. «Беженские выставки» Татьянинского комитета // XVII Петербургские военно-исторические чтения: Всероссийская научная конференция, Санкт-Петербург, 17 марта 2021 г. СПб.: Астерион, 2022. С. 115–120.
7. Грицаева А. Н. К вопросу об организации трудовой помощи беженцам в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.) // CLIO-SCIENCE: проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: МПГУ, 2012. С. 186–190.
8. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 29. Оп. 395. Д. 8.

9. ГАРО. Ф. 29. Оп. 395. Д. 9.
10. Касимовский краеведческий музей. ККМ ОФ – 2726.
11. Одегова Е. А. Беженцы в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны // Сборник материалов XII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Самара, 18 мая 2016 года / Самарский государственный технический университет. Вып. 4. Самара : Самарский государственный технический университет, 2016. С. 57–59.
12. Суржикова Н. В. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.) : монография / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков. Екатеринбург – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 493 с.
13. Суржикова Н. В. Между свободой и принуждением: организация труда беженцев в России 1914–1917 гг. / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 года. Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. С. 298–303.
14. Туманова А. С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 50–59.
15. Gatrell Peter. A whole empire walking: refugees in Russia during World War I / Indiana-Michigan series in Russian and East European studies. ISBN 0-253-33644-9.
16. Gatrell P. Refugee history and refugees in Russia during and after the first world war // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2017. Vol. 62. No. 3. Pp. 497–521. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.305.

Employment of refugees during the First World War (based on the materials of the Ryazan province)

Larin Nikolay Vasilyevich

applicant at the Department of Russian History and Methods of teaching History and Social Studies,
Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin. Russia, Ryazan. ORCID: 0009-0004-9553-6146.
E-mail: niklar1991@mail.ru

Abstract. This article deals with the problem of employment of refugees from the Western provinces of the Russian Empire in the Ryazan province in 1915–1916. The circle of difficulties in the employment of forced migrants of the specified period is outlined. In the study, the author provides information about the attitude to work of refugees who settled in the territory of the Ryazan province in 1915–1916 and the attitude of local residents towards them. The main content of the study is the analysis of documents from the State Archive of the Ryazan region (GARO). In scientific research, the problem of employment of refugees in the Ryazan province in 1915–1916 is practically not covered, today there are a number of gaps in this issue. In this study, a theoretical question was identified on the problem of employment of refugees in the territory of the Ryazan province during the First World War, which requires study: in the Ryazan province, when looking for day jobs, the payment of which was significantly lower than the fund assistance, refugees were automatically deprived of their rations, which were provided from charitable organizations; the author sees this as the problem of refusal of work, and, as a result, parasitism. According to the author, this problem also existed in other provinces, due to a decrease in the financial burden from stock structures. According to the results of the study, it can be concluded: in fact, the problem of labor and parasitism of refugees in the Ryazan province in the period 1915–1916 was aggravated by a shortage of jobs, refusal of agricultural work, and significant cuts in allowances for the maintenance of forced migrants. For this reason, a lot of people left for other provinces in search of better earnings. But, it should be noted that there were people who did not want to work; administrative influence was applied to them.

Keywords: World War I, Ryazan province, refugees, labor activity.

References

1. Astashov A. B. *Front i tyl Rossii v Pervoy mirovoy voyne: vzaimovospriyatiye i vzaimodeystviye* [The Front and Rear of Russia in World War I: Mutual Perception and Interaction] // *Novyy istoricheskiy vestnik* – New Historical Herald. 2024. No. 2 (80). Pp. 104–120. DOI: 10.54770/20729286_2024_2_104.
2. Bazhenova K. Ye. *Deyatel'nost' organizatsiy Vserossiyskogo zemskogo soyuza i Vserossiyskogo soyuza gorodov Permskoy gubernii po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody pervoy mirovoy voyny* [Activities of the All-Russian Zemstvo Union and the All-Russian Union of Cities of the Perm Province in Providing Assistance to Refugees during the First World War] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Chelyabinsk State University. 2011. No. 12. Pp. 21–27.
3. Belova I. B. *Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny iz zapadnykh rayonov Rossiyskoy imperii: obespecheniye zhiznedeyatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniya* [Refugees of World War I from the Western Regions of

the Russian Empire: Ensuring Life in Places of Temporary Residence] // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* – Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2013. No. 12. Pp. 51–62.

4. Belova I. B. *Vynuzhdennyye migranty: bezhentsy i voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Rossii. 1914–1925* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925 gg.]. *Seriya "AIRO – monografiya"* – Series: "AIRO – Monograph". M., AIRO – XXI. 2014. 423 p.

5. Bukalova S. V. *Rol' mestnogo samoupravleniya v organizatsii pomoshchi bezhentsam v gody I Mirovoy voyny* [The role of local government in organizing assistance to refugees during World War I] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* – St. Petersburg Historical Journal. No. 3 (11), 2016. Pp. 61–79. DOI: 10.24411/2311-603X-2016-00047.

6. Vasil'yev I. N. *"Bezhenskiye vystavki" Tat'yanskogo komiteta* ["Refugee Exhibitions" of the Tatyana Committee] // *XVII Peterburgskiy voyenno-istoricheskiy chteniya: Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 17 marta 2021 goda* – XVII St. Petersburg Military History Readings: All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, March 17, 2021. SPb., "Asterion". 2022. Pp. 115–120.

7. Gritsayeva A. N. *K voprosu ob organizatsii trudovoy pomoshchi bezhentsam v gody Pervoy mirovoy voyny (1915–1916 gg.)* [On the issue of organizing labor assistance to refugees during the First World War (1915–1916 gg.)] // *CLIO-SCIENCE: problemy istorii i mezhdistitsiplinarnogo sinteza: sbornik nauchnykh trudov* – CLIO-SCIENCE: Problems of History and Interdisciplinary Synthesis: A Collection of Scientific Papers. Is. 3. M., MPG. 2012. Pp. 186–190.

8. SARR (State Archives of the Ryazan Region). F. 29. Inv. 395. F. 8.

9. SARR. F. 29. Inv. 395. F. 9.

10. *Kasimovskiy krayevedcheskiy muzey* [Kasimov Museum of Local History]. KKM OF – 2726.

11. Odegova Ye. A. *Bezhentsy v Ryazanskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Refugees in the Ryazan Province during the First World War] // *sbornik materialov XII Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchnoy konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, Samara, 18 maya 2016 goda* – Collection of materials from the XII All-Russian (with international participation) scientific conference of students, master's degree students and postgraduates, Samara, May 18, 2016 / *Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet* – Samara State Technical University. Is. 4. Samara, Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet, 2016. Pp. 57–59.

12. Surzhikova N. V. *Rossiyskoye bezhenstvo: tsentry i periferii, protsessy i struktury, individy i massy (1914–1922 gg.) : monografiya* [Russian refugee: centers and peripheries, processes and structures, individuals and masses (1914–1922 gg.) : monograph] / N. V. Surzhikova, N. A. Mikhalev, S. A. P'yankov. Yekaterinburg – Chelyabinsk, Izdatel'skiy tsentr YUUrGU. 2021. 493 p.

13. Surzhikova, N. V. *Mezhdru svobodoy i prinuzhdeniyem: organizatsiya truda bezhentsev v Rossii 1914–1917 gg* [Between Freedom and Coercion: Organization of Refugee Labor in Russia in 1914–1917] / N. V. Surzhikova, N. A. Mikhalev // *Istoricheskiye vyzovy i ekonomicheskoye razvitiye Rossii : materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Yekaterinburg, 25–26 sentyabrya 2019 goda* – Historical challenges and economic development of Russia: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation, Yekaterinburg, September 25–26, 2019. Yekaterinburg, Al'faPrint. 2019. Pp. 298–303.

14. Tumanova A. S. *Organizatsionno-pravovoye obespecheniye bezhenstva v gody Pervoy mirovoy voyny* [Organizational and Legal Support for Refugees during the First World War] // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki* – Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. No. 1 (11). 2013. Pp. 50–59.

15. Gatrell Peter. *A whole empire walking: refugees in Russia during World War I* / Indiana-Michigan series in Russian and East European studies. ISBN 0-253-33644-9.

16. Gatrell P. *Refugee history and refugees in Russia during and after the first world war* // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. Vol. 62. No. 3. Pp. 497–521. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.305.

Поступила в редакцию: 11.02.2025

Принята к публикации: 13.05.2025

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 940(44)

EDN: SBUVJF

СЭВ в 1967–1968 гг. Взгляд из Франции. По материалам архива МИД Франции

Осипов Евгений Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН. Россия,
г. Москва. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Аннотация. В статье на основе материалов архива МИД Франции, часть из которых впервые вводится в научный оборот, рассматривается восприятие во Франции процесса экономической интеграции в рамках СЭВ в 1967–1968 гг. Автор показывает, что отношение Франции к СЭВ прошло несколько этапов. Во второй половине 1950-х гг. французские дипломаты и эксперты отмечали успехи в восточноевропейской экономической интеграции, а СЭВ воспринимался как прямой конкурент ЕЭС. На рубеже 1950–1960-х гг. на Западе все чаще отмечали нарастание кризисных явлений внутри СЭВ. Провал попытки масштабного реформирования организации в 1962–1963 гг. усугубил ситуацию.

Документы из архива МИД Франции демонстрируют, что к 1967–1968 гг. в западных странах в отношении СЭВ окончательно утвердилась тенденция пессимистично оценивать перспективы развития организации. Отмечались стагнация в развитии внутренних структур, прекращение роста торговли между странами. Все это вело к тому, что во второй половине 1960-х гг. наметился крен в пользу двустороннего характера сотрудничества стран народной демократии, об углублении многосторонней интеграции уже говорили гораздо меньше. Нерешенность проблем (политика ценообразования, вопрос местного национализма и отказ от специализации в промышленности, сложности с организацией многостороннего клиринга в рамках банка СЭВ, отсутствие конвертируемой валюты, необходимость привлечения иностранных инвестиций), в свою очередь, вела к росту заинтересованности стран СЭВ к сотрудничеству и развитию торговли с западными странами. Как следствие, западные страны, в том числе и Франция, все активнее включались в процесс развития двустороннего сотрудничества со странами социалгера, а идеи институциональных контактов между СЭВ и ЕЭС постепенно уходили в прошлое.

Ключевые слова: СЭВ, СССР, Франция, интеграция, страны народной демократии, холодная война, Восточная Европа.

Возвращение генерала де Голля в большую политику, его избрание на пост президента Франции в 1958 г. и начало реализации так называемой голлистской политики стали важной вехой в истории холодной войны. Отличительной чертой его политики было налаживание отношений с СССР и другими социалистическими странами. Франция при де Голле стремилась играть роль моста между Западом и Востоком и стала одним из инициаторов разрядки международной напряженности. Все это придает дополнительную значимость французским архивным документам 1960-х гг., в том числе касающихся истории Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). В статье на основе материалов архива МИД Франции, часть из которых впервые вводится в научный оборот, рассматривается восприятие во Франции процесса экономической интеграции в рамках СЭВ в 1967–1968 гг.

Интерес во Франции к изучению СЭВ возрастал постепенно. До 1956 г. сообщения про СЭВ были достаточно редкими в западноевропейской прессе, а французские дипломаты в своих документах еще расшифровывали аббревиатуру «Comesop» (СЭВ в латинском варианте), видимо, потому что еще не все к ней привыкли. Однако заметное увеличение промышленного производства во всех странах народной демократии к 1959 г., растущая взаимозависимость стран друг от друга, разговоры о создании в будущем наднациональных структур заставили французских аналитиков гораздо серьезнее отнестись к перспективам СЭВ. Более того, в отличие от советских руководителей, не употреблявших тогда термин «интеграция» [2, с. 22], во французских документах конца 1950-х как раз часто писали о постепенном переходе в Восточной Европе к экономической интеграции. Так, посол Франции в СССР Морис Дежан в 1959 г., анализируя

происходившие в СЭВ изменения, в своей справке «Тенденция к экономической интеграции в рамках СЭВ» написал: «Увеличение количества отраслей экономики, которые регулируются постоянно действующими комиссиями, свидетельствует о масштабе усилий по кооперации, предпринимаемых в рамках СЭВ. Эта кооперация, включающая на сегодняшний день координацию планов на длительный срок и международное разделение труда, является подлинной экономической интеграцией» [7].

На рубеже 1950–1960-х гг. и в самих странах народной демократии, и на Западе все чаще стали говорить о нарастании проблем внутри СЭВ. Специализация производства развивалась медленно, не было консенсуса по методам и формам координации планов экономического развития. Попытка масштабного реформирования СЭВ и углубления интеграции в 1962–1963 гг. [3; 4; 5] не привела к значимым результатам.

В целом французские эксперты отмечали слишком масштабный и преждевременный характер планов по специализации производства в рамках СЭВ: «Провал специализации случился, поскольку ее масштабы предполагались чересчур большими, а скорость реализации слишком быстрой. В реальности, в момент, когда все страны народной демократии испытывают необходимость в проведении структурных реформ в экономике, идея многосторонней координации обменов в условиях их постоянно растущей сложности представляется немного самонадеянной» [8].

В дальнейшем ситуация продолжала усложняться. Франция обладала обширной информацией о Польше и ее деятельности в рамках СЭВ. Это объяснялось исторически сложившимися тесными связями между Парижем и Варшавой, а также активно работавшем посольстве Франции в Польской Народной Республике (ПНР). В конце каждого года в Польше готовился отчет по результатам и перспективам работы СЭВ, который подробно изучался французскими дипломатами. Посол Франции в Варшаве Арно Ваплер отмечал, что уже в отчете по итогам 1966 г. заместитель председателя Совета министров ПНР и представитель Польши в СЭВ Петр Ярошевич демонстрировал «разочарованность» [9] польской стороны по поводу перспектив развития восточноевропейской интеграции. При этом там же отмечалась удовлетворенность от того факта, что «Польша постепенно догоняла развитые промышленные страны» [9].

Отчет по итогам 1967 г. уже был «полон пессимизма». Ваплер писал: «Ярошевич, колеблясь, подчеркивает неспособность стран СЭВ координировать производство и перейти к специализации в индустриальной сфере. Он уточняет, что специализация остается на совершенно не достаточном уровне и что торговля внутри СЭВ состоит практически полностью из товаров, по которым существует сверхпроизводство, что и ведет в итоге к росту экспорта» [9]. В качестве возможных мер по исправлению ситуации Ярошевич предлагал обсудить идею создания по-настоящему конвертируемого рубля, увеличить капитал банка СЭВ, изменить порядок формирования цен в торговле между странами СЭВ, приблизив их к общемировым. Ярошевич также добавлял: «Все это имеет прямые негативные последствия для польской экономики. В последние два года замедлился рост торговли Польши с другими странами СЭВ, фактически дойдя, в некоторых случаях, до стагнации. Все это усугубляется невозможностью для Польши увеличить продажи угля в Чехословакию, ГДР и Венгрию. Так, с 1966 г. Польша имеет дефицитный торговый баланс с Чехословакией, Венгрией, ГДР и Югославией» [9].

В конце своего отчета за 1967 г. Ярошевич впервые пишет о торговле со странами Запада, отмечая, что ее уровень невысокий, но при этом подчеркивая, что подписание соглашений об экономической и технической кооперации с западными странами дает основания надеяться, что в 1968 г. уровень торговли с Западом повысится и что «СЭВ, благодаря которому вырос промышленный потенциал Польши, делает страну интересной для западных стран» [9].

В августе 1968 г. поверенный в делах французского посольства в Польше Жак Фуше в еще одной справке для министра иностранных дел Франции снова отметил пессимистичный настрой поляков: «Будучи на протяжении долгого периода одними из главных сторонников экономической интеграции среди стран СЭВ, польские экономисты в последние два года все больше говорят о стагнации структур СЭВ... Организация не эффективна. Ее потребности, как и возможности, требуют серьезной модернизации устаревших структур. Интеграция должна быть многосторонней и включать в себя промышленность, добычу сырья, сельское хозяйство, транспорт, торговлю и финансово-кредитную систему. Эта интеграция в то же время не должна ограничивать свободу каждой страны-участницы в решении внутренних экономических проблем» [10]. Снова поднимается тема цен в торговле внутри СЭВ: «Нужно одновременно приблизить цены к мировым и при этом учитывать стоимость производства. Польские экономисты

предлагают постепенно переходить от фиксированных цен к их коррекции в рамках каждого заключенного торгового соглашения. Они также настаивают на необходимости создания настоящей конвертируемой валюты стран СЭВ» [10].

В вышеупомянутых документах польской стороной фактически были названы проблемы, которые мешали дальнейшему развитию СЭВ. В западных странах серьезно изучали этот вопрос. В сентябре 1967 г. делегация ФРГ в рамках работы подкомитета НАТО по советской экономической политике подготовила документ под названием «Актуальная ситуация в СЭВ». В нем отмечались неудачи в становлении системы специализации производства и однобокий характер развития торговых связей внутри СЭВ: «Можно говорить скорее об интеграции стран народной демократии в экономическую систему СССР, чем о многосторонней интеграции всех коммунистических стран» [11]. Н. С. Хрущев еще 11 апреля 1958 г. говорил об этой проблеме: «Они (страны СЭВ. – Е. О.) не хотят кооперации, или только с СССР, но, когда речь заходит о кооперации между ними, все останавливается» [12].

Также в западногерманском документе утверждалось следующее: «Централизованно управляемая экономика советского типа установила принцип компенсации объемов товарообмена, который в большинстве случаев соблюдался на практике. Это сделало двустороннюю схему торговли практически неизбежной. Строгость этого принципа быстро оказалась крайне неблагоприятной для торговли между коммунистическими странами, например, в тех случаях, когда страна-получатель не нуждалась в товарах, поставляемых ей в рамках обмена. Все это ограничивает внешнюю торговлю и, как минимум, мешает ее быстрому росту. Проблема хорошо известна. Чтобы ее решить, было решено придать многосторонний импульс торговле между странами СЭВ, прежде всего за счет налаживания клиринга через Банк СЭВ. Тем не менее после нескольких попыток, которые предпринимались три года назад, можно сказать, что результаты оказались скромными. Попытки еще будут, но они не смогут преодолеть главное препятствие – неконвертируемость рубля. Однако по ряду причин, присущих системе, принятие этой меры представляется маловероятным. Можно ожидать, что в рамках программы экономических реформ будут приняты различные меры, которые будут способствовать повышению гибкости внешней торговли и, соответственно, заключению ряда многосторонних соглашений. Однако в связи с наметившейся тенденцией к смягчению ограничений в рамках СЭВ, СССР, несомненно, будет стремиться к укреплению двусторонних связей» [11]. Таким образом, главный вывод аналитиков из ФРГ заключался в том, что сама система фактически бартерной торговли между странами СЭВ при сложностях в налаживании работы многостороннего клиринга в рамках банка СЭВ неизбежно вела к развитию двусторонних связей в СЭВ и препятствовала углублению многосторонней экономической интеграции.

В другой аналитической записке, на этот раз французской, от октября 1968 г., были сформулированы основные трудности в развитии СЭВ. Главной проблемой СЭВ французские эксперты называли сопротивление национальных правительств развитию специализации в промышленности. Элиты стран народной демократии скептически относились к специализации, которая неизбежно вела к усилению взаимозависимости стран-членов СЭВ, а значит, поднимала вопрос о потере национального суверенитета. Именно категорический отказ Румынии от дальнейшего развития специализации производства привел к провалу попытки масштабного реформирования СЭВ в 1962–1963 гг. Во французском документе эта проблема была сформулирована через разницу в экономическом развитии стран «северной зоны (Чехословакия, ГДР, Польша и в меньшей степени Венгрия), не желавшей дожидаться, пока страны южной зоны (Болгария, Румыния) догонят их в своем развитии» [13].

Кстати, посол Франции в СССР Оливье Вормсер еще в январе 1967 г. писал в Париж, что в СЭВ задумываются о придании большей гибкости процессу интеграции и созданию системы, при которой отдельные страны получают возможность двигаться быстрее, чем те, которые этого не хотят или не могут [14]. Фактически речь шла о том, что сегодня принято называть гибкой или разноскоростной интеграцией [1]. Те же дискуссии в тот момент начинались и в Западной Европе. Вормсер также писал, что в СЭВ изучали опыт Организации экономического сотрудничества и развития, созданной в 1948 г.

Во французском документе от октября 1968 г. подчеркивалось: «Разные страны озабочены зачастую своими собственными интересами, а не кооперацией между странами СЭВ. Например, в автомобильном секторе, соглашения, заключенные Москвой с Фиатом и Рено, были направлены против интересов Чехословакии» [13], которая в рамках специализации производства как раз должна была развивать автомобилестроение.

Еще более сложными казались проблемы финансового характера. Европейские эксперты отмечали, что банк СЭВ так и не создал на практике систему многосторонних платежей. Валюты стран Восточной Европы оставались неконвертируемыми, причем не только по отношению к западным валютам, но и между собой. Польская сторона в 1965 г. предлагала создать общий для стран СЭВ рубль, валюту для внутренних операций, которая была бы частично конвертируема в золото, а частично в западные валюты, что, по мнению польских экономистов, стимулировало бы страны народной демократии производить больше продукции и реформировать систему ценообразования. Однако Москва в тот момент не поддержала эту инициативу [13].

Отдельного внимания заслуживала и проблема ценообразования в торговле внутри СЭВ. В документе 1968 г. отмечалось: «СССР оказывает давление на своих партнеров с целью повышения цен на свое сырье... В Москве полагают, что, удовлетворяя потребности стран СЭВ, СССР вынужденно идет на значительные траты в ущерб собственному развитию» [13]. Этот тезис очень важен и регулярно встречается в западных документах того времени. СССР был главным, а иногда и единственным, поставщиком сырья для стран Восточной Европы, получая взамен промышленные товары. Промышленное производство в странах СЭВ росло быстрыми темпами. Так, например, всего за восемь лет, с 1950 по 1958 г., оно выросло в Албании в 4,5 раза, в Болгарии – в 2,9 раза, в Венгрии – в 2,3 раза, в ГДР – в 2,4 раза, в Польше – в 2,8 раза, в Чехословакии – в 2,3 раза, в Румынии в 5 раз [15]. Рост промышленного производства требовал и увеличения поставок советского сырья, что, в свою очередь, приводило к сокращению разведанных месторождений в СССР. Все это требовало от Москвы значительного увеличения инвестиций в добывающую промышленность. При этом взамен СССР получал больше промышленных товаров из стран народной демократии, которые часто проигрывали в конкуренции с западными товарами и, соответственно, не всегда могли покрыть потребности СССР в промышленных товарах. Одним из вариантов выхода из ситуации было повышение цен на сырье выше мирового уровня и увеличение восточноевропейских инвестиций в советскую добывающую промышленность. Неслучайно, советская нефть в Италию продавалась по цене примерно в два раза ниже, чем, например, в Чехословакию, о чем тоже регулярно писали в западных документах.

Следующая проблема касалась реформ, проводившихся в странах СЭВ, и их совместимости с общими целями и задачами СЭВ. На Западе обращали внимание на попытки реформирования основ внешней торговли в Венгрии и особенно Чехословакии. Утверждалось, что проводимые там реформы строятся на следующих принципах: облегчение доступа на внешние рынки для промышленных предприятий, повышение финансовой заинтересованности предприятий в результатах международной торговли, повышение взаимозависимости между интересами внешнеторговых органов и объединений производителей, обеспечение возможности хранения валюты на депозитных счетах, создание офисов и филиалов промышленных предприятий за границей, уменьшение количества обязательных показателей отчетности в годовых планах развития промышленной отрасли, сокращение разницы между ценами внутри СЭВ и мировыми ценами [13]. Фактически эти принципы применимы и к знаменитой экономической реформе А. Н. Косыгина в СССР [6]. Схожие процессы шли и в других странах СЭВ.

В документах отмечалось, что проводимые в странах народной дипломатии экономические реформы ведут к ослаблению механизмов планирования, а движение по пути реформ и придания экономике большей гибкости (фактически введение элементов рыночной экономики и принципов конкуренции) приводит к осознанию пределов развития: «...технологическое отставание провоцирует необходимость доступа к западным технологиям; возрастает потребность в валютных кредитах и в многосторонней системе платежей; растет интерес к международным финансовым организациям. Фактически речь шла о том, что тенденции экономического развития в странах СЭВ сами по себе предполагали расширение как минимум экономических и технологических контактов со странами Запада. Что в свою очередь поднимало вопрос о целостности и устойчивости социалистического лагеря. Французский документ был подготовлен вскоре после вторжения войск стран ОВД в Чехословакию. Авторы подчеркивали: «Экономические факторы, хотя и не были преобладающими, сыграли важную роль в решении о вводе войск. ФРГ открыла в Праге большую экономическую миссию. Слабость чехословацкой экономики, ее потребность в западных технологиях, снижали ее возможности по противостоянию экономическому давлению ФРГ» [13].

Реакцией на события в Чехословакии стала попытка Москвы и ее союзников усилить интеграционные процессы в СЭВ. На сессиях в Дрездене (март 1968 г.), Братиславе (3 августа

1968 г.) и Москве, уже после введения войск в Прагу, страны СЭВ подтвердили свое четкое стремление к реформированию и усилению структур СЭВ. Однако стоявшие перед странами народной демократии проблемы тяжело было решить в рамках СЭВ: «нужно решить много текущих вопросов (конвертируемость валют, ценообразование, реформирование работы промышленных предприятий), в то время, как сами реформаторские идеи критикуются... Потребность в западных технологиях будет только возрастать, особенно в новых отраслях (компьютеры, индустрия потребления). Экономические трудности будут увеличиваться» [13]. В конце был сделан вывод, что «глубокая реформа необходима СЭВ, однако чехословацкий кризис неизбежно отсрочит ее проведение» [13].

Подводя итоги, отметим, что к 1967–1968 гг. в западных странах в отношении СЭВ окончательно утвердилась зародившаяся еще в первой половине 1960-х гг. тенденция пессимистично оценивать перспективы развития организации. Западные аналитики, прежде всего, отмечали два аспекта в развитии восточноевропейской интеграции. Во-первых, провал попытки реформирования СЭВ в 1962–1963 гг. привел к стагнации в развитии внутренних структур, рост торговли между странами СЭВ почти прекратился. Как следствие, во второй половине 1960-х гг. наметился крен в пользу двустороннего характера сотрудничества стран народной демократии, об углублении многосторонней интеграции уже говорили гораздо меньше. Во-вторых, нерешенность проблем (политика ценообразования, вопрос местного национализма и отказ от специализации в промышленности, сложности с организацией многостороннего клиринга в рамках банка СЭВ, отсутствие конвертируемой валюты, необходимость привлечения иностранных инвестиций) вела к росту заинтересованности стран СЭВ к сотрудничеству и развитию торговли с западными странами. Кризисы, как в Чехословакии, делали перспективу масштабного реформирования СЭВ еще более отдаленной. Все это в совокупности вело к тому, что западные страны, в том числе и Франция, все активнее включались в процесс развития двустороннего сотрудничества со странами соцлагеря, а идеи институциональных контактов между СЭВ и ЕЭС постепенно отходили на второй план.

Список литературы

1. Бабынина Л. О. Гибкая интеграция в Европейском союзе. Теория и практика применения. М., 2012.
2. Липкин М. А. «Мировой кооператив народов»: Совет экономической взаимопомощи, который пытался построить Н. С. Хрущев // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 121–144.
3. Липкин М. А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М. : Весь Мир, 2020.
4. «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов / отв. редактор. М. А. Липкин. М. : Весь Мир, 2019.
5. Осипов Е. А. Попытка реформирования СЭВ в 1962–1963 гг. в оценках французских дипломатов (по материалам архива МИД Франции) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 7 (81). URL: <https://history.jes.su/s207987840006792-0-1/>.
6. Сафронов А. В. Большая советская экономика. 1917–1991. М. : Individuum, 2025.
7. AMAE (Archives du ministère des affaires étrangères de France). Europe. 1944–1960. URSS. 289. La tendance à l'intégration économique au sein du COMECON. 23 juin 1959.
8. AMAE. Direction d'Europe. URSS. 527. Les accords commerciaux à long terme dans le CAEM (Comecon). 23 juin 1966.
9. AMAE. Direction d'Europe. 528. Ambassade de France en Pologne. Arnould Wapler. Note 010/EU. Bilan de l'activité du C.A.E.M. 6 Janvier 1968.
10. AMAE. Direction d'Europe. 528. Ambassade de France en Pologne. Jacques Fouchet. Note 1004/EU. La Pologne et le C.A.E.M. 14 Août 1968.
11. AMAE. Direction d'Europe. 529. Sous-Comité sur la politique économique soviétique. La situation actuelle du Conseil d'Aide Economique Mutuelle (COMECON). Note de la Délégation de l'Allemagne. 5 Septembre 1967.
12. AMAE. Direction d'Europe. URSS. 374. Direction des affaires politiques. Europe. Service d'Europe orientale. Note. 3 août 1961.
13. AMAE. Direction d'Europe. 528. Le Conseil d'Assistance Economique Mutuelle (Comecon). 15 Octobre 1968.
14. AMAE. Direction d'Europe. 529. Ambassade de France en URSS. Olivier Wormser. Note 12/EU. 4 Janvier 1967.
15. AMAE. Europe. 1944–1960. URSS. 289. Légation de France en Albanie. Note № 181/EU. 21 Mai 1959.

CMEA in 1967–1968. View from France. Based on materials from the archives of the French Foreign Ministry

Osipov Evgeny Aleksandrovich

PhD in Historical Sciences, senior researcher at the Institute of World History,
Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Abstract. The article, based on materials from the archives of the French Ministry of Foreign Affairs, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, examines the perception of the process of economic integration within the CMEA in 1967–1968 in France. The author shows that France's attitude towards the CMEA went through several stages. In the second half of the 1950s, French diplomats and experts noted the successes in Eastern European economic integration, and the CMEA was perceived as a direct competitor to the EEC. At the turn of the 1950s and 1960s, the West increasingly noted the growing crisis within the CMEA. The failure of an attempt at large-scale reform of the organization in 1962–1963 aggravated the situation.

Documents from the archives of the French Ministry of Foreign Affairs demonstrate that by 1967–1968, a tendency to pessimistically assess the prospects for the development of the organization had finally taken hold in Western countries. Stagnation in the development of internal structures and a cessation of growth in trade between the countries were noted. All this led to the fact that in the second half of the 1960s there was a shift towards the bilateral nature of cooperation between the countries of the people's democracy, and much less was said about deepening multilateral integration. The unresolved problems (pricing policy, the issue of local nationalism and the rejection of specialization in industry, difficulties with organizing multilateral clearing within the CMEA bank, the absence of convertible currency, the need to attract foreign investment), in turn, led to the growing interest of the CMEA countries in cooperation and developing trade with Western countries. As a result, Western countries, including France, were increasingly involved in the process of developing bilateral cooperation with the countries of the socialist camp, and the ideas of institutional contacts between the CMEA and the EEC gradually became a thing of the past.

Keywords: CMEA, USSR, France, integration, people's democracies, Cold War, Eastern Europe.

References

1. Babynina L. O. *Gibkaya integratsiya v Yevropeyskom soyuze. Teoriya i praktika primeneniya* [Flexible integration in the European Union. Theory and practice of application]. M., 2012.
2. Lipkin M. A. "Mirovoy kooperativ narodov": Sovet ekonomicheskoy vzaimopomoshchi, kotoryy pytalsya postroit' N. S. Khrushchev ["World Cooperative of Peoples": The Council for Mutual Economic Assistance, which N. S. Khrushchev tried to build] // *Novyy istoricheskiy vestnik* – New Historical Bulletin. 2017. No. 4 (54). Pp. 121–144.
3. Lipkin M. A. *Sovet Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi: istoricheskiy opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroystva (1949–1979)* [Council for Mutual Economic Assistance: Historical Experience of an Alternative Global World Order (1949–1979)]. M. Ves' Mir (All World), 2020.
4. "Mirovaya sistema sotsializma" i global'naya ekonomika v seredine 1950-kh – seredine 1970-kh godov ["The World System of Socialism" and the Global Economy in the Mid-1950s – Mid-1970s] / ed.-in-chief M. A. Lipkin. M. Ves' Mir (All World), 2019.
5. Osipov Ye. A. *Popytka reformirovaniya SEV v 1962—1963 gg. v otsenkakh frantsuzskikh diplomatov (po materialam arkhiva MID Frantsii)* [Attempt to reform the CMEA in 1962–1963 in the assessments of French diplomats (based on the materials of the archive of the French Ministry of Foreign Affairs)] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational journal "History". 2019. T. 10. Vol. 7 (81). URL: <https://history.jes.su/s207987840006792-0-1/>.
6. Safronov A. V. *Bol'shaya sovetskaya ekonomika. 1917–1991* [The Great Soviet Economy. 1917–1991]. M. Individuum. 2025.
7. AMAE (Archives du ministère des affaires étrangères de France). Europe. 1944–1960. URSS. 289. La tendance à l'intégration économique au sein du COMECON. 23 juin 1959.
8. AMAE. Direction d'Europe. URSS. 527. Les accords commerciaux à long terme dans le CAEM (Comecon). 23 juin 1966.
9. AMAE. Direction d'Europe. 528. Ambassade de France en Pologne. Arnould Wapler. Note 010/EU. Bilan de l'activité du C.A.E.M. 6 Janvier 1968.
10. AMAE. Direction d'Europe. 528. Ambassade de France en Pologne. Jacques Fouchet. Note 1004/EU. La Pologne et le C.A.E.M. 14 Août 1968.
11. AMAE. Direction d'Europe. 529. Sous-Comité sur la politique économique soviétique. La situation actuelle du Conseil d'Aide Economique Mutuelle (COMECON). Note de la Délégation de l'Allemagne. 5 Septembre 1967.
12. AMAE. Direction d'Europe. URSS. 374. Direction des affaires politiques. Europe. Service d'Europe orientale. Note. 3 août 1961.

13. АМАЕ. Direction d'Europe. 528. Le Conseil d'Assistance Economique Mutuelle (Comecon). 15 Octobre 1968.
14. АМАЕ. Direction d'Europe. 529. Ambassade de France en URSS. Olivier Wormser. Note 12/EU. 4 Janvier 1967.
15. АМАЕ. Europe. 1944–1960. URSS. 289. Légation de France en Albanie. Note No. 181/EU. 21 Mai 1959.

Поступила в редакцию: 26.08.2025

Принята к публикации: 11.09.2025

Противоречия между Гельмутом Колем и Франсуа Миттераном (1982–1995 гг.). Поиск путей сближения двух стран на пути к единой Европе

Левченко Максим Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Камская государственная
инженерно-экономическая академия (ИНЭКА). Россия, г. Набережные Челны.
ORCID: 0009-0008-0466-9509. E-mail: minos201200@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения глав двух европейских государств Гельмута Коля и Франсуа Миттерана в период с 1982 по 1995 г. Главной целью совместных инициатив двух политиков стало расширение функционала Евросоюза и выход его на надгосударственный уровень. Причиной сближения двух государств были европейские проблемы, решение которых стало возможным при совместной координации: тяготение к европейской интеграции, стремление ограничить влияния США и Великобритании на европейском континенте, приверженность двойного решения НАТО, недостаточная волатильность денежно-кредитной политики обоих государств.

Прорывным событием европейской интеграции стало объединение Германий, поставившим Федеративную республику в более выгодное переговорное положение и доказавшее правильность интеграционных инициатив обоих политиков.

Если говорить об успехах европейской политики Коля и Миттерана, то это был кардинальный пересмотр Римского договора 1957 г. Наиболее важными событиями были подписание Шенгенских соглашений 1985 г., ликвидировавшее внутриевропейские границы. Маастрихтский договор 1992 г. создавал единое экономическое пространство. Несмотря на скромные результаты, оба договора послужили началу будущих преобразований Единой Европы.

Автор замечает интересную особенность – будучи главой христианско-демократического союза Коль не стремился налаживать отношения с французскими коллегами и никогда не питал иллюзий в отношении французского соседа. Автор склоняется к идее, что для Коля франко-германское сотрудничество было необходимо для расширения немецкого влияния в западной Европе. В качестве основной движущей силы он делал ставку на немецкую экономику, являвшуюся на тот момент ведущей в Европе.

Ключевые слова: ЕС, Гельмут Коль, Франсуа Миттеран, Маастрихтские соглашения, Шенгенские соглашения, ФРГ, Французская республика.

Федеративная Республика Германия и Французская Республика традиционно являются государствами, активно принимающими участие в разработке международных решений, определяющих дипломатию европейского континента и всего мира. Однако взаимоотношения двух государств нельзя назвать простыми, поскольку каждая из стран часто ставила свои интересы выше интересов остальной Европы. Из-за этого франко-германские отношения в начале XX в. прошли сложный этап становления, а фундаментальные расхождения двух стран в международных вопросах являлись причиной двух мировых войн. После Второй мировой войны Германия и Франция стали локомотивами европейской интеграции, определив на долгое будущее развитие европейского континента. Началом этому послужило подписание 22 января 1963 г. канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром и президентом Франции Шарлем де Голлем Елисейского договора. Документ подтверждал отношения доверия и дружбы, которые были установлены между бывшими «потомственными врагами», окончательно похоронив темный период истории, унесший жизни миллионов французских и немецких солдат.

Последующие годы отношения между Францией и ФРГ не были гладкими: в зависимости от внешнеполитической ситуации, они изменялись то в лучшую, то в худшую сторону. Когда Гельмут Коль вступил в должность канцлера, то «получил в наследство» от своего предшественника Гельмута Шмидта расстроенные отношения [50, S. 280]. Тем не менее за 16 лет его канцлерства произошли прорывные события германо-французских отношений: подписание Маастрихтского договора в 1992 г., увеличение числа стран участниц ЕС, создание валютного союза. Когда Коль уходил с поста канцлера в 1998 г., основной контур Евросоюза был уже сформирован.

Однако во взаимоотношениях Коля и французов не все было четко. Как говорил его биограф историк, политолог и журналист Шварц Ханс Петерс, он «мутировал во франкофила в 1950-х годах» [38, S. 362], в немалой степени под влиянием интеграционной политики Аденауэра, учителем которого он себя считал. Будучи рожденным в Рейнланд-Пфальце, территорией граничащей с Францией, в подростковом возрасте за террором нацистов последовал репрессивный период французской оккупации [19, S. 75]. В этот период де Голль использовал оккупированную зону как «политическую пешку» [20, S. 590], в своей европейской политике, что не могло не оставить отпечаток на личное отношение будущего канцлера к французам.

Более поздние источники, посвященные его политической биографии, почти ничего не говорят о глубокой любви к французской культуре, языку и литературе. Франция, кажется, была для Коля, по выражению Отто фон Бисмарка, «камнем <...> в шахматной игре политики» [5, S. 465]. Поэтому многие полагали, что прорывных изменений по отношению к Франции после избрания Коля канцлером в октябре 1982 г. не произойдет. Последующие изменения франко-германских отношений давали повод многим политикам говорить о личной заинтересованности Коля в улучшении взаимоотношений с Францией.

Поэтому представляется интересным рассмотреть становление франко-германских отношений в период канцлерства Гельмута Коля и ответить на три вопроса: 1. Какую роль играло соседнее государство в концепции внешней политики Гельмута Коля? 2. Какими мотивами и целями руководствовался канцлер в своих отношениях с Францией? 3. Каков был баланс его французской политики в конце его шестнадцатилетнего канцлерства? Исходя из целей ставилась задача исследования – показать, что в основе идеи единой Европы Гельмут Коль на первое место ставил экономику Федеративной республики, главную ударную силу, позволяющую ему играть в будущем главенствующую роль в европейских делах.

Рассматривая историографию вопроса, можно отметить большое количество исследований как на немецком, так и на французском языке, изучающих проблему взаимоотношений лидеров двух стран. В третьем томе своих «Воспоминаний» во вступлении Коль указывал, что между ним и Миттераном с самого начала сложились фундаментальные доверительные отношения, что стало ключевым моментом в улучшении франко-германских отношений [20, S. 11–12]. Мемуары Франсуа Миттерана представлены книгой «О Франции, о Германии» [28]. Воспоминания свидетельствуют, что президент Франции был большим поклонником Германии, но при этом у него не было четкой стратегии взаимоотношения с соседом, особенно после воссоединения Германий.

Среди немецких исследователей следует выделить книгу Йоханеса Мюллера «Немецко-французские отношения от воссоединения до Маастрихта» [29]. Автор приходит к выводу, что воссоединение Германий и Маастрихтский договор тесно взаимосвязаны. Объединение Германий создало новые рамочные условия, повлиявшие на решения глав государств, и фактически способствовало началу европейской интеграции.

Другой примечательной книгой является монография немецкого политического историка Вихарда Войке «Немецко-французские отношения от объединения. Тандем снова на ходу» [48]. Автор склоняется к мнению, что создание ЕС является закономерным политическим процессом, когда вместо государств на сцену выходят наднациональные политические объединения. До объединения Германий прежний баланс между Францией и Германией основывался на претензиях Франции на статус великой державы. Поэтому неудивительно, что изначально во французском политическом обществе существовало «раздражение» в связи с возможным воссоединением Германий, из-за чего франко-германские отношения ухудшились после падения Берлинской стены в ноябре 1989 г.

Существует ряд исследователей, затрагивающих отдельные элементы и периоды германо-французских отношений: Роберт Пихт [31, S. 47–58], Гизела Мюллер-Брандек-Боке [29, S. 273–299], Ханнс Юрген Кюстерс [21, S. 293–311; 22, S. 229–299], Иоахим Биттерлих [6, S. 289–299]. Для нашего исследования большую ценность представляет книга немецкого историка и журналиста Шварца Ханса Петерса «Гельмут Коль – политическая биография» [38]. Шварц особенно выделяет заслуги Коля в качестве канцлера объединения Германий и архитектора Европы. В отличие от отношений с Тэтчер, нежаловавшей канцлера, с Миттераном у него установились хорошие рабочие и личные контакты. Правда, автор упрекает канцлера в том, что методы решения Колем европейских вопросов не вызывали восторга у немецкого избирателя: Коль продолжал жертвовать немецким суверенитетом, постоянно шел на уступки партнерам, в первую очередь французам.

Среди российских исследователей особо следует выделить книги Н. В. Павлова [2] «История современной Германии» и трехтомное учебное издание Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова [1] «Ис-

тория Германии». Н. В. Павлов в основу франко-германского сотрудничества ставит экономический фактор, целью которого было противостояние экономическому росту США и Японии. Затрагивая вопрос военного сотрудничества, по мнению автора, оно играло роль национальной безопасности, но не было направлено против СССР.

В книге Бонвеча и Галактионова авторы считают, что Франция была и есть для ФРГ самым близким внешнеполитическим партнером. Поэтому образование ЕС началось с координационной работы этих двух стран. Ключевым событием, по мнению авторов, являлось объединение Германии, открывшее для Федеративной республики новые внешнеполитические горизонты.

Учитывая политический стиль Коля «личной дипломатии на высшем уровне» [38, S. 420], до вступления в должность канцлера, странным видится то, что будущий самый важный собеседник в Париже был ему неизвестен лично. Даже будучи главой ХДС Коль больше контактировал с президентом-голлистом Жоржем Помпиду и либералом Валери Жискардом д'Эстеном. Чтобы положить конец этой неясной ситуации, через три дня после назначения на должность канцлера, он официально посетил Париж, чтобы «продолжать без ошибок» линию «рейнского ХДС и франкофила Аденауэра» [47, S. 93].

Однако вовсе не было неизбежным, что сотрудничество глав государств станет одним из краеугольных камней внешней политики немецкого канцлера. «На самом деле мы вообще не были созданы друг для друга», – признался Коль годы спустя. «У нас также не было никакой фундаментальной привязанности друг к другу» [35]. Помимо личных особенностей и партийно-политических предпочтений, политиков разделял ряд серьезных политических разногласий: экономический дисбаланс между ФРГ и Францией; стремление Миттерана играть решающую роль в европейской политике; заигрывание с социалистами и с «Национальным фронтом» с бессменным Жаном-Мари Ле Пенем во главе. Но тем не менее были направления, в которых наблюдались общие интересы Коля и Миттерана: оба были приверженцами европейской интеграции, выступали против усиления влияния США на европейском континенте, оба были приверженцами двойного решения НАТО.

Однако взаимопонимание двух стран было обеспечено не какими-то идеологическими сходствами, а скорее внутривнутриполитическими трудностями, возникшими в 90-х гг. Париж был подвержен турбулентности денежно-кредитной политики, а в Федеративной Республике острыми были дебаты по поводу двойного решения НАТО. В этой непростой ситуации – по крайней мере для французской стороны, возникла опасность немецкого национального нейтралитета. Прорыв наступил после переизбрания Коля на должность канцлера 6 марта 1983 г., когда во вступительной речи он заверил президента в оказании его стране финансовой помощи, тем самым защитив его от разворота в европейской денежно-кредитной политике. Вслед за этим Миттеран в конце 1983 г. отблагодарил его двумя фундаментальными европейскими политическими решениями: во-первых, заявил об активной работе по привлечению в ЕС других стран; во-вторых, предложил усилить координационную работу в «диалоге Франция-Германия» [23, S. 13].

В вопросе создания ЕС у Коля и Миттерана было много точек соприкосновений. Оба были твердо уверены, что обе страны должны стать локомотивами европейской интеграции. Будучи твердо убежден в том, что европейская политика должна быть «сердцем» внешней политики Бонна [32], Коль неоднократно высказывался за безотлагательное решение текущих проблем ЕС – бюджетного дисбаланса; решение вопроса о вступлении в ЕС Испании и Португалии, а также сокращение влияния в европейских делах Великобритании.

Чтобы возродить «заброшенную стройку» Европы [33, S. 196], Миттеран и Коль договорились в начале 1984 г. на базе шести государств ЕЭС создать «новый центр власти» [39, S. 144]. В случае неудачи Коль даже предложил создать германо-французский «двойной союз» [10, S. 224], что имело в будущем далеко идущие последствия, поскольку удалял из переговорного процесса Британию с ее претензионным положением в единой Европе и неясным пониманием будущего ЕС.

Между тем вопросы европейской интеграции двух лидеров на правительственном уровне упирались в политику безопасности, а точнее – в ядерный вопрос. Хотя Коль выступал за сотрудничество в сфере вооружений, Миттеран решительно выступал против участия Германии в качестве ударной силы ЕС. В противовес отвлечения «ядерных проблем» [8] он предлагал программу совместного «покорения космоса» [34]. Однако Колю этого было недостаточно; он хотел включить в сообщество двух государств «все имеющиеся технологии» [42]. Такое решение Миттерана объяснялось тревожными сигналами из Бонна по германскому вопросу. Президент Франции интерпретировал призыв Вилли Брандта о «второй фазе немецкой мирной политики» [13], а также визит Эриха Хонеккера в ФРГ в сентябре 1987 г. как начало процесса объединения Германии под эгидой нейтралитета.

Далекий от идей нейтрализма, Коль согласился весной 1985 г. с Миттераном, настаивая на объединении ЕС с помощью совместного проекта договора о Европейском Союзе. Несмотря на то, что ЕС не смог заключить новый договор в начале 1986 г., а «всего лишь» Единый европейский акт [36], Коль отметил этот результат как большой успех [14]. Сама концепция экономической и валютной политики в договоре о ЕЭС открыла новую главу в европейской истории, поскольку являлась первым серьезным пересмотром Римского договора 1957 г.

Немецко-французские дебаты по политике безопасности также достигли заметного прогресса. Очевидно, опираясь на понимание того, что изолированная ядерная защита Франции была «иллюзорной» [18], Миттеран одобрил «политико-стратегическое сотрудничество» с Федеративной Республикой в конце февраля 1986 г. [41, S. 932–933]. Такое резкое изменение позиций президента Франции объяснялось результатами американско-советской встречи на высшем уровне в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г., на которых было заявлено о сокращении стратегических наступательных вооружений. Летом 1987 г. Миттеран предложил модификацию Елисейского соглашения в направлении «интеграции наших армий по важнейшим направлениям» [43, S. 337], Коль, со своей стороны, высказался за создание полностью интегрированных немецко-французских дивизий.

Реализацию этого сверхсекретного плана они поручили своим доверенным лицам Жаку Аттали и Хорсту Тельчику, которые вскоре после этого предложили своему французскому коллеге создать двусторонний совет обороны. Хотя позиция Бонна вызвала у Сены подозрения в том, что она стремится к «праву уважения» к французской ядерной политике [48, S. 413], Елисейский дворец не просто отверг эту идею; взамен он потребовал создания экономического и финансового совета в показной надежде получить влияние на немецкую марку – западногерманскую «атомную силу», как ее называл Миттеран [3, S. 335]. В начале 1988 г. Бонн и Париж, взвешивая свои возможности, решили первоначально ограничиться созданием экономического, финансового и оборонного совета и формированием крупной воинской части «в виде бригады» на контрактной основе [11, S. 137].

После того как спустя два месяца Европейский Совет нашел выход из финансового тупика на основе немецко-французского совместного участия, летом 1988 г. Коль сделал весьма примечательный шаг: несмотря на массовые внутренние оговорки, он согласился поручить президенту Европейской комиссии Жаку Делору разработку окончательного варианта договора о экономическом и валютном союзе [37, S. 407–410].

Если канцлер надеялся, что этим обязательством он сможет склонить Францию к дальнейшему углублению сотрудничества в области обороны, он ошибся. Чтобы не отказываться от «дополнительной дипломатической возможности для действий», предоставляемой ядерным оружием [4, S. 221], Миттеран приостановил сотрудничество в области ядерной политики в октябре 1988 г. Хотя Коль оказался под сильным внутривластным давлением после того, как доклад Делора был представлен весной 1989 г., он не пошел наперекор Миттерану. Когда летом Европейский совет решил начать работу по подготовке межправительственной конференции по Экономическому и Валютному союзу, канцлер проголосовал за.

С началом процесса объединения Германий 1989/90 гг. произошло смещение правительственных и общественных настроений. В то время как большинство французов приветствовало падение Берлинской стены, часть парижского «политического класса» отреагировала на это с неуверенностью и даже неприятием. Сам Миттеран не оспаривал фундаментальную легитимность немецкого национального государства, но хотел отложить его возрождение на неопределенное будущее [27, S. 383–395]. Но тем не менее восстановление немецкого единства 3 октября 1990 г. дало франко-германским отношениям новую основу. Создававшиеся десятилетиями «равновесие неравновесий» [12, S. 504] – уравнивание экономической мощи Германии военной мощью Франции – вышло из-под контроля [7].

Хотя у Коля не было сомнений в том, что переломный момент вынудил внешнюю политику Германии несколько отстраниться от «функции лидерства» [25, S. 298], «основной закон» внешней политики, существовавший со времен Аденауэра, – интеграция в многосторонние структуры Запада и Германии и германо-французское партнерство, никогда не ставились под сомнение.

Несмотря на демонстрацию солидарности с Миттераном, идеи их делегаций на созванных в Риме европейских правительственных конференциях в октябре 1990 г. отнюдь не были идентичными. В то время как Франция стремилась в первую очередь к завершению валютного союза и снижению важности Североатлантического альянса путем создания независимой структуры европейской безопасности, Федеративная Республика была особенно заинтересована в расширении европейского политического сотрудничества и укреплении Страсбургского парламента. Несмотря на эти материальные разногласия и конфликт, который усугубился

стремлением Бонна признать независимость Хорватии и Словении, канцлеру и президенту все же удалось сработать вместе, для устранения препятствий на пути к Маастрихтскому договору. Президент нашел уникальным то, что после предупреждения Миттерана о «германизации Европы» [46] в конце 1991 г., Коля решил не увеличивать число депутатов от ФРГ в Европейском парламенте за счет территории бывшей ГДР [45, S. 526], кроме того, отказался от немецкой марки как главного платежного средства единой Европы. Канцлер хотя и не достиг своей цели – создания политического союза как уникального показателя европейской идентичности; однако открыто признал, что нарушил «немецкие интересы» [44, S. 368].

Но даже после этого «франко-немецкий союз» оказался перед суровым испытанием. Миттеран явно скептически относился к расширению ЕС за счет скандинавских стран и не скрывал своего намерения построить европейскую оборону с помощью Европейского оборонного агентства (EDA) [17, S. 52]. Хотя Коля также хотел создания европейской «оборонительной державы», он настаивал на «четкой интеграции» с НАТО [26, S. 303]. Положение между странами обострилось летом 1992 г., когда из-за растущих бюджетных трудностей, связанных с объединением Германий, федеральное правительство отказалось поддерживать франк. Одновременно Бонн внес предложение о сельскохозяйственной реформе, которая была равносильна ограничению производства. Все это подогрело подозрение, что оно хотело переложить расходы по воссоединению на своих французских партнеров.

Чтобы успокоить быстро поднимающуюся антинемецкую волну во Франции, Миттеран выступил в защиту Маастрихтского соглашения, аргументируя свое решение стремлением к дальнейшему сохранению мира между Германией и Францией [15]. Коля поддержал президента, обратившись по телевидению к французам с призывом не отказываться от поддержки работы по объединению Европы [9]. Обрадованные положительным результатом французского референдума по Маастрихтскому договору 20 сентября 1992 г., оба правительства немедленно приступили к устранению проблемы французской валюты, а также к устранению опасений Парижа по вопросу расширения ЕС на скандинавские страны.

Серьезный удар по союзу Коля – Миттерана понесли выборы в Национальное собрание в марте 1993 г. После тяжелого поражения социалистов президент Франции считал необходимым назначить премьер-министром неоголиста Эдуара Балладюра. Для Коля ясно определилась угроза сдвига европейской политики в сторону «Европы на английский манер» [20, S. 583], поскольку новый премьер-министр придерживался идеи расширения количества стран основателей ЕС [24, S. 495].

Публично призванный Миттераном противодействовать европейской концепции Лондона с помощью «оси» Бонн – Париж [16], канцлер осенью 1993 г. призвал немцев и французам «сформировать ядро Европейского Союза» [20, S. 614]. Вскоре после этого в тесном соглашении они договорились о новой совместной инициативе – расширения ЕС на восток, чтобы вдохнуть жизнь в Маастрихтский договор, который вступал в силу с 1 ноября 1993 г. [40].

Отставка Миттерана в мае 1995 г. стала глубоким переломным моментом в деле единой Европы Коля – Миттерана. Нового президента Франции Жака Ширака долгое время считали евроскептиком, который больше склонялся к неолиберальной британской идее более тесного сотрудничества между правительствами, чем к немецкому видению постепенного построения политического союза. Хотя Ширак пытался продвигать идеи реформирования Маастрихтского договора, учитывая различия европейских философий, результаты были очень скромными. Все успехи германо-французского сотрудничества в эпоху Коля – Единый европейский акт, основание телестанции ARTE, Маастрихтский договор, соглашение о строительстве высокоскоростных железнодорожных линий между ФРГ и Францией, формирование немецко-французской бригады и Шенгенское соглашение. Все это, возможно, и было «величайшим триумфом» Коля в европейской политике, заложившей основу будущим инициативам единой Европы.

Список литературы

1. Бонвеч Б., Галактионов Ю. В. История Германии : учебное пособие : в 3 т. Т. 2. М. : КДУ, 2008. 693 с.
2. Павлов Н. В. История современной Германии 1945–2005. М. : Астрель, 2006. 510 с.
3. Ausführungen Mitterrands im Conseil des ministres vom 17. August 1988 / Schabert T. Wie Weltgeschichte gemacht wird. Frankreich und die deutsche Einheit. Stuttgart : Klett-Cotta, 2002. 592 S.
4. Ausführungen Mitterrands im Conseil des ministres vom 26. Oktober 1988 / Schabert T. Wie Weltgeschichte gemacht wird. Frankreich und die deutsche Einheit. Stuttgart : Klett-Cotta, 2002. 592 S.
5. Bismarck an Leopold von Gerlach, 2. Mai 1857 // Bismarck: Gesammelte Werke. Bd.14/I: Briefe 1822–1861. Berlin : Cotta Buchhandlung, 1933. 654 S.

6. *Bitterlich J.* Die deutsch-französischen Beziehungen in der Phase der Deutschen Einheit und des Vertrags von Maastricht // Historisch-Politische Mitteilungen. Köln, Wien : Böhlau Verlag, 2013. S. 289–299.
7. *Bruck E.* François Mitterrands Deutschlandbild. Perzeption und Politik im Spannungsfeld deutschland-, europa- und sicherheitspolitischer Entscheidungen 1989–1992. Frankfurt/Main : Peter Lang, 2003. 362 S.
8. Elisabeth Guigou und Védrine an Mitterrand, 29. Oktober 1984 // Archives Nationales, 5 AG 4/CD 179.
9. Fernsehgespräch Mitterrands mit Kohls, 3. September 1992 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik, Pressearchiv, François Mitterrand.
10. *Fröhlich S.* „Auf den Kanzler kommt es an“: Helmut Kohl und die deutsche Außenpolitik. Persönliches Regime und Regierungshandeln vom Amtsantritt bis zur Wiedervereinigung. Paderborn : Brill Schöningh, 2001. 311 s.
11. Gemeinsame Abschlusserklärung der Sprecher der Bundesregierung und des französischen Präsidenten, 22. Januar 1988 // Europa-Archiv 43 (1988). S. D136–D138, hier S. D137.
12. *Hoffmann S.* La France dans le nouvel ordre européen // Politique étrangère 3 (1990). S. 503–512, hier S. 504.
13. Interview Brandts mit Die Welt, 28. März 1985 // Archiv der sozialen Demokratie, Willy-Brandt-Archiv, A 3, Mappe 991.
14. Interview Kohls mit dem spanischen Fernsehen, 27. Dezember 1985 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik, PIB-Pressemitteilung Nr. 577/85. Pressearchiv, Helmut Kohl, Interview.
15. Interview Mitterrands mit Europe 1, 1. Mai 1992 // Office Universitaire de Recherche Socialiste, Paris, F 6 50 MM.
16. Interview Mitterrands mit France 2, 25. Oktober 1993 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik, Pressearchiv, François Mitterrand.
17. Interview Mitterrands mit TV 1, 15. Dezember 1991 // Politique étrangère, Textes et Documents, Décembre 1991. S. 151–158, hier S. 152.
18. Kohl an Kurt Birrenbach, 23. September 1985 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik 01-433-029/2 (Nachlass Birrenbach).
19. *Kohl H.* Erinnerungen. 1930–1982. München : Droemer Knaur, 2004. 683 S.
20. *Kohl H.* Erinnerungen. 1990–1994. München : Droemer Knaur, 2004. 783 S.
21. *Küsters H.-J.* Europa- und integrationspolitische Strategien Helmut Kohls vor und nach der Wende 1989/90. Köln, Wien : Böhlau Verlag, 2014. S. 293–311.
22. *Küsters H.-J.* Helmut Kohl und Frankreich // Historisch-Politische Mitteilungen. Köln : Böhlau Verlag, 2013. S. 229–299.
23. *Lacouture J.* Mitterrand. Bd. 2: Les vertiges du sommet. Paris : SEUIL, 1998. 636 S.
24. Lagebericht Kohls im CDU-Bundesvorstand, 1./2. Oktober 1993 // Buchstab G., Kleinmann H.-O. Berichte zur Lage. S. 494–505.
25. Lagebericht Kohls im CDU-Bundesvorstand, 30. August 1991 // Buchstab G., Kleinmann H.-O. Berichte zur Lage. Düsseldorf : Droste, 2012. 1150 S.
26. Lagebericht Kohls im CDU-Bundesvorstand, 30. August 1991 // Buchstab G., Kleinmann H.-O. Berichte zur Lage. 1989–1998. Düsseldorf : Droste, 2012. 1150 s.
27. *Lappenküper U.* „La faiblesse soviétique fait la force des Allemands“. François Mitterrand und die Wiedervereinigung Deutschlands 1989/90 // Geschichtswissenschaft und Zeiterkenntnis. Von der Aufklärung bis zur Gegenwart. Festschrift zum 65. Geburtstag von Horst Möller. München : Hardcover, 2008. 792 S.
28. *Mitterrand F.* De la France, de l'Allemagne. Paris : Editions O. Jacob. 247 p.
29. *Müller J.* Die deutsch-französischen Beziehungen von der Wiedervereinigung zum Maastrichter Vertrag: die Rolle Helmut Kohls und François Mitterrands. Hamburg : GRIN Verlag, 2013. S. 50.
30. *Müller-Brandeck-Bocquet G.* Wie halten wir es mit Amerika? Die transatlantischen Beziehungen, die Konstruktion Europas und die deutsch-französische Zusammenarbeit in der Ära Kohl // Historisch-Politische Mitteilungen. Vol. 14. No. 1. S. 273–299.
31. *Picht R.* Deutsch-französische Beziehungen nach dem Fall der Mauer: Angst vor „Großdeutschland“? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 47–48/1991. S. 47–58.
32. Rede Kohls vor der Außenpolitischen Gesellschaft in Kopenhagen, 24. September 1984 // Pressemitteilung des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung. Nr. 491/84.
33. Rede Mitterrands in Den Haag, 7. Februar 1984 // Europa-Archiv 39 (1984). S. D195–199, hier S. D196.
34. Rede Mitterrands in Den Haag, 7. Februar 1984 // Europa-Archiv 39 (1984). S. D199.
35. Redebeitrag Kohls in der Fraktionssitzung vom 9. November 1982 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik 08-001-1070/1 (Bestand CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag).
36. Schlussfolgerungen der Ratspräsidentschaft zur EG-Regierungskonferenz, 2./3. Dezember 1985 // Europa-Archiv 41 (1986). S. D157.
37. Schlussfolgerungen des Europäischen Rates, 27./28. Juni 1988 // Weidenfeld W., Wessels W. Jahrbuch der Europäischen Integration 1988/89. Bonn : Europa Union, 1989. S. 407–410.
39. *Schwarz H.-P.* Helmut Kohl. Eine politische Biographie. München : DVA, 2012. 1052 S.
39. Der Spiegel 13 (1984). S. 144.
40. Der Spiegel 28 (1994). S. 108–112.
41. Unterredung zwischen Kohl und Mitterrand vom 27. Februar 1986, zitiert nach Attali: Verbatim. Bd. I. S. 932 und 933.

42. Unterredung zwischen Kohl und Mitterrand vom 29. Oktober 1984 // Jacques A. Verbatim. Bd. I: Chronique des années 1981–1986. Paris : Fayard, 1993. S. 713f.
43. Unterredung zwischen Kohl und Mitterrand vom 9. August 1987, zitiert nach Jacques Attali: Verbatim. Bd. II: Chronique des années 1986–1988. Paris, 1993. S. 337.
44. Unterredung zwischen Kohl und US-Außenminister James Baker vom 12. Dezember 1989. // Deutsche Einheit. S. 636–641.
45. Unterredung zwischen Mitterrand und Kohl vom 10. Dezember 1991 // Deutsche Einheit. S. 526.
46. Unterredung zwischen Mitterrand und Kohl vom 14. November 1991 // Archives Nationales, 5 AG 4/CDM 33.
47. Védérine an Mitterrand, 4. Oktober 1982 // Archives Nationales, 5 AG 4/CD 190.
48. Védérine H. Les mondes de François Mitterrand. A l'Elysée 1981–1995. Paris : Fayard, 1996. S. 413.
49. Woyke W. Deutsch-Französische Beziehungen – Das Tandem fasst wieder Tritt. Opladen : Leske+Budrich und Westdeutscher Verlag, 2004. 230 S.
50. Ziebur G. Die deutsch-französischen Beziehungen seit 1945. Mythen und Realitäten. Stuttgart : Klett-Cotta, 1997. 900 S.

Contradictions between Helmut Kohl and François Mitterrand (1982–1995). Search for ways to bring the two countries closer together, on the way to a united Europe

Levchenko Maxim Vladimirovich

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Kamsky State Engineering-Economic Academy (KSEEA). Russia, Naberezhnye Chelny. ORCID: 0009-0008-0466-9509.
E-mail: minos201200@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship between the heads of two European states, Helmut Kohl and François Mitterrand, in the period from 1982 to 1995. The main goal of the joint initiatives of the two politicians was to expand the functionality of the European Union and bring it to the supranational level. The reason for the rapprochement of the two states was European problems, the solution of which became possible with joint coordination: the gravitation towards European integration, the desire to limit the influence of the United States and Great Britain on the European continent, the commitment to the dual solution of NATO, and the insufficient volatility of the monetary and credit policies of both states.

A breakthrough event in European integration was the unification of Germany, which put the Federal Republic in a more advantageous negotiating position and proved the correctness of the integration initiatives of both politicians.

If we talk about the successes of the European policy of Kohl and Mitterrand, this was a radical revision of the Treaty of Rome of 1957. The most important events were the signing of the Schengen Agreements of 1985, which eliminated intra-European borders. The Maastricht Treaty of 1992 created a single economic space. Despite their modest results, both treaties served as the beginning of future transformations of the United Europe.

The author notes an interesting feature – being the head of the Christian Democratic Union, Kohl did not seek to establish relations with his French colleagues and never had illusions about his French neighbor. The author is inclined to the idea that for Kohl, Franco-German cooperation was necessary for expanding German influence in Western Europe. As the main driving force, he relied on the German economy, which was the leading one in Europe at that time.

Keywords: EU, Helmut Kohl, François Mitterrand, Maastricht Agreements, Schengen Agreements, BRD, French Republic.

References

1. Bonvech B., Galaktionov Yu. V. *Istoriya Germanii : uchebnoe posobie : v 3 t. T. 2* [History of Germany : a study guide : in 3 vols. Vol. 2]. M. KDU, 2008, 693 p.
2. Pavlov N. V. *Istoriya sovremennoj Germanii 1945–2005* [History of Modern Germany 1945–2005]. M. Astrel', 2006. 510 p.
3. Ausführungen Mitterrands im Conseil des ministres vom 17. August 1988 / Schabert T. Wie Weltgeschichte gemacht wird. Frankreich und die deutsche Einheit. Stuttgart : Klett-Cotta, 2002. 592 s.
4. Ausführungen Mitterrands im Conseil des ministres vom 26. Oktber 1988 / Schabert T. Wie Weltgeschichte gemacht wird. Frankreich und die deutsche Einheit. Stuttgart : Klett-Cotta, 2002. 592 s.
5. Bismarck an Leopold von Gerlach, 2. Mai 1857 // Bismarck: Gesammelte Werke. Bd.14/I: Briefe 1822–1861. Berlin : Cotta Buchhandlung, 1933. 654 s.
6. Bitterlich J. Die deutsch-französischen Beziehungen in der Phase der Deutschen Einheit und des Vertrags von Maastricht // Historisch-Politische Mitteilungen. Köln, Wien : Böhlau Verlag, 2013. S. 289–299.

7. Bruck E. François Mitterrands Deutschlandbild. Perzeption und Politik im Spannungsfeld deutschland-, europa- und sicherheitspolitischer Entscheidungen 1989–1992. Frankfurt/Main : Peter Lang, 2003. 362 s.
8. Elisabeth Guigou und Védérine an Mitterrand, 29. Oktober 1984 // Archives Nationales, 5 AG 4/CD 179.
9. Fernsehgespräch Mitterrands mit Kohls, 3. September 1992 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik, Pressearchiv, François Mitterrand.
10. Fröhlich S. „Auf den Kanzler kommt es an“: Helmut Kohl und die deutsche Außenpolitik. Persönliches Regiment und Regierungshandeln vom Amtsantritt bis zur Wiedervereinigung. Paderborn : Brill Schöningh, 2001. 311 s.
11. Gemeinsame Abschlusserklärung der Sprecher der Bundesregierung und des französischen Präsidenten, 22. Januar 1988 // Europa-Archiv 43 (1988). S. D136–D138, hier S. D137.
12. Hoffmann S. La France dans le nouvel ordre européen // Politique étrangère 3 (1990). S. 503–512, hier S. 504.
13. Interview Brandts mit Die Welt, 28. März 1985 // Archiv der sozialen Demokratie, Willy-Brandt-Archiv, A 3, Mappe 991.
14. Interview Kohls mit dem spanischen Fernsehen, 27. Dezember 1985 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik, PIB-Pressemitteilung Nr. 577/85. Pressearchiv, Helmut Kohl, Interview.
15. Interview Mitterrands mit Europe 1, 1. Mai 1992 // Office Universitaire de Recherche Socialiste, Paris, F 6 50 MM.
16. Interview Mitterrands mit France 2, 25. Oktober 1993 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik, Pressearchiv, François Mitterrand.
17. Interview Mitterrands mit TV 1, 15. Dezember 1991 // Politique étrangère, Textes et Documents, Décembre 1991. S. 151–158, hier S. 152.
18. Kohl an Kurt Birrenbach, 23. September 1985 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik 01-433-029/2 (Nachlass Birrenbach).
19. Kohl H. Erinnerungen. 1930–1982. München : Droemer Knaur, 2004. 683 s.
20. Kohl H. Erinnerungen. 1990–1994. München : Droemer Knaur, 2004. 783 s.
21. Küsters H.-J. Europa- und integrationspolitische Strategien Helmut Kohls vor und nach der Wende 1989/90. Köln, Wien : Böhlau Verlag, 2014. S. 293–311.
22. Küsters H.-J. Helmut Kohl und Frankreich // Historisch-Politische Mitteilungen. Köln : Böhlau Verlag, 2013. S. 229–299.
23. Lacouture J. Mitterrand. Bd. 2: Les vertiges du sommet. Paris : SEUIL, 1998. 636 s.
24. Lagebericht Kohls im CDU-Bundesvorstand, 1./2. Oktober 1993 // Buchstab G., Kleinmann H.-O. Berichte zur Lage. S. 494–505.
25. Lagebericht Kohls im CDU-Bundesvorstand, 30. August 1991 // Buchstab G., Kleinmann H.-O. Berichte zur Lage. Düsseldorf : Droste, 2012. 1150 s.
26. Lagebericht Kohls im CDU-Bundesvorstand, 30. August 1991 // Buchstab G., Kleinmann H.-O. Berichte zur Lage. 1989–1998. Düsseldorf : Droste, 2012. 1150 S.
27. Lappenküper U. "La faiblesse soviétique fait la force des Allemands". François Mitterrand und die Wiedervereinigung Deutschlands 1989/90 // Geschichtswissenschaft und Zeiterkenntnis. Von der Aufklärung bis zur Gegenwart. Festschrift zum 65. Geburtstag von Horst Möller. München : Hardcover, 2008. 792 s.
28. Mitterrand F. De la France, de l'Allemagne. Paris : Editions O. Jacob. 247 p.
29. Müller J. Die deutsch-französischen Beziehungen von der Wiedervereinigung zum Maastrichter Vertrag: die Rolle Helmut Kohls und François Mitterrands. Hamburg : GRIN Verlag, 2013. S. 50.
30. Müller-Brandeck-Bocquet G. Wie halten wir es mit Amerika? Die transatlantischen Beziehungen, die Konstruktion Europas und die deutsch-französische Zusammenarbeit in der Ära Kohl // Historisch-Politische Mitteilungen. Vol. 14. No. 1. S. 273–299.
31. Picht R. Deutsch-französische Beziehungen nach dem Fall der Mauer: Angst vor "Großdeutschland"? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 47–48/1991. S. 47–58.
32. Rede Kohls vor der Außenpolitischen Gesellschaft in Kopenhagen, 24. September 1984 // Pressemitteilung des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung. Nr. 491/84.
33. Rede Mitterrands in Den Haag, 7. Februar 1984 // Europa-Archiv 39 (1984). S. D195–199, hier S. D196.
34. Rede Mitterrands in Den Haag, 7. Februar 1984 // Europa-Archiv 39 (1984). S. D199.
35. Redebeitrag Kohls in der Fraktionssitzung vom 9. November 1982 // Archiv für Christlich-Demokratische Politik 08-001-1070/1 (Bestand CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag).
36. Schlussfolgerungen der Ratspräsidentschaft zur EG-Regierungskonferenz, 2./3. Dezember 1985 // Europa-Archiv 41 (1986). S. D157.
37. Schlussfolgerungen des Europäischen Rates, 27./28. Juni 1988 // Weidenfeld W., Wessels W. Jahrbuch der Europäischen Integration 1988/89. Bonn : Europa Union, 1989. S. 407–410.
39. Schwarz H.-P. Helmut Kohl. Eine politische Biographie. München : DVA, 2012. 1052 s.
39. Der Spiegel 13 (1984). S. 144.
40. Der Spiegel 28 (1994). S. 108–112.
41. Unterredung zwischen Kohl und Mitterrand vom 27. Februar 1986, zitiert nach Attali: Verbatim. Bd. I. S. 932 und 933.

42. Unterredung zwischen Kohl und Mitterrand vom 29. Oktober 1984 // Jacques A. Verbatim. Bd. I: Chronique des années 1981–1986. Paris : Fayard, 1993. S. 713f.
43. Unterredung zwischen Kohl und Mitterrand vom 9. August 1987, zitiert nach Jacques Attali: Verbatim. Bd. II: Chronique des années 1986–1988. Paris, 1993. S. 337.
44. Unterredung zwischen Kohl und US-Außenminister James Baker vom 12. Dezember 1989. // Deutsche Einheit. S. 636–641.
45. Unterredung zwischen Mitterrand und Kohl vom 10. Dezember 1991 // Deutsche Einheit. S. 526.
46. Unterredung zwischen Mitterrand und Kohl vom 14. November 1991 // Archives Nationales, 5 AG 4/CDM 33.
47. Védérine an Mitterrand, 4. Oktober 1982 // Archives Nationales, 5 AG 4/CD 190.
48. Védérine H. Les mondes de François Mitterrand. A l'Elysée 1981–1995. Paris : Fayard, 1996. S. 413.
49. Woyke W. Deutsch-Französische Beziehungen – Das Tandem fasst wieder Tritt. Opladen : Leske+Budrich und Westdeutscher Verlag, 2004. 230 s.
50. Ziebur G. Die deutsch-französischen Beziehungen seit 1945. Mythen und Realitäten. Stuttgart : Klett-Cotta, 1997. 900 s.

Поступила в редакцию: 20.05.2025

Принята к публикации: 02.06.2025

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 372(569.5)(55)

EDN: TLDSEN

Иордания и Иран: тонкая дипломатия на фоне региональных перемен

Аль Зидейн Арин Ахмад Оде

аспирант направления «История международных отношений и внешней политики», Казанский (Приволжский) федеральный университет. Россия, г. Казань. E-mail: areenhamaideh97@gmail.com

Аннотация. Иордано-иранские отношения представляют собой парадоксальный и многогранный пример дипломатического взаимодействия на Ближнем Востоке, где элементы ограниченного сотрудничества сосуществуют с глубокими системными противоречиями. Эти отношения развиваются в условиях сложного баланса между формальной дипломатией (включая поддержание посольств и дипломатических миссий) и принципиальными расхождениями в подходах к региональным вопросам.

Основу непрекращающейся напряженности составляют диаметрально противоположные позиции сторон по ключевым вопросам ближневосточной политики. Иордания, традиционно выступающая в роли умеренной региональной силы, поддерживает тесный военно-политический альянс с США и западными странами, официально признает Палестинскую национальную администрацию и ООП как законных представителей палестинского народа. В то же время Иран, позиционирующий себя как лидер "оси сопротивления", оказывает активную поддержку ХАМАСу и другим группировкам, что вызывает серьезную обеспокоенность в Аммане.

Исторический контекст также играет значительную роль в формировании текущей динамики отношений. Поддержка Иорданией Ирака в ходе ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) оставила глубокий след в восприятии Ирана иорданской политической элитой. В современный период особую тревогу Иордании вызывает экспансия иранского влияния в Южной Сирии через сеть прокси-групп, что создает прямые угрозы национальной безопасности королевства.

В данной статье проводится комплексный анализ эволюции Иордано-иранских отношений на фоне трансформации регионального геополитического ландшафта. Особое внимание уделяется системным факторам, препятствующим нормализации отношений, включая идеологические разногласия, конкурирующие внешнеполитические ориентации и вопросы региональной безопасности. Исследование охватывает как исторические корни современных противоречий, так и их актуальные проявления в условиях меняющейся ближневосточной политики.

Ключевые слова: Ближний Восток, дипломатические отношения, внешняя политика, Иордания, Иран.

Введение. На протяжении более семи десятилетий дипломатические отношения между Иорданией и Ираном (официально установленные в 1949 г.) демонстрируют устойчивую модель прагматичного, но предельно осторожного взаимодействия. Эти отношения, развивающиеся в условиях постоянных региональных потрясений, сочетают в себе редкие моменты конструктивного диалога с глубинными идеологическими и стратегическими противоречиями [9].

Исторически иордано-иранские связи формировались под влиянием ключевых конфликтов на Ближнем Востоке. Так, в период ирано-иракской войны (1980–1988) Иордания открыто поддерживала Багдад, предоставляя ему политическую и логистическую помощь, что надолго осложнило отношения с Тегераном. Впоследствии расхождения лишь углубились: если Иордания стала частью прозападного «умеренного блока», подписав мирный договор с Израилем (1994) и координируя действия с США, то Иран утвердился в роли лидера «оси сопротивления», делая ставку на поддержку ХАМАСа и «Хезболлы».

Особую остроту этим противоречиям придает палестинский вопрос. Несмотря на формальное признание обеими сторонами прав палестинского народа, их подходы радикально различаются: Амман рассматривает Палестинскую национальную администрацию как леги-

тимного представителя, тогда как Тегеран открыто поддерживает ХАМАС, включая его вооруженное крыло.

В последнее десятилетие новые вызовы связаны с сирийским конфликтом. Иордания, сохранявшая в его ходе выжидательный нейтралитет, крайне обеспокоена укреплением иранского влияния в приграничных районах Южной Сирии, где дислоцируются прокси-группы вроде «Хезболлы». Амман расценивает это как прямую угрозу своей безопасности, особенно учитывая риски контрабанды оружия и радикализации населения. В ответ Иордания ужесточила контроль над религиозными институтами, запретив строительство шиитских культовых объектов и ограничив иранский «религиозный туризм».

Тем не менее полностью дипломатические каналы не разрываются: стороны поддерживают контакты на уровне посольств, а в периоды относительной стабильности обсуждают вопросы торговли и транзита энергоресурсов. Однако перспективы существенного потепления остаются призрачными на фоне фундаментальных разногласий по вопросам региональной безопасности и баланса сил.

На ранних этапах своего развития, а именно до 1925 г., иордано-иранские отношения (в особенности с восточноиранскими территориями) носили преимущественно торговый характер. Это взаимодействие началось еще в Османский период, когда территория современной Иордании находилась под властью Османской империи, и продолжалось в период Эмирата Трансиордания. После падения Османского халифата и свержения династии Каджаров в Иране в результате прихода к власти Резы Шаха Пехлеви (1925–1941) дипломатические контакты между странами сохранялись. Впоследствии власть перешла к его сыну, Мохаммеду Резе Пехлеви.

Во время правления династии Пехлеви в Иерусалиме было открыто первое иранское консульство, через которое осуществлялись контакты Ирана с регионом, включая дипломатические связи с эмиром Абдаллой I, который в тот период правил Эмиратом Трансиордания.

После обретения Иорданией независимости в 1946 г. и провозглашения ее королевством, а также восшествия эмира Абдаллы I на престол в качестве короля, в Аммане было открыто первое иранское консульство в 1946 г., за которым последовало открытие иорданского консульства в Тегеране в 1949 г.

В 1949 г. король Абдалла I посетил Иран, и эта встреча с представителями династии Пехлеви сыграла ключевую роль в укреплении двусторонних отношений. Итогом визита стало подписание Договора о дружбе, направленного на развитие сотрудничества и открытие новых перспектив взаимодействия [3]. В последующие годы между двумя странами было заключено множество соглашений, среди которых особенно значимыми стали: Соглашение о культурном сотрудничестве (1960) [5], Торговое соглашение (1963), Соглашение о сотрудничестве в финансовой сфере (1973) и Соглашение о туристическом сотрудничестве (1975). Однако последнее так и не было реализовано в связи с Исламской революцией 1979 г. [17].

Дипломатические отношения между Иорданией и Ираном оказались осложнены ввиду расхождений по вопросам региональной политики особенно после признания Ираном государства Израиль 1948 г., тогда как Иордания признала Израиль только в 1994 г. Шах Ирана подчеркнул, что данный шаг не является новым, а лишь подтверждает признание Израиля, объявленное ранее в 1950 г. Это вызвало быструю реакцию короля Иордании Хусейна ибн Талала, который 26 июля 1960 г. направил шаху Ирана телеграмму, призывая его пересмотреть принятое решение [4].

После Исламской революции 1979 г., приведшей к созданию Исламской Республики Иран, иордано-иранские отношения переживали периоды охлаждения и кратковременного сближения. Новая внешнеполитическая стратегия Тегерана, направленная на экспорт революции и поддержку шиитских движений, вызвала обеспокоенность Иордании, воспринявшей это как угрозу своей стабильности. Окончательный разрыв произошел в 1981 г. после поддержки королем Хусейном Ирака в войне с Ираном.

Ключевым фактором напряженности в иордано-иранских отношениях стала поддержка Иорданией Ирака во время войны с Ираном (1980–1988) [4]. Амман предоставлял Багдаду политическую, экономическую и военную помощь, что вызвало резкое осуждение Тегерана. Это привело к длительному охлаждению и застою в двусторонних отношениях.

Тем не менее Иордания продолжала придерживаться данной позиции. Она обусловлена пониманием королем Хусейном того, что конфликт не является просто противостоянием двух политических систем – исламской и светской, но имеет глубокие исторические корни и сложные региональные факторы. Король считал, что затяжная война может привести к катастрофическим последствиям для Персидского залива и всего арабского мира [15].

Он рассматривал Исламскую революцию в Иране как прямую угрозу арабскому национализму, который Иордания пыталась укрепить, особенно в контексте ее стремлений к созданию единого арабского государства. Он также считал, что победа Ирана в войне могла бы привести к усилению его регионального влияния и попыткам экспорта революции в соседние страны, включая Иорданию и государства Персидского залива. Кроме того, король Хусейн испытывал обеспокоенность по поводу риторики Тегерана, который называл арабских лидеров предателями и врагами ислама, что усилило его убеждение в стратегической необходимости поддерживать Ирак для сохранения стабильности в регионе.

Рассмотрим ключевые аспекты поддержки Иорданией Ирака помимо политической, она также охватывала военную, экономическую и информационную сферы.

Политическая и военная поддержка. В ноябре 1980 г. король Хусейн посетил Ирак, подтвердив поддержку Иордании в войне против Ирана [13]. Иордания предоставила военную помощь, включая размещение иракских самолетов в своих аэропортах и посредничество в поставках оружия из Китая, Испании и стран Западной Европы, а также привела свои войска в боевую готовность [7].

Экономическая и логистическая поддержка. Амман строго и методично реализовал и исполнил экономические соглашения с Багдадом, следил за реализацией экономических договоренностей с Багдадом, главным из которых было соглашение 1975 г., оно позволяло использовать порт Акаба в качестве основного маршрута для экспорта и импорта товаров Ирака, ввиду чего объем товаров, поступающих в Ирак, возрос с пяти миллионов тонн в год до 15 миллионов тонн в год период с 1980 по 1988 г.

Иордания также обеспечивала Ирак кредитами и финансовыми средствами, которые позволяли ему приобретать оружие и материалы, необходимые для ведения войны [5].

Популярная и общественная поддержка. В Иордании наблюдалась массовая мобилизация в поддержку Ирака, где большие группы иорданских граждан принимали участие в войне, добровольно вступая в ряды иракской армии. Они сформировали так называемые «войска Ярмук», которые предназначались для оказания моральной и военной поддержки Ираку [7].

Этот народный подъем был вызван страхом перед последствиями победы Ирана, что могло нарушить геополитическое равновесие в регионе.

Медийная и дипломатическая поддержка. Иордания сыграла активную роль в укреплении арабской солидарности с Ираком через иорданские СМИ, где медийные кампании были направлены на подчеркивание позиции Ирака как защитника арабской национальной безопасности против иранской экспансии.

Король Хусейн активно содействовал поддержке Ирака, используя свои связи с арабскими лидерами. В ноябре 1985 г. он выступил посредником между Ираком и Сирией, организовав их секретную встречу в апреле 1987 г. Его усилия способствовали консолидации арабской позиции в пользу Ирака и возвращению Египта в арабский лагерь [11]. Иордания стала голосом Ирака в арабских и западных кругах, подчеркивая важность поддержки Багдада для обеспечения стабильности в регионе [14].

Поддержка Иорданией Ирака вызвала обеспокоенность в Израиле, который рассматривал усиление сотрудничества между Амманом и Багдадом как прямую угрозу своей безопасности. Несколько израильских официальных лиц высказали свое недовольство позицией Иордании.

Менахем Бегин, премьер-министр Израиля, охарактеризовал Иордано-иракское сотрудничество как опасный выбор, угрожающий безопасности Израиля. Игал Ядин, заместитель премьер-министра Израиля, раскритиковал короля Хусейна, напомнив ему об «ошибках» Иордании в войне 1967 г. и отказе от участия в мирных переговорах в 1977–1979 гг. Израильский посол в Вашингтоне призвал американскую администрацию оказать давление на Иорданию, чтобы она прекратила свою военную поддержку Ирака [7].

Председатель Объединенного штаба Израиля Меир Даган предупредил о возможном использовании Ираком иорданского порта Акаба, указав, что он может стать проходом для потока оружия и ресурсов в пользу Багдада. Иордания в ирано-иракской войне заняла стратегическую позицию, рассматривая Ирак как барьер против иранской экспансии и экспорта революции. Хотя это укрепило Иордано-иракские отношения, оно вызвало дипломатические сложности с арабскими странами и Ираном, а также обеспокоенность Израиля, видевшего в этом союзе угрозу. Даже после окончания войны в 1988 г. эта позиция продолжала негативно влиять на долгосрочные отношения между Амманом и Тегераном [7].

После смерти Хомейни¹ в 1989 г. иранская внешняя политика изменилась, особенно при Рафсанджани², стремившемся улучшить отношения с арабскими странами. В 1991 г. Иордания и Иран восстановили дипотношения. Важным шагом стало закрытие Иорданией офисов организации Моджахедин-э Халк³, что Тегеран расценил как позитивный жест.

Однако, несмотря на это сближение, отношения оставались нестабильными, колеблясь между сотрудничеством и противоречиями из-за региональных факторов и разногласий по вопросам безопасности [10].

С 2000 г. отношения между Иорданией и Ираном пережили несколько напряженных этапов и ключевых моментов, которые сформировали политические ориентиры двух стран, и их можно резюмировать следующим образом. В начале нового тысячелетия отношения были значительно ухудшены в связи с интифадой Аль-Акса⁴ и попытками Ирана усилить свое присутствие в Палестине, что правительство Иордании расценивало как угрозу как национальным интересам страны, так и палестинским.

8 сентября 2001 г. произошел дипломатический инцидент, когда иранский посол в Аммане, Насралла Таджик, принял участие в фестивале, организованном иорданской исламской оппозицией в поддержку палестинской интифады. Во время мероприятия Таджик произнес речь, осуждая поддержку США Израилю, что правительство Иордании сочло недипломатичным поступком.

5 февраля 2002 г. Министерство иностранных дел Ирана вызвало посла Иордании в Тегеране для выражения протеста против поддержки королем Иордании обвинений, выдвинутых американским президентом Джорджем Бушем в адрес Ирана, который был назван частью «оси зла»⁵. В ответ, 2 марта 2002 г., посол Иордании в Тегеране Бассам аль-Амуш публично обвинил Иран в нарушении безопасности Иордании. Министерство иностранных дел Ирана ответило на эти заявления 3 марта 2002 г., назвав их «недипломатичными» и заявив, что они находятся на рассмотрении.

В июне 2002 г. правительство Иордании решило отозвать своего посла из Тегерана, не предоставив при этом ясных причин для такого шага. Считается, что это было реакцией на заявления посла аль-Амуша о нарушениях иранской безопасности.

Вторжение США в Ирак (2003) обострило иордано-иранские противоречия. Для Иордании оно обернулось кризисом беженцев, нагрузкой на инфраструктуру и ростом угрозы терроризма (включая атаки «Аль-Каиды» в 2005 г.). Иран же увидел в этом возможность укрепить влияние через иракское шиитское большинство.

Однако 2 сентября 2003 г. произошел перелом в отношениях, когда король Абдалла II посетил Тегеран, где провел переговоры с президентом Ирана Мохаммадом Хатами. В ходе встречи они обсудили ситуацию в Ираке и Палестине, а также укрепление двусторонних от-

¹ Рухолла Мусави Хомейни (1902–1989) – выдающийся иранский религиозный и политический лидер, возглавивший Исламскую революцию 1979 г. В качестве верховного руководителя страны он заложил основы новой политической системы Ирана, сочетающей принципы шиитского ислама с государственным управлением.

² Али Акбар Хашеми Рафсанджани (1934–2017) – влиятельный иранский государственный и общественный деятель, занимавший ключевые посты в системе власти Исламской Республики. На протяжении своей политической карьеры он возглавлял парламент страны (1980–1989), а затем два срока подряд избирался на пост президента (1989–1997). Также входил в состав Совета целесообразности, играя важную роль в принятии стратегических решений.

³ Моджахедин-э Халк (или «Организация моджахедов иранского народа») представляет собой радикальное левое движение, оппозиционное нынешнему иранскому правительству. Иран и Ирак официально классифицируют эту группировку как террористическую. Однако в 2009 г. Евросоюз исключил ее из своего перечня террористических организаций, а США последовали этому примеру в 2012 г.

⁴ Интифада Аль-Аксы (2000–2005) – вооруженное противостояние палестинцев и израильских сил на оккупированных территориях. Этот конфликт, ставший продолжением Первой интифады (1987–1993), получил название от мечети Аль-Акса в Иерусалиме – священного места для мусульман и иудеев. Вспыхнув в сентябре 2000 г., восстание привело к резкой эскалации арабо-израильского противостояния.

⁵ Понятие «ось зла» впервые прозвучало в речи президента США Джорджа Буша-младшего 29 января 2002 г. во время ежегодного послания Конгрессу. Администрация Белого дома использовала этот термин для обозначения государств, которые, согласно американской оценке, либо финансировали террористическую деятельность, либо занимались разработкой ОМП с возможностью его передачи негосударственным вооруженным группам.

ношений между двумя странами. Этот визит стал первым официальным визитом иорданского монарха в Иран с момента исламской революции 1979 г.

29 сентября 2003 г. саудовская газета «Al Watan» опубликовала сообщения, в которых утверждалось, что Иран и США начали косвенные переговоры через Иорданию, при этом иорданский монарх согласился сыграть роль посредника между двумя странами. К концу 2003 г. Иордания опровергла слухи о передаче Ирану членов оппозиционной иранской группы «Моджахедин-э Халк», которые укрылись в Иордании после американского вторжения в Ирак.

В декабре 2004 г. король Абдалла II в интервью газете «The Washington Post» выразил обеспокоенность по поводу стремления Ирана создать «Исламскую Республику» в Ираке, что могло бы привести к сближению с Иорданией. Он также предупредил о вмешательствах Ирана в иракские дела и их влиянии на выборы в Ираке, а также выразил опасения по поводу иранских амбиций создать «шиитский полумесяц» в регионе, который включал бы Сирию, Ливан и Ирак [4].

Отношения между Иорданией и Ираном развивались непредсказуемо. 25 декабря 2004 г. министр иностранных дел Иордании Хани Мулки предупредил об иранской угрозе для «арабизма Ирака и региона», подчеркнув, что Иордания располагает доказательствами попыток Ирана создать «шиитский полумесяц», охватывающий несколько стран региона.

В 2005 г. Иран бойкотировал конференцию соседей Ирака, проходившую в Иордании, обвинив королевство в укрытии баасистов и планах по восстановлению хашимитской власти в Ираке. 23 марта 2005 г. правительство Иордании опровергло сообщения, опубликованные израильскими газетами «Yedioth Ahronoth» и «Haaretz», в которых утверждалось, что иорданский король заявил, что Сирия и Иран представляют «наибольшую угрозу стабильности на Ближнем Востоке» в ходе его встречи с делегацией лидеров еврейских организаций в Вашингтоне.

8 января 2007 г. 28 депутатов парламента Иордании потребовали от правительства разорвать дипломатические отношения с Ираном и распустить парламентский комитет дружбы между двумя странами из-за позиции Ирана по казни президента Ирака Саддама Хусейна, которую депутаты сочли «сафавидной персидской позицией»⁶. 19 июня 2007 г. премьер-министр Иордании Маарф аль-Бахит отметил роль Ирана в событиях в секторе Газа, которые привели к контролю движения ХАМАС над сектором в тот период.

4 июля 2009 г. иорданские власти прекратили сотрудничество с репортерами двух иранских телеканалов – «Al-Alam News Network» (на арабском языке) и «Press TV» (на английском), объяснив это техническими причинами, хотя некоторые источники указывали на политический характер решения. С началом революций арабской весны в 2011–2013 гг. Амман выразил все возрастающую обеспокоенность влиянием Ирана в нескольких арабских столицах, например, таких как Дамаск, Багдад, Бейрут и Санаа.

После событий арабской весны 2011 г. Иордания выразила растущее беспокойство по поводу влияния Ирана в Дамаске, Багдаде, Бейруте и Санае. В попытке восстановить отношения министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф посетил Иорданию 14 января 2014 г., а затем министр иностранных дел Иордании Насер Джуда посетил Тегеран в марте 2015 г., где стороны обсудили пути борьбы с терроризмом и экстремизмом.

14 января 2014 г. министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф посетил Иорданию с целью восстановления двусторонних отношений после семи лет разрыва.

7 марта 2015 г. министр иностранных дел Иордании Нассер Джоудда посетил Тегеран, это был первый визит за восемь лет. Он встретился с президентом Ирана Хасаном Рухани и предложил провести «арабо-иранский диалог», особенно в таких областях, как борьба с терроризмом и экстремизмом.

6 июня 2015 г. министр по делам вакфов Иордании Хаиль Давуд опроверг информацию о том, что Иран подал официальное заявление о строительстве хусейний⁷ на территории Иордании, отметив, что текущая ситуация в регионе не позволяет этого.

⁶ Сафавидско-персидская позиция – термин, используемый в суннитском дискурсе для обозначения идеологического и религиозного наследия Сефевидского государства (1501–1736), в котором шиизм был утвержден как государственная религия. Эта позиция ассоциируется с попытками Ирана и его союзников распространять шиитское влияние в регионе, особенно через поддержку шиитских групп в арабском мире. В рамках суннитской риторики она рассматривается как вызов традиционному суннитскому укладу и геополитическая угроза.

⁷ Хусейния – место собраний шиитов для проведения траурных обрядов в день Ашура. Название происходит от имени Хусейна ибн Али, внука пророка Мухаммеда и третьего имама у шиитов. Ежегодно шииты оплакивают гибель Хусейна, убитого 10 октября 680 года в Кербеле (Ирак).

7 июля 2015 г. суд безопасности государства Иордании начал процесс против иракского гражданина Халеда Казема ар-Рабии, обвиняемого в принадлежности к организации, связанной с Корпусом стражей исламской революции Ирана, и в планировании террористических актов в Иордании [16].

В том же году Иордания приветствовала ядерное соглашение Ирана с Западом, заключенное в Вене 14 июля 2015 г., однако отношения вновь ухудшились в июле 2015 г., когда в Иордании был осужден Халед аль-Рабаи за сотрудничество с Корпусом стражей исламской революции и планирование террористических актов. В августе 2015 г. Иордания и Саудовская Аравия отвергли любое вмешательство Ирана в дела региона.

25 декабря 2015 г. иранское агентство «Fars News Agency» сообщило о визите министра по делам вакфов Иордании в иранский город Кум, где он обсудил с иранскими официальными лицами усиление сотрудничества двух стран в борьбе с терроризмом. Однако в ноябре 2016 г. Иордания отклонила иранскую просьбу позволить 500 000 иранских туристов посетить шиитские святыне в королевстве, подчеркнув свой отказ от любого вмешательства во внутренние дела [6].

Иордания также осудила захват саудовского посольства в Тегеране в январе 2016 г., считая это нарушением международного права, что побудило ее вызвать иранского посла в Аммане для вручения ноты протеста. В апреле 2016 г. как Иордания, так и Саудовская Аравия предупредили об опасности иранского вмешательства в регион, отметив, что такая политика способствует росту терроризма и разжигает конфликты.

Наконец, 18 апреля 2016 г. Иордания отозвала своего посла в Тегеране для консультаций по поводу последствий иранского вмешательства во внутренние дела арабских стран, чтобы тщательно оценить ситуацию.

13 апреля 2024 г. Иран впервые нанес прямой ракетный удар по Израилю, отправив беспилотники и ракеты в ответ на атаку своего консульства в Дамаске. Это ознаменовало новый этап конфликта, где Тегеран стремился к сдерживанию, избегая полномасштабной войны с возможным вмешательством США.

Во время эскалации в апреле 2024 г. Иордания перехватила иранские дроны, летевшие через ее воздушное пространство к Израилю. Это вызвало резкую реакцию Ирана, включая угрозы в адрес Иордании, что привело к дипломатическому протесту Аммана. Инцидент подчеркнул растущую региональную напряженность на фоне войны в Газе. Со своей стороны, Иран через свое посольство в Аммане опроверг эти угрозы, подтвердив, что высказывания об угрозах в сторону Иордании не были верными и не исходили от официальных источников, разъяснив, что официальная позиция Ирана выражается только через Министерство иностранных дел [8].

Что касается Западного берега, отчет уточнил, что иранское оружие попадало в Иорданию незаконными путями, прежде чем быть переправленным на Западный берег. Газета также процитировала высокопоставленного иорданского представителя по вопросам безопасности, который подтвердил рост контрабандных сетей, поддерживаемых сирийским правительством и связанными с Ираном вооруженными группами, такими как, например, ливанская «Хезболла».

Напряженность продолжает расти параллельно с попытками Ирана воздействовать на внутренние дела ряда арабских стран, что вынудило Иорданию занять решительную позицию, осуждая иранскую политику или отказываясь от предложений Ирана по некоторым чувствительным вопросам, таким как религиозный туризм. Эти колебания в отношениях отражают постоянные вызовы, с которыми сталкивается внешняя политика Иордании в поисках баланса между отношениями с Ираном и стремлением сохранить безопасность и стабильность арабского региона.

В целом отношения между Иорданией и Ираном по-прежнему находятся в состоянии осторожного баланса, поскольку Иордания стремится сохранять свои национальные интересы в рамках переплетенных отношений, учитывая региональные и международные вопросы, которые напрямую влияют на стабильность региона.

Заключение. Иордано-иранские отношения претерпели различные изменения с самого начала, подвергшись влиянию региональных и международных политических преобразований. Они прошли через стадии осторожного сближения и разрыва, в зависимости от изменяющихся интересов обеих стран. С момента установления официальных отношений они укреплялись в определенные периоды через дипломатическое, торговое и культурное сотрудничество, как в середине XX в., однако они заметно ухудшились после Исламской революции в Иране в 1979 г., что привело к новому этапу политического и идеологического раскола в регионе.

Приверженность Иордании к умеренному лагерю и тесные отношения с западными и арабскими союзниками оказали прямое влияние на уровень сотрудничества с Ираном, осо-

бенно в условиях различий в подходах к таким вопросам, как палестино-израильский конфликт и иранское вмешательство в дела некоторых арабских стран. Кроме того, вопросы безопасности играли важную роль в определении характера отношений между двумя странами, особенно на фоне обвинений Ирана в поддержке неправительственных организаций в регионе, что вызывает беспокойство у Иордании, которая придает большое значение своей внутренней стабильности и безопасности своих границ.

Несмотря на эти вызовы, Иордано-иранские отношения не были полностью разорваны, и продолжались дипломатические встречи и контакты между сторонами, особенно по вопросам общего интереса, таким как борьба с терроризмом, экономическое сотрудничество и парламентские связи. Экономические интересы также остаются стимулом для поддержания общения, поскольку Иран обладает важными природными ресурсами, а Иордания всегда ищет способы диверсификации источников энергии и инвестиций, что может открыть возможности для будущего сотрудничества.

В условиях текущих геополитических изменений на Ближнем Востоке, включая перераспределение региональных альянсов и усилия некоторых стран по улучшению отношений с Ираном, могут появиться новые возможности для укрепления Иордано-иранских отношений, однако это будет зависеть от способности обеих сторон преодолеть политические разногласия и найти общую основу для диалога и сотрудничества по вопросам, которые служат их национальным и региональным интересам. С учетом продолжающихся региональных кризисов и проблем безопасности, эти отношения остаются подвержены колебаниям между осторожным взаимопониманием и политическим напряжением, что делает их будущее зависимым от дальнейших региональных и международных изменений в ближайшие годы.

Список литературы

1. Иордания призвала Иран прекратить подвергать сомнению позицию страны по Израилю // Известия. 2024. URL: <https://iz.ru/1682493/2024-04-15/iordaniia-prizvala-iran-prekratit-podvergat-sommeniiu-pozitciiu-strany-po-izrailiu> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Иран против Израиля: давний конфликт с многочисленными последствиями // СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/news-events/calendar/iran-protiv-izrailya-davniy-konflikt-s-mnogochislennymi-posledstviyami> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Ташлыков С. Л. ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА 1980–88 // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2020282 (дата обращения: 10.02.2025).
4. Iraq, Jordan See Threat To Election From Iran // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/12/08/iraq-jordan-see-threat-to-election-from-iran/7e0cc1bc-aeb3-447a-bc9e-cfa5499699bc/> (дата обращения: 12.02.2025).
5. المملكة الأردنية الهاشمية، وزارة الثقافة. الرابط: // الاتفاقيات والتبادل الثقافي (дата обращения: 09.02.2025). URL: <https://culture.gov.jo/AR/Pages/اتفاقيات>
6. الأردن يرفض نصف مليون سائح "ديني" // الجزيرة. URL: <https://www.aljazeera.net/news/2016/1/17/الأردن-يرفض-نصف-مليون-سائح-ديني-إيراني> (дата обращения: 12.02.2025).
7. موقف الأردن في الحرب الإيرانية العراقية 1980–1988 // المنظومة. 2020. العدد 70. ص الأردن موقف. م. مجذاب الربيعي، 245–229.
8. السفارة الإيرانية في عمان: تصريحات تهدد الأردن غير صحيحة وصدرت من مصادر غير رسمية // جراء نيوز. URL: <https://garaanews.com/article/377680> (дата обращения: 17.04.2025).
9. العلاقات الأردنية الإيرانية // المملكة الأردنية الهاشمية، وزارة الخارجية وشؤون المغتربين. URL: <https://www.mfa.gov.jo/bilateral/35> (дата обращения: 09.02.2025).
10. جونسون أ. الزويري م. معضلة السياسة والأمن في العلاقات العربية الإيرانية: حالة الأردن // وحدة الدراسات الإيرانية، مركز الدراسات الاستراتيجية، الجامعة الأردنية. ص 3–4. صحيفة الدستور في 1968/4/3.
11. سلمى عدنان محمد، كوثر غزبان عبد الحسن، صفاء عبد الوهاب المبارك. موقف الدول العربية في الحرب الإيرانية العراقية 1980–1988. // جامعة البصرة، مركز دراسات دول الخليج العربي. 2011. ص. 197.
12. خماس أ.أ. الاحتلال الأمريكي للعراق وتأثيره على العلاقات العراقية الأردنية (2003–2010) // الجامعة الشرق الأوسط. 2011. ص. 238.
13. قائد قوات "اليرموك" في الأردن // جراسا نيوز. URL: <https://www.gerasanews.com/article/138446> (дата обращения: 15.04.2025).
14. خطاب الملك الحسين أمام القمة التاسعة لمؤتمر دول عدم الانحياز في بلغراد في 4/9/1989 // مجموعة خطب جلالة القائد الأعلى. تحرير ك. صالح. عمان: المطابع العسكرية، 1992. ص. 348.
15. حرب الخليج-جنور- URL: <https://kitabab.com/> حرب الخليج – جنور ومضامين الصراع العراقي – الإيراني // كتابات. (дата обращения: 10.02.2025).
16. محمد أ. محكمة أمن الدولة الأردنية تبدأ النظر في محاكمة عراقي يعمل لصالح المخابرات الإيرانية // الشرق الأوسط. 6 يوليو 2015. URL: <https://aawsat.com/home/article/400916/محكمة-أمن-الدولة-الأردنية-تبدأ-النظر-في-محاكمة-عراقي-يعمل-لصالح-المخابرات-الإيرانية> (дата обращения: 12.02.2025).

17. الإيرانية للدراسات الدولي عهدالم // والمآلات التاريخ: الأردنية الإيرانية العلاقات. أ. مهند. URL: <https://rasanah-iiis.org/التاري-الإيرانية-الأردنية-العلاقات> (дата обращения: 10.02.2025).
18. مهند أ. العلاقات الإيرانية الأردنية: التاريخ والمآلات // المعهد الدولي للدراسات الإيرانية. URL: <https://rasanah-iiis.org/العلاقات-الأردنية-الإيرانية-التاري> (дата обращения: 10.02.2025).

Jordan and Iran: delicate diplomacy against the backdrop of regional change

Al Zeedyein Areen Ahmad Odeh

postgraduate student in the History of International Relations and Foreign Policy program,
Kazan (Volga Region) Federal University.
Russia, Kazan. E-mail: areenhamaideh97@gmail.com

Abstract. Jordanian-Iranian relations represent a paradoxical and multifaceted example of diplomatic interaction in the Middle East, where elements of limited cooperation coexist with deep systemic contradictions. These relations develop within a complex balance between formal diplomacy (including the maintenance of embassies and diplomatic missions) and fundamental differences in approaches to regional issues.

The basis of ongoing tension lies in the diametrically opposed positions of both sides on key issues of Middle Eastern politics. Jordan, traditionally acting as a moderate regional power, maintains close military-political alliances with the United States and Western countries, and officially recognizes the Palestinian National Authority and the PLO as legitimate representatives of the Palestinian people. Meanwhile, Iran, positioning itself as the leader of the "axis of resistance," actively supports Hamas and other groups, which causes serious concern in Amman.

The historical context also plays a significant role in shaping the current dynamics of relations. Jordan's support for Iraq during the Iran-Iraq War (1980–1988) left a deep mark on how Iran is perceived by Jordan's political elite. In the modern period, Jordan is particularly alarmed by the expansion of Iranian influence in southern Syria through proxy groups, which poses direct threats to the kingdom's national security.

This article provides a comprehensive analysis of the evolution of Jordanian Iranian relations against the backdrop of a transforming regional geopolitical landscape. Special attention is given to systemic factors hindering the normalization of relations, including ideological differences, competing foreign policy orientations, and regional security issues. The research covers both the historical roots of contemporary contradictions and their current manifestations within the changing Middle Eastern political environment.

Keywords: Middle East, diplomatic relations, foreign policy, Jordan, Iran.

References

1. *Iordaniya prizvala Iran prekratit' podvergat' somneniyu pozitsiyu strany po Izrailyu* [Jordan called on Iran to stop questioning the country's position on Israel] // *Izvestiya* – News. 2024. Available at: <https://iz.ru/1682493/2024-04-15/iordaniia-prizvala-iran-prekratit-podvergat-sommeniiu-pozitciu-strany-po-izrailiu> (date accessed: 10.02.2025).
2. *Iran protiv Izrailya: davniy konflikt s mnogochislennymi posledstviyami* [Iran against Israel: A long-standing conflict with numerous consequences] // *SPbGU* – Saint Petersburg State University. Available at: <https://spbu.ru/news-events/calendar/iran-protiv-izrailya-davniy-konflikt-s-mnogochislennymi-posledstviyami> (date accessed: 10.02.2025).
3. *Tashlykov S. L. IRANSKO-IRAKSKAYA VOINA 1980–88* [Iran-Iraq War 1980–1988] // *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya 2004–2017* – Great Russian Encyclopedia 2004–2017. Available at: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2020282 (date accessed: 10.02.2025).
4. *Iraq, Jordan See Threat To Election From Iran* // The Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/12/08/iraq-jordan-see-threat-to-election-from-iran/7e0cc1bc-aeb3-447a-bc9e-cfa5499699bc/> (date accessed: 12.02.2025).
5. المملكة الأردنية الهاشمية، وزارة الثقافة: الرابط: // الاتفاقيات والتبادلات الثقافي AR/Pages/اتفاقيات (date accessed: 09.02.2025).
6. الأردن يرفض نصف مليون سائح "ديني/الجزيرة. Available at: <https://www.aljazeera.net/news/2016/1/17/الأردن-يرفض-نصف-مليون-سائح-ديني-إيراني> (date accessed: 12.02.2025).
7. موقف الأردن في الحرب الإيرانية العراقية 1980–1988 // المنظومة. 2020. العدد 70. ص 229–مجداد ك.م. موقف الأردن الربيعي، 245.
8. السفارة الإيرانية في عمان: تصريحات تهدد الأردن غير صحيحة وصدرت من مصادر غير رسمية // جراءة نيوز. Available at: <https://garaanews.com/article/377680> (date accessed: 17.04.2025).
9. العلاقات الأردنية الإيرانية // المملكة الأردنية الهاشمية، وزارة الخارجية وشؤون المغتربين. Available at: <https://www.mfa.gov.jo/bilateral/35> (date accessed: 09.02.2025).

- Принята к публикации: 17.07.2025

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930(470)

EDN: TWZAHU

Теория аккультурации как методология исследования истории окраин Российской империи

Герман Роман Эдуардович

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ставропольский филиал). Россия, г. Ставрополь. ORCID: 0000-0002-3158-3638. E-mail: romger@mail.ru

Аннотация. Представленная статья затрагивает актуальную и малоизученную тему. В современной историографии основное внимание уделяется исследованию взаимодействия и взаимовлияния различных культур и этносов в рамках многонациональных государственных образований. Российская империя в этом контексте представляет особый интерес, учитывая ее огромную территорию, этническое и культурное многообразие.

Целью данной статьи является рассмотрение теории аккультурации как перспективной методологической основы для изучения истории окраин Российской империи, позволяющей проанализировать ключевые положения и концепты теории аккультурации и показать возможности их применения к историческим исследованиям имперских окраин.

Предметом исследования выступают процессы культурного взаимодействия и трансформации, происходившие на окраинных территориях Российской империи. Рассматриваются различные модели и сценарии аккультурации, проанализированы факторы, влиявшие на ход и результаты аккультурационных процессов.

В результате можно заключить, что теория аккультурации открывает новые концептуальные возможности для изучения этнокультурных процессов на имперских окраинах. Она позволяет обратить внимание на сложность и многовекторность культурных взаимодействий, на роль местного населения.

Выводы статьи имеют как теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, они вносят вклад в развитие методологии исторической науки, демонстрируя эвристический потенциал междисциплинарных подходов. Во-вторых, они намечают перспективные направления для дальнейших исследований истории окраин Российской империи. Результаты работы могут быть использованы как в научной деятельности (при подготовке монографий, диссертаций, научных статей), так и в образовательной практике (при разработке учебных курсов, пособий, лекций по истории России имперского периода).

Представленная статья вносит значимый вклад в дальнейшую разработку концептуальных основ и методологического инструментария исследований исторического опыта существования многонациональных и поликультурных государств.

Ключевые слова: аккультурационные теории, окраинная политика Российской империи, территориальное расширение, историческая роль России, культурное взаимовлияние.

Аккультурация – это сложный и многогранный процесс взаимодействия между различными культурами, который приводит к изменениям в ценностях, нормах, практиках и идентичности индивидов и групп [25]. Изучение аккультурации имеет давнюю историю в социальных науках и остается актуальной темой в эпоху глобализации и массовых миграций.

Термин «аккультурация» был введен американскими антропологами Робертом Редфилдом, Ральфом Линтоном и Мелвиллом Херсковицем в 1936 г. в их классической работе «Меморандум об изучении аккультурации». Они определили аккультурацию как «феномен, который возникает, когда группы индивидов, принадлежащих к разным культурам, вступают в непрерывный первичный контакт, с последующими изменениями в оригинальных культурных паттернах одной или обеих групп» [22, р. 149].

В 1950-е гг. концепция аккультурации начала применяться не только к групповому, но и к индивидуальному уровню. Теодор Грейвс предложил различать понятия групповой и психологической аккультурации [20]. Если первая относилась к изменениям в культуре группы, то вторая – к изменениям в психологии индивида под влиянием контакта с другой культурой.

В 1970-е гг. канадский психолог Джон Берри разработал свою модель аккультурации [18]. Согласно Берри, в процессе аккультурации как доминирующая, так и недоминирующая группы должны решить две ключевые проблемы: поддержание своей культуры и участие во взаимодействии с другими группами. На основе ответов на эти вопросы Берри выделил четыре основные стратегии аккультурации:

- 1) Ассимиляция – отказ от своей культурной идентичности и растворение в доминирующей культуре.
- 2) Сепарация – сохранение своей оригинальной культуры и избегание взаимодействия с другими.
- 3) Маргинализация – потеря культурной идентичности и отсутствие интереса к участию в отношениях как с собственной, так и с доминирующей культурой.
- 4) Интеграция – сохранение своей культурной целостности наряду с активным участием в жизни доминирующего общества.

Модель Берри получила широкое признание и послужила основой для многих последующих исследований. Однако она также подвергалась критике за упрощенное дихотомическое представление об аккультурации и недостаточный учет динамики власти и ролей доминирующего общества в этом процессе [23].

В последние десятилетия появился ряд новых теоретических подходов к пониманию аккультурации, пытающихся преодолеть ограничения модели Берри. Одной из наиболее влиятельных является интерактивная теория аккультурации (Interactive Acculturation Model), предложенная Ричардом Будриа [19]. Согласно этой теории, исход аккультурации зависит не только от установок мигрантов, как в модели Берри, но и от установок принимающего общества. Будриа выделяет три возможные установки со стороны доминирующей группы:

- 1) Консенсус, когда большинство разделяет одни и те же ожидания в отношении аккультурации меньшинств.
- 2) Проблематизация, когда большинство расходится в своих ожиданиях.
- 3) Конфликт, когда мнения большинства поляризованы.

Согласованность или рассогласованность между установками меньшинства и большинства во многом определяет успешность или проблемный характер аккультурации.

Другим важным современным подходом является теория относительной аккультурации в расширенной семье (Relative Acculturation Extended Family Model), разработанная Сабой Сафдар [24]. Эта теория фокусируется на процессах аккультурации в контексте семейной системы и подчеркивает динамику и взаимовлияние культурной адаптации между поколениями мигрантов (например, между родителями и детьми). Степень сходства или различия в аккультурации членов семьи рассматривается как ключевой фактор семейного функционирования и психологического благополучия.

Можно сказать, что понятие аккультурации прошло долгий путь развития от первоначальной антропологической концепции до многомерных психологических и социологических моделей. Современные теории все больше учитывают интерактивный характер аккультурации, роль установок принимающего общества и семейный контекст этого процесса. В то же время многие вопросы, такие как механизмы культурного научения, факторы успешной адаптации, связь аккультурации с медицинскими аспектами, остаются предметом активных научных дискуссий и требуют дальнейших междисциплинарных исследований.

Можно утверждать, что теория аккультурации, зародившаяся в рамках культурной антропологии в начале XX в. [22; 25], в последние десятилетия получает все большее распространение в качестве методологического подхода в исторических исследованиях. Особую актуальность она приобретает при изучении истории многонациональных государств, таких как Российская империя, где взаимодействие и взаимовлияние различных культур было неотъемлемой частью исторического процесса.

Аккультурация в социоисторическом контексте определяется как «процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (культуры-реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора)» [3, с. 261]. В рамках этого подхода основное внимание уделяется культурному взаимодействию, трансформации культурных моделей в результате межэтнических контактов. В отличие от ассимиляции, аккультурация не предполагает полного слияния и растворения одной культуры в другой, а скорее описывает процесс культурного обмена и взаимообогащения [4].

Применительно к истории Российской империи, теория аккультурации позволяет исследовать сложные процессы интеграции окраин в общеимперское пространство, взаимодей-

ствия русской культуры с местными традициями присоединенных народов. Она дает возможность уйти от упрощенного дихотомического (а подчас и чрезмерно идеологизированного) восприятия в духе «метрополия – колонии», «господство – подчинение» и увидеть более сложную, многомерную картину взаимовлияний и культурного обмена [15, с. 14–15].

Применение теории аккультурации открывает целый ряд новых исследовательских перспектив в изучении истории имперских окраин:

1. Позволяет анализировать трансформацию культурных практик и моделей поведения как русского, так и местного населения в результате межкультурных контактов. Через призму аккультурации можно проследить, как менялись язык, религия, быт, одежда, социальные нормы под влиянием инокультурного окружения [13].

2. Дает возможность изучить роль «культурных посредников» – представителей местных элит, получивших русское образование, зачастую находившихся на русской службе и впитавших элементы русской культуры. Они играли важную роль проводников имперского влияния и одновременно адаптировали европейские новации к местным условиям [10].

3. Позволяет по-новому взглянуть на политику империи в сфере образования и религии на окраинах. Характер и степень аккультурации во многом зависели от конкретных практик в этих областях – от поддержки местных школ и духовенства до попыток обращения в православие и русификации [9].

4. Акцентирует внимание на обратном влиянии окраин на внутренние губернии империи. Теория аккультурации не рассматривает процесс культурного взаимодействия как односторонний. Многие элементы культур покоренных народов, от предметов быта до религиозных и философских идей, проникали в жизнь русского общества [14].

5. Дает инструменты для сравнительного анализа процессов интеграции разных регионов империи. С помощью концепции аккультурации можно выявлять общие закономерности и региональные особенности вхождения окраин в состав государства [21, р. 133].

Рассмотрим возможности применения теории аккультурации на материалах истории трех крупных окраинных регионов империи, присоединенных в XIX в. – Кавказа, Финляндии и Средней Азии.

Продвижение России на Кавказ сопровождалось интенсивными культурными контактами с местными народами. Одним из проявлений аккультурации стало появление особой российско-кавказской субкультуры, впитавшей элементы русского и горского быта, особый язык общения, оригинальный фольклор. Как отмечает М. Ходарковский, «в культурном плане Кавказ стал продолжением России, но в то же время Россия во многом «окавказилась»» [11, с. 410; 21, р. 133].

С другой стороны, важным каналом имперского влияния стало образование. Учеба кавказской молодежи в российских учебных заведениях, создание сети школ и гимназий на Кавказе способствовало усвоению русского языка, приобщению к европейской культуре [8, с. 54–61]. Однако это не было простой русификацией. Многие представители местной интеллигенции стремились синтезировать традиционные ценности своих народов с достижениями европейской цивилизации, став, по выражению А. Х. Рамазанова, «европейцами с кавказским лицом» [12].

Процессы аккультурации в Финляндии, присоединенной к России в 1809 г., имели свою специфику в силу высокого уровня социально-экономического и культурного развития края. Здесь уже к началу XIX в. сформировался достаточно широкий слой образованного населения, ориентировавшегося на шведские и немецкие культурные образцы [5].

Российские власти на первых порах стремились обеспечить лояльность местных элит, сохраняя традиционные институты и поддерживая лютеранскую церковь [16]. В то же время, постепенно расширялось преподавание русского языка в школах, увеличивался приток русских чиновников и военных. Это создавало предпосылки для распространения элементов русской культуры, хотя она и не стала доминирующей. Скорее можно говорить о формировании специфической финляндско-русской культуры, вобравшей в себя черты обоих народов [7].

Завоевание Средней Азии во второй половине XIX в. привело к включению в состав империи обширных территорий с преобладанием мусульманского населения. Процессы аккультурации здесь происходили медленнее и имели более поверхностный характер в силу значительных культурно-религиозных барьеров [1].

Царские власти, не желая конфликтов с местным населением, проявляли известную осторожность во внедрении культурных новаций. Русские поселения и городские кварталы зачастую существовали обособленно от традиционного уклада местных жителей [6]. Тем не менее определенное культурное влияние осуществлялось через внедрение системы государ-

ственных школ, привлечение на службу представителей национальной аристократии, издание литературы на местных языках [2, с. 86–107].

Характерной чертой процессов аккультурации в Средней Азии стало заимствование элементов традиционной культуры народов региона русскими купцами, чиновниками, военными. Длительное пребывание в крае, тесные контакты с местным населением приводили к распространению местных обычаев, одежды, кухни, языка среди русских жителей Туркестана [17].

Теория аккультурации представляется перспективной методологической основой для изучения истории окраин Российской империи. Она позволяет отойти от упрощенных представлений о простой экспансии и ассимиляции и увидеть сложную, многомерную картину культурных взаимодействий.

Применение концепции аккультурации к материалам истории Кавказа, Финляндии и Средней Азии позволяет выявить как общие тенденции имперской интеграции, так и региональную специфику. Везде так или иначе происходил процесс усвоения русской культуры местным населением через систему образования, служебные и административные практики, непосредственные контакты. В то же время, он не был односторонним, сопровождался обратным влиянием местных традиций, возникновением своеобразных культурных «гибридов».

Степень и характер аккультурации во многом определялись конкретной ситуацией в каждом регионе – уровнем социально-экономического развития, религиозной принадлежностью, политикой властей. Где-то, как на Кавказе, культурные контакты были более интенсивными, в других регионах, как в Средней Азии, взаимопроникновение культур шло труднее. Тем не менее везде происходила трансформация как привнесенных имперских порядков, так и местных традиций. Изучение этих процессов через призму теории аккультурации открывает новые горизонты в понимании сложного и противоречивого исторического опыта Российской империи.

Исследование может быть продолжено в направлении исследования конкретных региональных аккультурационных практик, истории институтов аккультурации (язык, образование, военная и чиновничья служба), обратного влияния культуры окраин на российское общество.

Автор посвящает данную статью памяти своего Учителя – доктора исторических наук, профессора Татьяны Александровны Невской.

Список литературы

1. Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 43–96.
2. Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетея, 2007. 322 с.
3. Белик А. А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 314 с.
4. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3/4. С. 183–193.
5. Бородкин М. М. Финляндия в составе Российской империи // Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana. 2008. № 1-2. С. 126–144.
6. Брусица О. И. Славяне в Средней Азии: этнические и социальные процессы (конец XIX – конец XX века). М.: Восточная литература, 2001. 240 с.
7. Кривцова А. С. «Учебные» империи: язык, пространство и образование // Неприкосновенный запас. 2008. № 6. С. 197–202.
8. Кумыков Т. Х., Мамбетов Г. Х. Вклад Кабарды и Балкарии в культуру России. Нальчик: Эльбрус, 1976. 294 с.
9. Любичанковский С. В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 31–37.
10. Манойленко Ю. Е. Кабардинцы и балкарцы в вооруженных силах Российской империи: аккультурация и трансформация социально-культурных ролей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. № 175. С. 13–22.
11. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 695 с.
12. Рамазанов А. Х. Мир ислама в творчестве русских писателей XIX века: имагологический аспект // Исламоведение. 2014. № 4. С. 73–82.
13. Рыблова М. А. Донское казачество в русско-калмыцких отношениях: от аккультурации к ассимиляции // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 113–124.
14. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 677 с.
15. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 485 с.

16. Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М. : Весь Мир, 2010. 472 с.
17. Сариев Ж. Интеллектуальный империализм и проблемы культурного разнообразия // *AbImperio*. 2004. № 3. С. 291–323.
18. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied psychology*. 1997. Vol. 46. № 1. Pp. 5–34.
19. Bourhis R. Y. et al. Towards an interactive acculturation model: a social psychological approach // *International journal of psychology*. 1997. Vol. 32. № 6. Pp. 369–386.
20. Graves T. D. Psychological acculturation in a tri-ethnic community // *Southwestern journal of anthropology*. 1967. Vol. 23. № 4. Pp. 337–350.
21. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indianapolis : Indiana University Press, 2002. 489 p.
22. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum for the study of acculturation // *American anthropologist*. 1936. Vol. 38. № 1. Pp. 149–152.
23. Rudmin F. W. Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization // *Review of general psychology*. 2003. Vol. 7. № 1. Pp. 3–37.
24. Safdar S., Lay C., Struthers W. The process of acculturation and basic goals: testing a multidimensional individual difference acculturation model with Iranian immigrants in Canada // *Applied Psychology*. 2003. Vol. 52. № 4. Pp. 555–579.
25. Sam D. L., Berry J. W. (eds.). The Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

The theory of acculturation as a methodology for studying the history of the outskirts of the Russian Empire

German Roman Eduardovich

PhD of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Russia, Stavropol. ORCID: 0000-0002-3158-3638. E-mail: romger@mail.ru

Abstract. This article touches on a current and little-studied topic. In modern historiography, the main attention is paid to the study of the interaction and mutual influence of various cultures and ethnic groups within the framework of multinational state entities. The Russian Empire in this context is of particular interest, given its vast territory, ethnic and cultural diversity.

The purpose of this article is to consider the theory of acculturation as a prospective methodological basis for the study of the history of the outskirts of the Russian Empire, allowing to analyze the key provisions and concepts of the theory of acculturation and to show the possibilities of their application to historical research of the imperial outskirts.

The subject of the study is the processes of cultural interaction and transformation that occurred in the outlying territories of the Russian Empire. Various models and scenarios of acculturation are considered, factors that have influenced the course and results of acculturation processes are analyzed.

As a result, it can be concluded that the theory of acculturation opens up new conceptual possibilities for the study of ethno-cultural processes on the imperial fringes. It allows us to draw attention to the complexity and multi-vector nature of cultural interactions, to the role of the local population.

The conclusions of the article have both theoretical and practical significance. First, they contribute to the development of the methodology of historical science by demonstrating the heuristic potential of interdisciplinary approaches. Secondly, they outline promising directions for further research into the history of the outskirts of the Russian Empire. The results of the work can be used both in scientific activity (in the preparation of monographs, dissertations, scientific articles), and in educational practice (in the development of training courses, manuals, lectures on the history of Russia of the imperial period).

This article makes a significant contribution to the further development of the conceptual foundations and methodological tools of the research of the historical experience of the existence of multinational and multicultural states.

Keywords: acculturation theories, marginal policy of the Russian Empire, territorial expansion, historical role of Russia, cultural mutual influence.

References

1. Abashin S. N. V. P. Nalivkin: "...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'...". *Krizis orientalistiki v Rossiyskoy imperii* [V. P. Nalivkin: "...there will be what must necessarily be; and what must necessarily be already cannot not be...". The Crisis of Orientalism in the Russian Empire] // *Aziatskaya Rossiya: lyudy i struktury imperii* – Asiatic Russia: People and Structures of the Empire. Omsk, 2005. Pp. 43–96.
2. Abashin S. N. *Natsionalizmy v Srednej Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in search of identity]. SPb. Aleteya, 2007. 322 p.

3. Belik A. A. *Natsionalizmy v Srednej Azii: v poiskakh identichnosti* [Cultural (social) anthropology]. M. RSUH, 2009. 314 p.
4. Berry J. W. *Akkul'turatsiya i psikhologicheskaya adaptatsiya: obzor problemy* [Acculturation and psychological adaptation: a review of the problem] // *Razvitie lichnosti – Personality Development*. 2001. No. 3/4. Pp. 183–193.
5. Borodkin M. M. *Finlyandiya v sostave Rossijskoj imperii* [Finland as part of the Russian Empire] // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 1-2. Pp. 126–144.
6. Brusina O. I. *Slavyane v Srednej Azii: etnicheskie i sotsial'nye protsessy (konets XIX – konets XX veka)* [Slavs in Central Asia: Ethnic and Social Processes (late 19th – late 20th centuries)]. M. *Vostochnaya literatura – Eastern Literature*, 2001. 240 p.
7. Krivtsova A. S. *"Uchebnye" imperii: yazyk, prostranstvo i obrazovanie* ["Educational" empires: language, space and education] // *Neprikosnovennyj zapas – Emergency reserve*. 2008. No. 6. Pp. 197–202.
8. Kumykov T. Kh., Mambetov G. Kh. *Vklad Kabardy i Balkarii v kul'turu Rossii* [The contribution of Kabarda and Balkaria to the culture of Russia]. Nalchik. Elbrus, 1976. 294 p.
9. Lyubichankovsky S. V. *Politika akkul'turatsii v usloviyakh razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva* [Acculturation policy in the context of the destruction of the empire: the case of the volost zemstvo] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Tomsk State University. History*. 2017. No. 50. Pp. 31–37.
10. Manoylenko Yu. E. *Kabardintsy i balkartsy v vooruzhennykh silakh Rossijskoj imperii: akkul'turatsiya i transformatsiya sotsial'no-kul'turnykh rolej* [Kabardians and Balkars in the Armed Forces of the Russian Empire: Acculturation and Transformation of Socio-Cultural Roles] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2015. No. 175. Pp. 13–22.
11. Pokrovsky N. I. *Kavkazskie vojny i imamat Shamilya* [Caucasian wars and the imamate of Shamil]. M. ROSSPEN, 2000. 695 p.
12. Ramazanov A. Kh. *Mir islama v tvorchestve russkikh pisatelej XIX veka: imagologicheskij aspekt* [The world of Islam in the works of Russian writers of the 19th century: the imagological aspect] // *Islamovedenie – Islamic Studies*. 2014. No. 4. Pp. 73–82.
13. Ryblova M. A. *Donskoe kazachestvo v russko-kalmytskikh otnosheniyakh: ot akkul'turatsii k assimilyatsii* [Don Cossacks in Russian-Kalmyk Relations: From Acculturation to Assimilation] // *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No. 2. Pp. 113–124.
14. Sukhova O. A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noj psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten myths of peasant consciousness: essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (late 19th – early 20th centuries) based on materials from the Middle Volga region]. M. ROSSPEN, 2008. 677 p.
15. Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskij opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. M. New Literary Review, 2013. 485 p.
16. Jussila O., Hentila S., Nevakivi J. *Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–2009* [Political history of Finland 1809–2009]. M. Ves' Mir (All World), 2010. 472 p.
17. Sariev J. *Intellectual'nyj imperializm i problemy kul'turnogo raznoobraziya* [Intellectual imperialism and problems of cultural diversity] // *AbImperio*. 2004. No. 3. Pp. 291–323.
18. Berry J. W. *Immigration, acculturation, and adaptation* // *Applied psychology*. 1997. Vol. 46. № 1. Pp. 5–34.
19. Bourhis R. Y. et al. *Towards an interactive acculturation model: a social psychological approach* // *International journal of psychology*. 1997. Vol. 32. № 6. Pp. 369–386.
20. Graves T. D. *Psychological acculturation in a tri-ethnic community* // *Southwestern journal of anthropology*. 1967. Vol. 23. No. 4. Pp. 337–350.
21. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Indianapolis. Indiana University Press, 2002. 489 p.
22. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. *Memorandum for the study of acculturation* // *American anthropologist*. 1936. Vol. 38. No. 1. Pp. 149–152.
23. Rudmin F. W. *Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization* // *Review of general psychology*. 2003. Vol. 7. No. 1. Pp. 3–37.
24. Safdar S., Lay C., Struthers W. *The process of acculturation and basic goals: testing a multidimensional individual difference acculturation model with Iranian immigrants in Canada* // *Applied Psychology*. 2003. Vol. 52. No. 4. Pp. 555–579.
25. Sam D. L., Berry J. W. (eds.). *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

Поступила в редакцию: 11.03.2025

Принята к публикации: 13.05.2025

История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ). Часть II

Зубов Владимир Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт
управления – филиал РАНХиГС. Россия, г. Новосибирск. ORCID: 0000-0001-9402-4414.
E-mail: Zubovv27@mail.ru

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций, посвященных анализу историографии истории государственной службы. Первая часть опубликована в журнале «Вестник гуманитарного образования» № 4 за 2024 г. [9] и освещает базовые моменты исследования (актуальность темы, методология и методика исследования, обоснование хронологических рамок и др.). Поэтому для получения более полной картины читателю рекомендуется предварительно ознакомиться с ее содержанием. Выявленные в ходе поиска публикации разделены на несколько тематических групп, одна из которых, включающая публикации, затрагивающие общ исторические и теоретические аспекты государственной (гражданской) службы в прошлом и настоящем, также рассмотрена в первой публикации.

Рассмотренные здесь работы (13 из 147, выявленных в ходе исследования) образуют две тематические группы, отражающие региональный аспект государственной службы в России и историю государственной службы за рубежом. К последней относятся как работы зарубежных авторов, посвященные истории государственной службы в других странах (кроме России), так и работы отечественных исследователей по истории зарубежной государственной службы. При этом наряду с основным предметом исследования затрагиваются смежные проблемы, в том числе теоретического порядка. Некоторые из рассмотренных вопросов имеют не только исторический, но и практический интерес, поскольку опыт их решения может быть учтен в ходе современной реформы государственной службы. Замеченные недостатки так же, как и в других тематических группах, связаны, прежде всего, с недостаточным учетом или слабой проработкой общ исторических вопросов (периодизация истории, терминологический аппарат и т. д.).

Ключевые слова: история государственной службы, история, историография, гражданская служба в регионах, государственная служба за рубежом.

В рамках данной статьи продолжается публикация результатов анализа состояния исследований истории государственной службы и их отражения в публикациях современных авторов в 2011–2015 гг. Для понимания подходов и принципов проведения исследования читателям необходимо ознакомиться с содержанием части первой, опубликованной ранее [9].

В первой тематической группе, рассматриваемой здесь, освещаются вопросы истории государственной службы в отдельных регионах.

Содержание этих публикаций часто пересекается с другими тематическими группами, например, рассматривается эволюция государственной службы субъекта РФ в период конца XX – нач. XXI в. В отдельных случаях возникали проблемы, связанные с несовпадением названия и содержания работы. Так, Т. В. Карпенкова [11], заявляя сравнительно узкую тему – развитие государственной службы в среднем Поволжье и акцентируя внимание на государственных служащих-татарах, выходит за рамки рассматриваемой проблемы, освещая деятельность отдельных лиц, происходивших из татар, в общегосударственном контексте. Некоторые из положений этой статьи могут вызывать возражение (например, трактовка собора Василия Блаженного как «имперского символа», олицетворявшего «в архитектуре идею государственной службы и ее специфику в России» [11, с. 96], или отнесение начала формирования Российской империи к 1552 г. – моменту взятия Казани [11, с. 96]. Говорить об отражении ценностей государственной службы в архитектуре XVI в., на наш взгляд, преждевременно, поскольку формирование государственной службы происходит позже – в XVIII в. В XVI в. она отсутствовала, поэтому возможность увидеть эту специфику, а тем более осмыслить с помощью художественных образов и выразить средствами искусства нам представляется как минимум сомнительной. Для этого времени более актуальными выглядят идеи суверенного или русского централизованного государства (искусствоведческий анализ мы оставляем специалистам). Выбор автором взятия Казани как критерия начала формирования Российской импе-

рии также недостаточно аргументирован, поскольку не оговорены черты, характеризующие империю как форму государства. Если исходить из того, что признаком империи является включение территорий других государств, то этот отсчет можно начать значительно раньше (с феодальной войны Василия II Темного, присоединения других княжеств, являвшихся в период феодальной раздробленности самостоятельными государствами, или Новгородской феодальной (боярской) республики). В то же время несомненный интерес представляет характеристика организации управления в Казанском ханстве. Другой вопрос – в какой степени эту систему можно называть именно государственной службой – требует отдельного исследования. К сожалению, в работе имеются неточности, снижающие ее ценность. Так, говоря о распространении на татарских князей и мурз привилегий российского дворянства, автор называет указ от 22 февраля 1764 г. [11, с. 98]. Но в первом Полном собрании законов Российской империи нет ни одного указа, датированного 22 февраля 1764 г. В XVI томе, охватывающем вторую половину 1762–1764 гг., № 12054 датируется 21 февраля, а следующий № 12055 датирован уже 24 февраля. Таким образом, читателю остается гадать, о каком именно указе идет речь и каково его содержание. Возможно, что указ не был включен в Полное собрание законов или приведена дата опубликования или указа Сената, но тогда тем более необходимым выглядит наличие названия, ссылок и основных положений документа.

В некоторых публикациях, отнесенных к этой группе, рассматриваются не особенности государственной службы в целом, характерные для того или иного региона, а отдельные частные вопросы организации службы на определенной территории. Например, в работе В. Н. Чегарновой [17] показано формирование кадрового состава гражданских служащих в ходе интеграции Грузии в общегосударственную систему управления. В статье приводятся данные о численности приехавших из других районов страны чиновников и аборигенных кадров в составе государственных учреждений на начальном этапе пребывания Грузии в составе России.

Ряд выявленных публикаций затрагивают проблему использования исторического опыта в современных условиях. Проводимые сегодня реформы во многих случаях дают такую возможность, поскольку воспроизводят многие элементы управления, существовавшие в дореволюционной России. К таким работам можно отнести публикацию Д. В. Болдырева [3] о государственной политике в отношении к судебным приставам, институт которых появился в РФ в 1997 г. Статья интересна не только связью с современностью, но и вводом в оборот новых исторических источников. Территориальные рамки исследования ограничиваются Пензенской губернией, что позволяло предположить наличие каких-то специфических особенностей в реализации государственной политики в рамках выбранного региона. Они находят отражение в работе (например, указание на отсутствие фиксированной суммы залога [3, с. 23], отсутствие судебных приставов в части уездов, количественном и персональном составе, размера получаемого вознаграждения) [3, с. 25]. К сожалению, в рамках заявленных нами хронологических рамок (2011–2015 гг.) не встретилось публикаций, освещающих данную тему применительно к другим регионам, с которыми можно было бы сравнить полученные результаты, однако здесь просматривается возможность изучения этой темы на основе тематического поиска с более широкими временными и территориальными границами.

Другая и весьма актуальная линия пересечения исторической и современной управленческой практики прослеживается в статьях, посвященных борьбе с правонарушениями государственных служащих. Рассмотренные в статье В. В. Ефимовой [5] материалы деятельности сенатора А. Д. Гурьева 1830 г. в пределах Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернаторства, позволяют лучше понять коррупционные схемы, практиковавшиеся в системе гражданской службы XIX в. и механизмы их выявления в рамках сенатских ревизий. Автор вводит в оборот новые, ранее не использовавшиеся архивные документы, раскрывающие ход мероприятия, отнесенного к так называемому типу «ревизий поручений», применяемых для расследования конкретных происшествий, в данном случае – «дачи взятки архангельскому гражданскому губернатору В. С. Филимонову» [5, с. 112]. Принятое по итогам ревизии решение об увольнении генерал-губернатора С. И. Миницкого со службы и вынесение ему «строжайшего» выговора «за несоответственные званию поступки» автор считает уникальным явлением в практике гражданской службы первой половины XIX в. [5, с. 112]. Характер отношений, существовавших между монархом и его окружением, хорошо иллюстрирует тот факт, что, несмотря на увольнение с такой, крайне негативной формулировкой, Миницкому при увольнении была назначена пенсия, которая в то время являлась не правом, а наградой чиновнику. Показательны упоминания о судьбах других участников допущенных злоупо-

треблений. Другие статьи подобной тематики, опубликованные в рассмотренный нами период, в выборку не попали, однако следует отметить, этот аспект регионального управления пользуется интересом у исследователей. В частности, та же В. В. Ефимова имеет и другие работы сходной проблематики [4; 6 и др.]. Изучение исторического опыта борьбы с коррупционными правонарушениями, особенно среди руководящих лиц, являвшихся ставленниками императора, представляет особую актуальность в современных условиях в связи с построением «вертикали власти», а также сравнительного анализа эффективности механизмов контроля в прошлом и настоящем.

Следующая тематическая группа включает статьи, посвященные истории гражданской службы в других странах. В свою очередь они могут быть разделены на две группы – публикации отечественных авторов о государственной службе других стран и публикации зарубежных авторов о государственной службе в иных странах (кроме России, статьи о которой в нашу выборку не попали). Анализируя материалы, включенные в эту группу, следует отметить, что в статьях зарубежных авторов рассматриваются специальные вопросы, требующие глубоких знаний истории конкретной страны, поэтому нам сложно давать содержательную оценку этих публикаций. Обратим внимание только на качественное оформление работ, отсутствие противоречий между названием работы, ее аннотацией, содержанием и выводами, что, к сожалению, нередко встречается в публикациях отечественных авторов. В этом плане считаем нужным выделить работу Д. К. Юсубова (Узбекистан) [18]. Несмотря на отдельные неточности, видимо, связанные с переводом (название работы Гумилева «Древние турки» вместо «тюрки» и др.), приводимые в работе сведения, например – перечень источников, содержащих информацию о принципах подбора кадров в древности, заслуживают внимания. Ряд тезисов, например, используемая автором статьи периодизация со ссылкой на Ф. Равшанова [18, с. 118], может быть оспорен (напр., первый период или переход «на коммунистические тоталитарные способы руководства»), но это не входит в нашу задачу, т. к. требует обращения к иным темам.

Несомненный интерес представляет и статья И. С. Морозовой, посвященная формированию полицейской службы в Великобритании [13], особенно если учесть возможность использования приводимых в статье данных для сопоставления с процессом развития полицейских учреждений в других странах. Ценность работы могла стать еще большей, если бы автор увеличил количество ссылок на источники, особенно для приводимой статистической информации. Такие интересные данные, как, например, количество лиц, живущих в Лондоне «за счет ограблений и краж» [13, с. 237], сразу же ставят вопрос о способах получения и степени достоверности указанных в статье чисел. Преступность чаще всего имеет скрытый характер, известными становятся не все совершаемые преступления, поэтому для использования приводимых данных важно знать, каким образом они были получены. Только тогда можно сделать хотя бы предварительные выводы о степени их достоверности. Считаем нужным также обратить внимание на желательность более строгой терминологии и включения в текст необходимых пояснений. Например, говоря о том, что созданная в 1829 г. организация «стала первой полицейской организацией современности» [13, с. 237], следовало бы уточнить, в каком смысле она стала «первой». Полицейские учреждения в это время существовали во многих странах, включая Россию, но в обязанности полиции входили, прежде всего, задачи административного управления. Практически вся система местного управления являлась управлением полицейским. Вероятно, говоря о «первой полицейской организации», автор имела в виду узкую трактовку термина «полиция», т. е. организацию, главной (если не единственной) задачей которой является борьба с уголовной преступностью. Но без авторских пояснений ответить на этот вопрос нельзя. Обращение к профилю автора в РИНЦ показало, что у него имеются и другие публикации, представляющие интерес для истории государственной службы [см. напр., 7; 8; 14], однако в ходе поиска они не попали в автоматически формируемую выборку, на основе которой проводилось исследование (подробнее см. [9]). Некоторое отношение к развитию государственной службы Великобритании имеет и статья И. В. Потапова [15]. Работа имеет целью раскрытие «роли личности в истории на примере авторов реформы 1852–1853 гг. государственной службы Великобритании» [15, с. 1 (нумерация страниц в электронной копии не совпадает с библиографическим описанием)]. Приводя характеристику двух ключевых фигур, инициировавших реформу, автор практически ничего не говорит о сути ее. Думается, что здесь имеется широкое поле для продолжения исследований в плане изучения влияния личности организаторов на содержание тех или иных сторон реформы.

Е. А. Халапян [16] рассматривает основные этапы развития таможенных служб Чехии, начиная с 903 г. н. э. до настоящего времени. Принимая предлагаемую периодизацию и выводы, сделанные автором, считаем нужным напомнить, что в период социализма Чехословакия называлась Чехословацкой социалистической республикой или сокращенно – ЧССР (Československa socialistická republika, ČSSR). Название этого государства в статье не упоминается, хотя этот период составляет особый этап в развитии таможенных служб. Материал статьи важен в плане изучения процесса адаптации государственных структур к меняющимся условиям существования и функционирования власти. В этом плане опыт чехословацкого государства может, с нашей точки зрения, считаться в какой-то степени уникальным, т. к. эти территории входили в состав самых разных государственных образований.

Для статьи О. Д. Миловидова [12], возможно, следовало выделить особый раздел, поскольку она посвящена не столько самой государственной службе или ее истории, сколько используемому терминологическому аппарату. Адекватность терминологии чрезвычайно важна и для развития науки, и для государства, особенно в современных условиях, когда широко практикуется подмена терминов или безосновательное введение в оборот новых, вместо апробированных и признанных научным сообществом. С учетом результатов рассмотрения других тематических групп можно констатировать, что неадекватная терминология порождает множество проблем для исследователей, не позволяя сравнивать и подтверждать полученные результаты. На более общем уровне утрачивается единый язык науки, а конечным результатом становятся фальсификации и превращение науки в ненауку. Статья посвящена рассмотрению двух ключевых понятий – «государственная служба» в российском праве и «публичная служба» в «англосаксонской правовой семье». Актуальность данной темы связана и с попытками использования европейского опыта организации государственной службы в условиях современной реформы в России. Как существенное достоинство данной работы отметим, помимо подробного рассмотрения сопутствующих понятий (правовая система), использование адекватной исторической терминологии и наличия ссылок на источники и литературу (хотя подобные элементы научной публикации должны быть заданы априори, в современных условиях соблюдение базовых требований уже заслуживает особого одобрения). Вывод авторов о том, что в англосаксонской правовой системе прослеживается тенденция к расширению понятия государственной (публичной) службы и охвата этим термином все более широкой категории лиц, а в российской системе – наоборот, к сужению и созданию элитарной категории граждан, вполне обоснован на момент написания статьи. Нам представляется, что было бы интересным сопоставить указанную тенденцию с развитием государственной службы в советский период, где понятием «государственные служащие» охватывался значительно более широкий круг работников, чем в современной России.

Не менее ценным представляется обобщение опыта реформ государственной службы и управления, проводимых в разных странах. Такую попытку предприняли Е. Поспелова и М. Казакова [10] в ходе рассмотрения реформ государственного управления в странах, входящих в организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Исходный тезис авторов представляется несколько спорным, поскольку связывает изменения в системе государственного управления не с объективной необходимостью таких изменений, а со способностью «каждой отдельной страны к восприятию новых технологий в сфере государственного управления» [10, с. 100]. Превращение технологий из инструмента в самоцель, на наш взгляд, несет в себе серьезную опасность, поскольку на первый план выходят не интересы страны, государства и населения, а интересы лиц, продвигающих те или иные технологии, что мы наблюдаем, например, на современном этапе «цифровизации» в России. Другими словами, выдвижение новой технологии в качестве цели реформы означает дальнейшее развитие и укрепление бюрократизации управления, когда приоритетом становятся уже не интересы конкретной социальной группы (бюрократии), которые могут быть проанализированы и скорректированы грамотной внутренней политикой, а обезличенной «технологии», за которой все так же стоят интересы конкретных, но деперсонифицированных и рассредоточенных групп, подчинять которые общегосударственным интересам значительно сложнее. Сказанное подтверждают выводы, сделанные авторами: увеличение, а не сокращение численности государственного аппарата в ходе реформ [10, с. 101], «рост затрат на общегосударственные во-»¹ [10, с. 102], неэффективность аутсорсинга в сфере государственного управления [10,

¹ Авторы, видимо, имели в виду рост расходов на обеспечение решения общегосударственных вопросов. – В. З.

с. 103–104]. Однако нужно отметить, что качество и научная ценность публикации существенно снижается использованием учебников и учебных пособий, которые составляют 40 % от всей использованной литературы.

Важным аспектом деятельности государства является связь. Необходимость ее обеспечения в крупных государственных образованиях приводит к созданию особой отрасли государственной службы. Организация и обеспечение системы коммуникаций в рамках Монгольской империи рассматриваются в статье Б. В. Базарова [1]. Сделанные им выводы об использовании опыта Монгольской империи русским государством и значении системы коммуникаций и связи для обеспечения безопасности государства и международной торговли подкрепляются материалами как дореволюционных, так и советских исследователей.

Работа Э. Богданьской [2] в содержательном плане пересекается сразу с несколькими тематическими группами, т. к. рассматривает историю реформ государственной службы в Польше, особенности ее организации и др.

Автор рассматривает реформу гражданской службы как единый процесс и начинает ее с 1922 г., т. е. практически с момента утверждения Польши как самостоятельного государства в ходе Великой Октябрьской социалистической революции и окончания Советско-польской войны. Раскрывается содержание закона «О государственной гражданской службе» 1922 г. в том числе, например, деление службы на общую и специальную, обязанность чиновников полностью отдаваться службе и др. [2, с. 154]. Особый интерес представляют изменения в законодательстве, происходившие в период перехода Польши на путь социалистического развития после Второй мировой войны, т. к. здесь ликвидация буржуазного государства происходила более плавно, чем в СССР. Возвращение к прежним принципам организации гражданской службы в Польше также произошло раньше, чем в СССР – в 1982 г. [2, с. 154], когда основным способом формирования кадрового состава «государственных сотрудников» стало назначение. Дальнейший ход реформы хронологически (возможно, чисто внешне, без глубинной связи) совпадает с аналогичными преобразованиями в России. Рубежами этапов стали 1990, 1996, 1998, 2006, 2008 гг. [2, с. 155–156]. В итоге создана новая структура государственной службы и система подготовки кадров «публичной администрации». Важной особенностью, на которую считаем необходимым обратить внимание в контексте российских преобразований, является ориентация государственной службы на государственный интерес, а не оказание «государственных услуг» [2, с. 157]. Эта черта является особенно актуальной в связи с наметавшимся в России переходом к так называемой «клиентоцентричности» в организации государственной службы, что противоречит ее смыслу и назначению. Одной из целей гражданской службы автор называет «честность, которая связана с профессионализмом». «Государственный служащий должен честно исполнять должностные обязанности», причем честность предполагает и большую отдачу при выполнении возложенных на него функций [2, с. 157]. Такая формулировка, особенно при сопоставлении с российской организацией гражданской службы, представляется вполне обоснованной, но, на наш взгляд, было бы полезно дополнить статью информацией о способах реализации данных положений закона. Вместе с тем отметим некоторую неясность формулировок. Например, автор отмечает, что «в польском законодательстве отсутствует дефиниция "корпус гражданской службы"». Но, при этом указывает, что «в законе указано, кто входит в состав корпуса, каковы обязанности, права и ответственность» [2, с. 158]. О каком корпусе идет речь, если такой дефиниции нет, – неясно.

Завершая рассмотрение указанных тематических групп, необходимо еще раз подчеркнуть, что сделанные выводы относятся к небольшой части публикаций и в силу этого имеют частный характер. Общее число работ в рассматриваемых группах невелико, поскольку региональная проблематика часто пересекается с другими темами, и часть публикаций отнесена к иным тематическим группам. Рассматривая государственную службу, авторы зачастую выходят за рамки заявленной темы и связывают региональный уровень службы с общегосударственной системой управления. В то же время в некоторых работах приводятся конкретные данные, характеризующие государственную службу в том или ином регионе (например, сведения о соотношении пришлых и местных кадров [17], специфика организации деятельности различных структур, организация борьбы с коррупцией: например – получение наград уволенными за коррупционные преступления [5] и др).

Материалы отдельных публикаций имеют ценность и для проведения современных реформ, поскольку в последних воспроизводятся черты и элементы организации служебных отношений, существовавшие в далеком прошлом. При этом прослеживается стремление к

«модернизации», т. е. попытке обнаружить в прошлом те элементы государственной службы, которых в то время быть не могло или интерпретировать отношения, существовавшие ранее, в категориях, используемых для более поздних временных периодов (существование государственной службы в XVI в. и др.). Сопоставление опыта прошлого с современностью позволяет сделать вывод, что прямое воспроизведение элементов прежних отношений в рамках государственной службы оказываются малоперспективными, т. к. факторы, снижавшие эффективность государственной службы в прошлом, во многом сохраняются и в настоящее время (обширность пространств, сложность подбора квалифицированных кадров, слабость закона как инструмента регуляции, бедность населения и др.).

Статьи, посвященные зарубежной государственной службе, дают возможность сопоставить ее организацию с отечественной, улучшить функционирование последней. Учитывая воспроизведение характеристик либеральных демократий Европы и низкую результативность реформы государственной службы в современной России, имеет смысл обратить внимание на такие особенности, как расширение круга государственных служащих и законодательное закрепление такого качества, как честность, а также негативные последствия проведенных преобразований [2; 10; 12].

К недостаткам, свойственным публикациям российских авторов, следует отнести недостаточное внимание к терминологическому аппарату, как общеисторическому, так и специальному. В какой-то степени эти ошибки могут быть объяснены общим состоянием исторической науки, нарушением преемственности ее развития, произошедшим в последние десятилетия, однако нарушение формальных требований – наличия ссылок на источники, использования специальной литературы и т. д., не может быть оправдано ссылками на «объективные обстоятельства». В этом отношении более качественно выполнены работы зарубежных авторов.

Список литературы

1. Базаров Б. В. Коммуникации и связь в Монгольской империи // Власть. 2014. № 10. С. 34–39.
2. Богданская Э. Гражданская служба в Польше // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 153–160.
3. Болдырев Д. В. Государственная политика по отношению к институту судебных приставов в России. 1864 г. – начало XX в. (по материалам Пензенской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 17–27.
4. Ефимова В. В. Надзорные функции генерал-губернаторов в судопроизводстве по тяжким преступлениям в первой трети XIX века: закон и практика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 21–31.
5. Ефимова В. В. Ревизия сенатора А. Д. Гурьева в 1830 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 104–115.
6. Ефимова В. В. Уникальный случай привлечения к ответственности высшего должностного лица в 1-й половине XIX в. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 1 (38). С. 11–18.
7. Занина Т. М., Морозова И. С. Административно-правовые основы деятельности полиции в Великобритании // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 2. С. 122–127.
8. Занина Т. М., Морозова И. С. Особенности приема (зачисления) на государственную службу в полицию Великобритании // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 2. С. 52–57.
9. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ). Часть I // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4 (36). С. 9–17. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.053.
10. Казакова М., Поспелова Е. Принципы реформ государственного управления в странах ОЭСР // Государственная служба. 2014. № 6 (92). С. 100–104.
11. Карпенкова Т. В. Из истории становления и развития государственной службы в Среднем Поволжье // Вестник екатерининского института. 2011. № 2 (14). С. 96–99.
12. Миловидов О. Д. Проблемы терминологии в сравнительном правоведении. Смысловое наполнение терминов «государственная служба» и «публичная служба» в странах англосаксонской правовой семьи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 5–17.
13. Морозова И. С. История формирования института государственной правоохранительной службы Великобритании // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-2. С. 236–238.
14. Морозова И. С. Ограничения, затрагивающие частную жизнь служащих полиции Великобритании // Problems of design and development of human communities self-organization forms. Materials Digest of the IVth International Scientific and Practical Conference. 2011. С. 248–249.

15. Потапов И. В. Роль авторов реформы 1852–1853 гг. в становлении современной государственной гражданской службы Великобритании // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2015. № 1-1 (3). С. 208–215.

16. Халапан Е. А. История чешских таможенных органов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3 (18). С. 235–244.

17. Чегарнова В. Н. Исторические аспекты проблемы соотношения российского и грузинского чиновничества во властных структурах Кавказа начала XIX в. // Достижения вузовской науки. 2014. № 10. С. 51–55.

18. Юсубов Д. К. Взгляд на организацию государственной службы и управления в истории узбекской государственности // Социосфера. 2013. № 2. С. 114–118.

The history of public service in scientific publications 2011–2015 (based on the materials of the RSCI). Part II

Zubov Vladimir Evgenievich

PhD in Historical Sciences, associate professor, leading researcher, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. Russia, Novosibirsk.
ORCID: 0000-0001-9402-4414. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Abstract. The article continues the planned series of publications devoted to the analysis of the historiography of the history of civil service. The first part was published in the journal Bulletin of Humanitarian Education No. 4 for 2024.

It covers the basic aspects of the study (relevance of the topic, methodology and methods of research, justification of the chronological framework, etc.), so to get a more complete picture, the reader is advised to first familiarize themselves with its content. The publications identified during the search are divided into several thematic groups, one of which, including publications touching upon the general historical and theoretical aspects of the state (civil) service in the past and present, is also considered in the first publication.

The works considered here (13 out of 147 identified during the study) form several thematic groups, in particular, the regional aspect of civil service and the history of civil service abroad. The latter include both the works of foreign authors devoted to the history of civil service in Russia and the works of domestic researchers on the history of civil service in other countries. At the same time, along with the main subject of the study, related problems are touched upon, including theoretical ones. Some of the issues considered are of not only historical but also practical interest, since the experience of their solution can be taken into account in the course of modern civil service reform. The regional aspect intersects with the national one, and theoretical issues are also touched upon. Some problems are relevant today, and the experience of their solution can be taken into account in the course of modern civil service reform. The shortcomings noted, as in other thematic groups, are primarily related to insufficient consideration or weak elaboration of general historical issues (periodization of history, terminological apparatus, etc.).

Keywords: history of civil service, history, historiography, civil service in the regions, civil service abroad.

References

1. Bazarov B. V. *Kommunikacii i svjaz' v Mongol'skoj imperii* [Communications and communications in the Mongol Empire] // *Vlast' (Power)*. 2014. No. 10. Pp. 34–39.

2. Bogdan'skaja Je. *Grazhdanskaja sluzhba v Pol'she* [Civil service in Poland] // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl pedagogical bulletin. 2012. No. 1. Vol. I (Humanities). Pp. 153–160.

3. Boldyrev D. V. *Gosudarstvennaja politika po otnosheniju k institutu sudebnyh pristavov v Rossii. 1864 g. – nachalo XX v. (po materialam Penzenskoj gubernii)* [State policy towards the institution of bailiffs in Russia. 1864 – early twentieth century (based on materials from the Penza province)] // *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzskij region. Gumanitarnye nauki* – News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. 2014. No. 3 (31). Pp. 17–27.

4. Efimova V. V. *Nadzornye funkcii general-gubernatorov v sudoproizvodstve po tjazhkim prestuplenijam v pervoj treti XIX veka: zakon i praktika* [Supervisory functions of governors-general in proceedings for serious crimes in the first third of the 19th century: law and practice] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* – Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2011. No. 9. Pp. 21–31.

5. Efimova V. V. *Revizija senatora A. D. Gur'eva v 1830 godu* [The Audit of Senator A. D. Guryev in 1830] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2015. No. 1. Pp. 104–115.

6. Efimova V. V. *Unikal'nyj sluchaj privilechenija k otvetstvennosti vysshego dolzhnostnogo lica v 1-j polovine XIX v.* [Unique Case of Bringing to Justice a High-Ranking Official in the First Half of the 19th Century] // *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo* – Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2014. No. 1 (38). Pp. 11–18.

7. Zanina T. M., Morozova I. S. *Administrativno-pravovye osnovy dejatel'nosti policii v Velikobritanii* [Administrative and Legal Foundations of Police Activities in Great Britain] // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2. Pp. 122–127.
8. Zanina T. M., Morozova I. S. *Osobennosti priema (zachislenija) na gosudarstvennuju sluzhbu v policiju Velikobritanii* [Features of admission (enrollment) to the civil service in the UK police] // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2. Pp. 52–57.
9. Zubov V. E. *Istorija gosudarstvennoj sluzhby v nauchnyh publikacijah 2011–2015 gg. (po materialam RINC). Chast' I* [The history of public service in scientific publications 2011–2015 (based on the materials of the RSCI). Part I] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija* – Herald of Humanitarian Education. 2024. No. 4 (36). Pp. 9–17. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.053.
10. Kazakova M., Pospelova E. *Principy reform gosudarstvennogo upravlenija v stranah OJeSR* [Pospelova E. Principles of public administration reforms in OECD countries] // *Gosudarstvennaja sluzhba* – Public service. 2014. No. 6 (92). Pp. 100–104.
11. Karpenkova T. V. *Iz istorii stanovlenija i razvitija gosudarstvennoj sluzhby v Srednem Povolzh'e* [From the History of the Formation and Development of the Civil Service in the Middle Volga Region] // *Vestnik ekaterinskogo instituta* – Bulletin of the Catherine Institute. 2011. No. 2 (14). Pp. 96–99.
12. Milovidov O. D. *Problemy terminologii v sravnitel'nom pravovedenii. Smyslovoe napolnenie terminov "gosudarstvennaja sluzhba" i "publichnaja sluzhba" v stranah anglosaksonskoj pravovoj sem'i* [Problems of Terminology in Comparative Law. The Semantic Content of the Terms "Civil Service" and "Public Service" in Countries of the Anglo-Saxon Legal Family] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Juridicheskie nauki* – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2011. No. 1. Pp. 5–17.
13. Morozova I. S. *Istorija formirovanija instituta gosudarstvennoj pravoohranitel'noj sluzhby Velikobritanii* [History of the Formation of the Institute of the State Law Enforcement Service of Great Britain] // *Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami* – Current Issues of Combating Crimes and Other Offenses. 2015. No. 15-2. Pp. 236–238.
14. Morozova I. S. *Ogranichenija, zatragivajushhie chastnuju zhizn' sluzhashhih policii Velikobritanii* [Restrictions Affecting the Private Life of Police Officers in Great Britain] // *Problemy dizajna i razvija form samorganizacii ljudskich soobščestv* [Problems of design and development of human communities self-organization forms. Materials Digest of the IVth International Scientific and Practical Conference. 2011. Pp. 248–249.
15. Potapov I. V. *Rol' avtorov reformy 1852–1853 gg. v stanovlenii sovremennoj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby Velikobritanii* [The Role of the Authors of the 1852–1853 Reform in the Development of the Modern State Civil Service of Great Britain] // *Vestnik Novgorodskogo filiala RANHiGS* – Bulletin of the Novgorod Branch of RANEPa. 2015. No. 1-1 (3). Pp. 208–215.
16. Halapjan E. A. *Istorija cheshskih tamozhennyh organov* [History of the Czech Customs Authorities] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo* – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2014. No. 3 (18). Pp. 235–244.
17. Chegarnova V. N. *Istoricheskie aspekty problemy sootnoshenija rossijskogo i gruzinskogo činovničestva vo vlastnyh strukturah Kavkaza nachala XIX v.* [Historical Aspects of the Problem of the Correlation between Russian and Georgian Officialdom in the Power Structures of the Caucasus at the Beginning of the 19th Century] // *Dostizhenija vuzovskoj nauki* – Achievements of University Science. 2014. No. 10. Pp. 51–55.
18. Jusubov D. K. *Vzgljad na organizaciju gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija v istorii uzbekskoj gosudarstvennosti* [A Look at the Organization of Civil Service and Administration in the History of Uzbek Statehood] // *Sociosfera* – Sociosphere. 2013. No. 2. Pp. 114–118.

Поступила в редакцию: 05.03.2025

Принята к публикации: 17.07.2025

Перстни, характерные для средневекового населения Пермского Предуралья

Моряхина Кристина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. Перстни, обнаруженные на средневековых памятниках Пермского Предуралья, можно разделить на две большие группы: представленные в большом количестве и встречающиеся в единичных экземплярах. Первую группу перстней можно разделить на три категории: этномаркеры (перстни с пуговкообразным и ромбическим щитком, перстни-«колпачки»), распространенные в силу моды (перстни «салтовского» типа, спиралевидные) и появившиеся под влиянием соседних территорий (кованые перстни с овальным щитком). Они составляют 59,7 % от общей массы перстней V–XV вв. Популярность того или иного варианта изделий отражают общие тенденции в развитии местного бронзолитейного и ювелирного дела, а также этнокультурные контакты населения Пермского Предуралья. Для VIII–X вв. были характерны цельнолитые перстни, изготовленные путем литья по восковой модели. В X–XI вв. основная масса находок перстней представлена серебряными перстнями-«колпачками», в XIII в. Начали активно изготавливать кованые серебряные перстни с выгравированным орнаментом. Последние пользовались популярностью не только у населения Пермского Предуралья, но и на соседних территориях, куда, вероятно, попадали в результате импорта. Складывание местного ювелирного центра, освоение местными мастерами техник зерни, чеканки, гравировки происходило под влиянием Волжской Булгарии. В Средневековье периодически возникала мода на определенные варианты перстней. Мода на перстни со вставкой пошла из салтово-маяцкой культуры, где было высоко развито ювелирное искусство, и охватила территорию от Восточной Европы до Западной Сибири. Пермское Предуралье она не обошла стороной. В X–XIV вв. популярными на финно-угорской территории и Древней Руси стали спиралевидные перстни. Судя по всему, мода пошла от финно-угорских народов Ветлужско-Вятского междуречья.

Ключевые слова: перстни, Средневековье, Пермское Предуралье, техника изготовления, мода, этномаркеры.

При изучении отдельной категории украшений можно заметить, что те или иные варианты получили большее распространение у определенного населения. Это может быть обусловлено разными факторами: предметы отражают этническую принадлежность его обладателя, предметы получили распространение в силу моды или под влиянием соседних территорий.

Для эпохи Средневековья понятие «мода» чаще применяется по отношению к отдельным элементам костюма, как правило, к украшениям. Модой принято обозначать существующее в определенный период и общепризнанное отношение к внешним формам культуры. Она возникает спонтанно, отражает какие-то инновации и может быть вызвана разными факторами. Как считают теоретики моды, в Средневековье мода была характерна для элиты [11, с. 191–192].

Ю. М. Лесман отмечал, что в конкретный период времени было популярным украшать определенные части тела. Он это связывал с желанием женщин привлечь к себе мужское внимание. Ю. М. Лесман, изучив женский новгородский костюм, пришел к выводу, что, например, украшения рук стали играть ведущую роль в костюме с конца XI в. Особенно массовыми они стали в Новгороде в середине XIII в. [25, с. 4].

Одним из элементов костюма средневекового населения Пермского Предуралья наряду с другими украшениями являлись перстни. В исследовании, посвященном прикамскому костюму VII–XI вв., Н. Б. Крыласова выделила 15 типов комплексов, из них для трех женских и

одного мужского характерно наличие перстней [21, табл. 11]. Они встречаются реже, чем шейно-нагрудные украшения или поясная гарнитура, но при этом являются ценным источником для изучения местного ювелирного дела и этнокультурных контактов средневекового населения Пермского Предуралья. Определенные категории перстней получали распространение на широкой территории под влиянием моды, какие-то изделия попадали в результате торговли. Перстни, которые можно отнести к местному производству, отражают эволюцию применяемых техник, влияние соседних территорий на развитие ремесла.

На территории Пермского Предуралья было найдено более 300 перстней (автором было обработано 318), относящихся к VII–XIV вв. В классификации К. В. Моряхиной было выделено 64 варианта изделий [29, с. 101]. Ряд украшений получили широкое распространение, некоторые же встречаются в единичных экземплярах. Первые можно назвать характерными перстнями для населения Пермского Предуралья. Автором статьи к таковым были отнесены 13 вариантов перстней из 64. Всего 190 перстней, что составляет 59,7 % от общего количества.

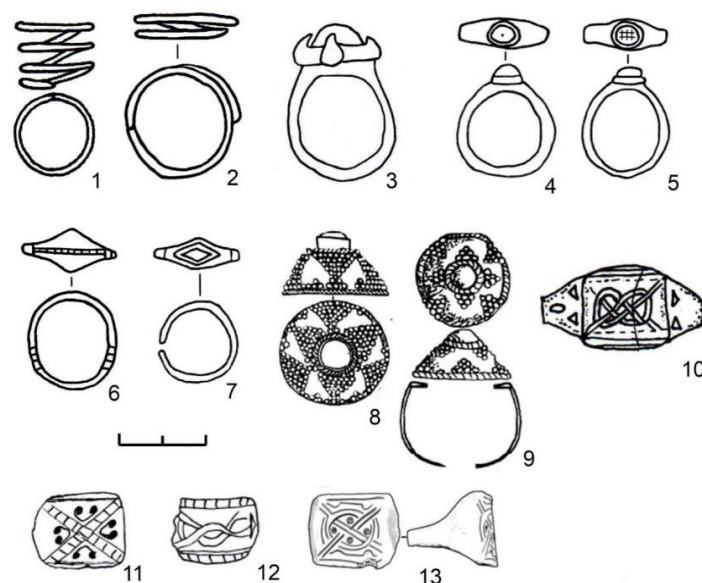

Рис. 1. Перстни, характерные для средневекового населения Пермского Предуралья
1 – Саламатовское I гор. (ил-ции по Н. Б. Крыласовой); 2, 10 – м-к Телячий Брод,
3 – Плесинский м-к; 4–5 – Баяновский м-к; 6 – сел. Запоселье; 7 – Важгортский м-к; 8–9 – Огурдинский м-к
(ил-ции по Н. Б. Крыласовой); 11–13 – Плотниковский м-к (13 – ил-ции по Н. Г. Брюховой)

Отдел А. Бесщитковые (28 экз.).

Тип 2. Проволочные (28 экз.).

Подтип 1. Спиралевидные (28 экз., рис. 1/1–2).

Изделие выглядит, как уложенная в спираль проволока, в котором могло быть от 1,5 до 7 витков. Перстни изготавливали из бронзы или серебра.

Известны две техники изготовления проволоки – волочение и отливка тонкого прутка. Отлитые проволоки отличаются неравномерной толщиной изделия. Из серебра проволоку волочили через специальные доски. Серебро в отличие от бронзы обладает более высокой пластичностью, поэтому возможно применение другого способа изготовления. По материалам Новгорода известно, что следующим шагом было наматывание на болванку предварительно нагретой проволоки. Таким путем изделию придавалась окончательная форма [40, с. 122].

В Пермском Предуралье такие перстни были обнаружены на Каневском (в погребение X в.), Урынском (в погребение X в.), Аверинском II Рождественском (в погребение XI в.), Телячий Брод, Антыбарском, Плотниковском могильниках, на Рождественском, Анюшкар (Кыласовском), Рачевского, Саламатовском I городищах.

Спиралевидные перстни известны также по материалам полумской культуры на Варнинском могильнике VIII–X вв. [41, табл. II/37], Юмского могильника IX–XI вв. в Ветлужско-Вятском междуречье [2, с. 35], мордовских могильников [1, табл. II/14, XXIII/10,12], вымской культуры кон. X–XIV вв. [37, с. 128; 18, рис. 1/12], Буйского городища в Кировской обл. [8,

рис. 157/2], Сарского городища в Волго-Окском междуречье [12, рис. 39/8], раннего Изборска [39, с. 97], Белозерья в X–XII вв. (большинство из них относится к XI в.) [42, рис. 4/8], Новгорода XI–XIII вв. [40, с. 122], памятников эстов и латышей [43, табл. III/16, табл. CVII/7].

М. В. Седова обращала внимание на то, что спиралевидные перстни пользовались популярностью от Прибалтики до Предуралья. По новгородским материалам можно отметить эволюцию развития этих перстней: ранние варианты (XI – нач. XII в.) изготовлены из прямоугольной проволоки, спирали которой плотно уложены к друг другу, поздние (XIII в.) отличаются формой проволоки – округлого сечения, а витки уложены свободно [40, с. 125]. В Пермском Предуралье спиралевидные перстни начали носить еще в X в. У финно-угорских народов такие украшения получили распространение раньше, чем у славянских племен, и бытовали до XIV в. Ранние находки перстней (X–XI вв., 16 экземпляров), обнаруженные в Пермском Предуралье, изготавливали как из бронзовой литой проволоки прямоугольного сечения, так и из серебряной проволоки округлого сечения, полученной путем волочения. Поздние находки (XIII в., 12 экземпляров) представлены только серебряными изделиями.

Спиралевидные перстни, найденные в разных культурах финно-угорского мира, отличаются составом металла, из которого они были изготовлены. На территории Удмуртского и Пермского (14 изделий, соответственно 50 %) Предуралья, на мордовских памятниках, на памятниках в Волго-Окском междуречье встречаются бронзовые спиралевидные перстни [41, табл. II/37; 12, рис. 39/8; 1, табл. II/14, XXIII/10,12]. В Северном (вымская культура) [37, рис. 34/24] и Пермском Предуралье (14 изделий, соответственно 50 %) известны находки серебряных перстней. Изготовление простых по технике и форме украшений из драгоценного металла в Предуралье могло быть обусловлено достаточным количеством серебра на этой территории в сравнении с другими.

Отдел Б. Щитковые (162 экз.).

Тип 1. Литые (87 экз.).

Подтип 1. Со вставкой (37 экз., рис. 1/3).

В научной литературе такие изделия встречаются под названием перстни «салтовского» типа, поскольку изначально они были распространены на территории салтово-маяцкой культуры [16, с. 28].

Перстни являются цельнолитыми, изготавливали их в неразъемных формах по восковой модели. Украшения, найденные в Пермском Предуралье, были сделаны из бронзы или низкопробного серебра. Вставка из сердолика, стекла или бусины вставлялась между четырьмя захватами на щитке и дополнительно крепилась мастикой.

Вставки-бусины не типичны для таких перстней и, насколько нам известно, такие экземпляры были обнаружены только в Пермском Предуралье на Баяновском могильнике кон. IX–X вв. Из пяти экземпляров наиболее интересны две бусины. Одна из них явно имеет импортное происхождение – черная стеклянная бусина с красно-бело-желтым глазиком, характерная для Кавказа VI–X вв. Вторая – желтая бусина со следами носки в составе ожерелья. Вероятно, ее вставили в перстень после того, как была утеряна первоначальная вставка из сердолика или серебра. На этом же могильнике был обнаружен перстень, на вставке которого имелась надпись на арабской вязи «Нет Бога, кроме Аллаха». Скорее всего, такой перстень был привезен из Волжской Булгарии, где они тоже получили широкое распространение.

Перстни могли иметь дополнительный декор в виде насечек по бокам на шинке или на основании щитка вокруг вставки. Захваты на щитке в виде четырех лапок имели разные размеры и форму: на каких-то перстнях они более четко выраженные, на каких-то совсем небольшие и даже не позволяли удерживать вставку.

В Пермском Предуралье «салтовские» перстни известны по материалам Рождественского (ранние слои IX–X вв.) и Лаврятского городищ, Баяновского, Деменковского (в поздней части), Аверинского II (погребения VIII–X вв.), Плесинского (погребения VIII–X вв.), Щукинского могильников.

Находки перстней «салтовского типа» широко известны, они встречаются на памятниках от Верхней Камы до Кавказа и от Зауралья до Венгрии, что неоднократно уже отмечали исследователи [19, с. 192]. Изначально такие перстни появились на территории салтово-маяцкой культуры, где были характерны для памятников VIII – нач. IX в. [33, рис. 19], и в последующем в результате торговли и этнокультурного влияния распространились в других культурах. Перстни «салтовского типа» встречаются у аланов, например, на Тарском могильнике VIII–IX вв. [20,

табл. XII–XXX], в мордовских могильниках VIII – втор. пол. IX вв. (Лядинский, Окский) [1, табл. XXX/4], в марийских могильниках IX–XI вв. (Веселовский, Кочергинский) [2, с. 35], на раннебулгарских могильниках (Танкеевский, Немчамский) [19, рис. 13/53], на неволинских могильниках (Бродовский, Неволинский) [10], в Удмуртском Предуралье на могильниках Мыдланьшай, Варнинском, Качкушарском I и на городище Индакар в слое кон. IX – нач. XI в. [7, табл. II; 41, табл. II/43–46; 14, рис. 5/16; 17, рис. 27/26], в курганах Южного Урала IX–X вв. (Лагереvский, Бекешевский, Старо-Халиловский) [26, рис. 38/7], у венгров в X в. [45, abb. 11/1], в Прииртыше в материалах VIII–IX вв. [43, табл. LXXVIII/7], в Белозерье в кон. IX – сер. X в. на поселении Крутик [42, рис. 8/4], на древнерусских памятниках VIII–X вв. На территории Древней Руси наибольшее их количество обнаружено на территории Ярославского Поволжья в погребениях (чаще женских) славянского, скандинавского и финского населения. Их распространение судя по всему было связано с торговыми операциями по Волжскому пути [44, с. 222].

Несмотря на то, что изначальным центром изготовления перстней была территория салтово-маяцкой культуры, в дальнейшем их изготавливали и на других территориях в подражание импортным. Анализируя опубликованные материалы с разных территорий, можно выделить своеобразные детали, характерные для перстней с разных мест. На родине этих перстней их делали из низкопробного серебра или бронзы, в качестве вставки использовали красное стекло или сердолик. На некоторых перстнях на стеклянной вставке вырезано изображение птички. Размер щитка не был одинаковым, встречаются как с маленьким, так и массивным. Боковые грани шинки могли иметь рельефный декор [17, с. 28; 32, с. 115]. На перстнях, обнаруженных в огузских погребениях и на могильнике Мыдлань-Шай, также имеется на вставке орнамент в виде птицы или какого-то значка. На территории Пермского Предуралья перстни с подобным изображением на вставке не встречаются. Вставка в перстнях из могильника Мыдлань-Шая была из зеленого, синего, фиолетового, голубого или желтого стекла или сердолика [7, с. 42]. В перстнях, найденных на марийских памятниках, вставки были из светло-фиолетового стекла, пасты коричневого цвета, янтаря или медных бусин [2; 35]. На венгерских перстнях на боковых гранях шинки нанесен геометрический орнамент [45, abb. 11/1]. Перстни, обнаруженные на территории Древней Руси, в большинстве случаев имели надписи на арабском языке «Благодать от Аллаха», «во имя Аллаха», «Нет помощи мне, кроме как в уповании на Аллаха» и т. п., что соответственно указывает на их импортное происхождение [44].

А. Г. Иванов считает, что большая часть перстней со вставками, обнаруженных в Удмуртском Предуралье, являются импортными из салтово-маяцкой культуры [15, с. 113–114]. Мы согласны, что доля перстней относится к импортным изделиям, но часть из них была изготовлена на местах в подражание распространившейся моде. На это указывает, во-первых, датировка. В салтово-маяцкой культуре перстни со вставкой вышли из «моды» в начале IX в., в то время как в Волго-Камье и на территории Древней Руси основная масса находок датируется IX–X вв. Во-вторых, подтверждением являются вышеуказанные особенности (разный материал, используемый в качестве вставки). Ввиду разнообразия оформления перстней «салтовского» типа сложно четко разделить, какие перстни относятся к импорту, а какие были изготовлены на местах. Скорее всего, на территории Пермского Предуралья местными мастерами были изготовлены бронзовые перстни с синей стеклянной вставкой.

На территории Пермского Предуралья перстни со вставкой характерны для памятников VIII–X вв., основная масса находок приходится на X в.

Подтип 2. С пуговкообразным щитком (31 экз., рис. 4–5).

Перстни изготавливали из бронзы путем литья по выплавляемой модели. На некоторых экземплярах сохранились следы литниковых швов, которые не были заполированы мастерами после изъятия изделия из формы.

Вариант а: неорнаментированные (18 экз.).

В Пермском Предуралье такие перстни найдены на Запосельском селище, Баяновском, Каневском, на Аверинском II, Деменковском, Степаново Плотбище могильниках.

Вариант б: с насечками (13 экз.).

Орнамент литой. На щиток нанесен узор в виде креста или решетки, на боковых гранях от щитка имеются насечки.

Такой вариант изделий известен по материалам могильников Деменковского, Каневского, Аверинского II, Баяновского, Плесинского.

Такие же перстни обнаружены в поломской культуре во второй пол. VIII – первой пол. IX вв. на Варнинском могильнике [41, табл. II/40], на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте на Северном Урале [31, рис. 1/27], в Белозерье [42, рис. 6/5].

Такие перстни найдены в погребениях VIII–X вв.

Подтип 3. С вытянутым ромбическим щитком (19 экз., рис. 1/6–7).

Перстни изготавливали из бронзы путем литья по выплавляемой модели. После изъятия из формы орнамент дополнительно не прорабатывался.

Вариант а: неорнаментированные (5 экз.).

Перстни найдены на Деменковском, Важгортском, Степаново Плотбище, Каневском могильниках.

Вариант б: с рубчатой линией по центру (8 экз.).

Данный вариант перстней отличается наличием рубчатого валика, расположенного по центру щитка. На некоторых перстнях дужка дополнительно украшена насечками.

Перстни обнаружены на Запосельском селище, Каневском, Баяновском, Аверинском II, Степаново Плотбище могильниках.

Вариант в: с ромбом внутри (6 экз.).

Щиток украшен выступающим ромбом, расположенным по центру. Так же, как и перстней варианта б, на шинке могли быть насечки.

Подобное оформление щитка известно на перстнях из Каневского, Важгортского могильников.

Перстням с ромбовидным щитком также встречаются в соседней неволинской культуре, где датируются концом VIII – нач. IX вв. [9, табл. 45/10], в мордовских могильниках [1, табл. XIV/14].

На территории Пермского Предуралья такие перстни датируются концом VIII–X вв.

Тип 2. Многоконструктивные (61 экз.).

К этому типу отнесены перстни, у которых конструктивные части и детали декора изготавливались по отдельности и потом соединялись.

Подтип 2. Со щитком в виде полусферы (61 экз., рис. 1/8–9).

В научной литературе такие перстни принято обозначать как перстни-«колпачки», что обусловлено их формой в виде полусферы.

Полусфера изготавливалась путем дифовки тонкого серебряного листа металла, после чего она припаивалась к медной пластине. Основа щитка, которая при носке визуально была незаметна, делалась из медного сплава, вероятно, с целью сэкономить драгоценный металл. Декор изготавливался отдельно. Он представлен треугольниками зерни, состоящими из 6–15 зерен, и торсированной проволокой. Судя по всему, местными мастерами еще не была освоена техника скани, и она была заменена на более легкую – торсирование. Из треугольников зерни на щитке укладывался основной декор, торсированная проволока прикрывала место припоя, которым соединялись полусфера и основа щитка, а также обрамляла вставку на вершине щитка (в некоторых случаях просто использовали тонкую серебряную пластину). Вставка была из синего или красного стекла, реже из сердолика.

Шинка изготавливалась отдельно. Из серебра или меди отливался стержень, концы которого проковывались, чтобы потом было удобнее их припаять к основе щитка. Медные дужки плохо сохраняются в культурном слое.

Перстни-«колпачки» датируются X–XI вв. и среди них можно выделить ранний и поздний варианты. К раннему варианту (X в., 45 экз.) отнесены перстни с декором из треугольников с 6–10 зернами и серебряной дужкой. Они были найдены на Огурдинском, Баяновском, Степаново Плотбище, Рождественском могильниках. Поздние варианты (кон. X–XI вв., 16 экз.) известны по материалам Рождественского, Агафоновского II, Телячий Брод, Огурдинского могильников. Они отличаются более массивным щитком и имеют дужку из меди. Количество зерен в пирамидке возрастает до 15. На некоторых изделиях пространство между декоративными элементами дополнительно покрывалась позолотой [22, с. 104–115; 28, с. 165].

Подобные изделия известны в Белозерье [13, с. 176–177], на Вычегде и в Приобье [4, с. 369]. На наш взгляд, они попали туда из Пермского Предуралья.

Появление таких перстней в Пермском Предуралье можно связать с венгерским влиянием. В X–XI вв. на памятниках в Моравии, Преднепровье и на Карпатах известны находки перстней с полусферическим щитком. Техника изготовления таких украшений схожа с пермскими, но их оформление отличается, так, например, на венгерских в основе щитка имеется цилиндрическая подставка [36, с. 143–149]. На территории Волжской Булгарии тоже встречаются перстни-«колпачки», но техника изготовления иная, чем у пермских [35, с. 150].

Тип 3. Кованые (14 экз.).

Подтип 2. С овальным щитком (14 экз.).

На перстнях этого типа по верхнему и нижнему краю щитка имеется бордюр в виде рубчатой ленточки. На боковые грани дужки нанесен узор в виде треугольников.

Вариант г: с орнаментом в виде плетенки (3 экз., рис. 1/10).

По центру щиток украшен двумя пересекающимися волнистыми линиями.

Известны две техники изготовления таких перстней. Перстни из серебра были кованые, из бронзы сначала отливались, а потом дополнительно проковывались. Эти различия могли быть связаны с разными свойствами металла, как известно, серебро более пластичный материал. Вне зависимости от того, как изготавливалась основа перстня, орнамент наносился гравировкой, выполненной линейным и зигзагообразным шагом. На двух перстнях фон был дополнительно покрыт золочением.

Перстни были найдены на могильниках Телячий Брод и Плотниковский.

Аналогии таким перстням известны на памятниках бассейна р. Тобол (Адамов) и на Жигановском могильнике (вторая пол. XII в.) вымской культуры [38, с. 85]. Стоит отметить, что орнамент в виде плетенки был характерен для новгородских перстней XII–XIII вв. [40, рис. 51].

Вариант д: с двумя пересекающимися рубчатыми линиями (3 экз., рис. 1/11).

Основной орнамент представлен двумя пересекающимися рубчатыми линиями. В свободном пространстве изображены четыре завитка.

Перстни были выкованы из серебряной пластины, орнамент выполнен гравировкой. На заключительном этапе изготовления на перстни нанесены золочение и чернение.

Перстни известны по материалам Плотниковского могильника.

Такие же перстни обнаружены в бассейне р. Тобол (Адамов) и на Жигановском могильнике (датируются XIII в.) вымской культуры [38, рис. 142/6]. Похожий декор на перстнях XIII–XIV вв. известен по материалам Новгорода [40, рис. 51].

Вариант е: с орнаментом в виде двух переплетенных нитей (4 экз., рис. 1/12).

Основная композиция оформления щитка представлена двумя пересекающимися волнистыми линиями, напоминающими шнурок.

Техника изготовления такая же, как перстней варианта д.

Перстни найдены на Плотниковском могильнике.

Вариант ж: с косым крестом, пересекающим круг (4 экз., рис. 1/13).

Основное изображение на щитке – круг, который пересекается косым крестом. Перстни могли быть изготовлены из серебра или оловянистого сплава.

Перстни происходят из Плотниковского могильника, близкий по оформлению к этому варианту найден на Саламатовском I городище.

Аналогии известны по Ликинскому могильнику, расположенному в Зауралье [6, рис. 45/е].

Перстни варианта Б32г–ж датируются XIII в.

Стоит обратить внимание на половозрастные данные индивидов, в погребениях которых обнаружены характерные для Пермского Предуралья перстни. Украшения были обнаружены в женских и мужских захоронениях. По материалам Баяновского могильника известны находки перстней «салтовского» типа в детских погребениях [27, с. 42], серебряные кованые перстни найдены в двух подростковых захоронениях на Плотниковском могильнике (п. 24, 115) [24, табл. 2]. Перстни-«колпачки», судя по имеющимся данным, носило только взрослое население. Это могло быть связано с тем, что ношение такого перстня отражало определенный статус его обладателя [29, с. 244]. К тому же сами изделия массивные и их невозможно подогнать под детский размер пальца.

Рассмотренные выше перстни можно разделить на три категории:

1) этномаркирующие (перстни с пуговкообразным и ромбическим щитком, перстни-«колпачки»).

Перстни с пуговкообразным и ромбическим щитком характерны были не только для населения ломоватовской культуры, но и для соседних неволинской и поломской. Изделия были отлиты из сплава на основе меди по восковой модели. Их форма и орнамент весьма простые. Примечательно, что широкое распространение устойчивых типов перстней приходится на конец VIII–X вв. (в более раннее время перстни встречаются редко и варианты представлены единичными экземплярами), когда увеличивается набор элементов костюма, и они становятся более разнообразными. В это время активнее развивается местное бронзолитейное производство, что отчасти связано с расширением этнокультурных контактов, установлением связей со степными культурами [16, с. 116].

Перстни-«колпачки», распространившиеся в X–XI вв., созданы в более сложной технике из «чистого» серебра (Ag – 95–100 %). При изготовлении изделий использовали технику зерни и торсированной проволоки. Освоение новых приемов в ювелирном деле средневековым населением Пермского Предуралья было связано с влиянием болгарской ремесленной школы. Также за счет торговли при посредничестве Волжской Булгарии в это время на территорию Пермского Предуралья в большом количестве поступало серебро с Ближнего Востока, что позволило местному населению в большом количестве изготавливать украшения из серебра. Появление перстней-«колпачков» связано с распространением подобных по форме изделий в Восточной и Центральной Европе, в Волжской Булгарии. Несмотря на то, что отмечено влияние извне, перстни-«колпачки» имеют своеобразный декор и являются продуктом местного ювелирного центра. Такие изделия практически не встречаются за пределами Пермского Предуралья.

2) распространенные в силу моды (перстни «салтовского» типа, спиралевидные).

Перстни «салтовского» типа получили распространение от Восточной Европы до Западной Сибири. Изначальным центром их изготовления была территория салтово-маяцкой культуры. По мере того, как украшения входили в моду, наряду с импортными стали изготавливать такие перстни на местах. Техника изготовления таких перстней несложная – литье по восковой модели. Население Пермского Предуралья при помощи такой техники изготавливало подавляющее большинство украшений. Примечательно, что мода на перстни «салтовского» типа сохранилась до X, хотя на самой территории салтово-маяцкой культуры их перестали делать еще в IX в.

Спиралевидные перстни изначально были характерны для финно-угорского населения Урало-Поволжья, отсюда мода распространилась на древнерусское население. Население Пермского Предуралья, вероятно, заимствовало идею их изготовления от населения Ветлужско-Вятского населения, с IX–X вв. как раз устанавливаются довольно тесные этнокультурные контакты между этими территориями [34, с. 158]. Форма и техника изготовления спиралевидных перстней проста, именно это обусловило длительную моду на них – с X по XIV вв.

3) появившиеся под влиянием соседних территорий (кованные перстни с овальным щитком).

Между населением Пермского Предуралья и Волжской Булгарии установились тесные этнокультурные и торговые связи [3, с. 35–43; 15, с. 126]. Булгарские ремесленники проживали на крупнейших городищах Пермского Предуралья. Например, была изучена мастерская болгарского ремесленника на Рождественском городище [23]. Тесные контакты между населением этих территорий сыграли большую роль в развитии местного ремесла, в том числе местные жители перенимали от болгар традиции в ювелирном деле. На территории Пермского Предуралья обнаружены перстни как импортного болгарского происхождения [30, с. 53–55], так и местные изделия, изготовленные в подражание болгарским, но имеющим свою специфику. Специфика техники изготовления местных изделий заключается в нанесении орнамента (сочетаются два вида шага гравировки – линейный и прерывающийся), имеется дополненный рисунок на шинке, одновременно используются чернение и золочение. Булгарские перстни изготовлены более профессионально, чем пермские. На последних орнамент не сильно углублен, линии кривые, что при детальном рассмотрении бросается в глаза. Несмотря на имеющиеся различия, пермские украшения в научной литературе обозначают как перстни «булгарского» типа, ввиду их схожести. Также очевидно влияние болгарских мастеров на пермских. Такие перстни получили распространение после разгрома Волжской Булгарии монголо-татарами в XIII в. Это обстоятельство, вероятно, послужило толчком для создания нового центра изготовления серебряных кованых перстней [5; 30, с. 55–56]. Из Пермского Предуралья такие украшения распространились в вымской культуре в Северном Предуралье и в Зауралье.

Таким образом, распространение устойчивых вариантов перстней отражает этнокультурные контакты населения Пермского Предуралья и эволюцию местного ювелирного и бронзолитейного ремесла. В VIII–X вв. основной техникой изготовления украшений было литье по восковой модели, в производстве использовали сплавы на основе местной меди. Начиная с X в., местные ремесленники начинают осваивать новые техники, что во многом происходит под влиянием Волжской Булгарии. Поначалу начинают активно использовать зернь и торсированную проволоку (ее используют вместо сканой) в качестве декора, со временем начинают применять чеканку и гравировку. За счет торговли при посредничестве Волжской Булгарии появляется значительное количества серебра, что позволяет изготавливать наряду с бронзовыми серебряные украшения. Из 190 перстней 81 был изготовлен из серебра, что составляет 42,6 %.

Список литературы

1. Альбом древностей мордовского народа / под. ред. Ю. В. Готье, А. И. Яковлева. Саранск : Изд-е Мордовского НИИ, 1941. 137 с.
2. Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1973. 197 с.
3. Белафин А. М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : ПГПУ, 2000. 200 с.
4. Белафин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПФ ИИИА УрО РАН, 2008. 603 с.
5. Брюхова Н. Г., Подосенова Ю. А. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 33. С. 304–311.
6. Викторова В. Д. Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург : ИИИА УрО РАН, 2008. 208 с.
7. Генинг В. Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 3. С. 7–132.
8. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмурт. ун-т, 1999. 464 с.
9. Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск, 2012. 472 с.
10. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. 176 с.
11. Гопкало О. К дефиниции понятий "ювелирный стиль" и "мода" на примере черняховских фибул и предметов с выемчатыми эмальями // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 191–211.
12. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 94. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 264 с.
13. Захаров С. Д. и др. Крутик и Тимерево: археологические исследования 2011–2015 годов // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3–4. С. 169–181.
14. Иванов А. Г. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1990. С. 140–180.
15. Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск : УИИЯИЛ, 1998. 309 с.
16. Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья. Пермь : ПФ ИИИА УрО РАН, 2006. 162 с.
17. Иванова М. Г. Древнее удмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск : УИИЯИЛ, 1998. 294 с.
18. Истомина Т. В. Комплекс погребения 37 Чепцыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 127–135.
19. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука, 1992. 335 с.
20. Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н. э. // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995. С. 259–314.
21. Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма. Пермь : ПГПУ, 2001. 260 с.
22. Крыласова Н. Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1. С. 104–115.
23. Крыласова Н. Б. Мастерская булгарского ремесленника-медника на Рождественском городище в Пермском крае // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 169–185.
24. Крыласова Н. Б., Брюхова Н. Г. Плотниковский могильник. Пермь : ПГПУ, 2017. 222 с.
25. Лесман Ю. М. Украшения древних новгородок и древнерусская эротика // Чело. 1996. № 2 (9). С. 3–4.
26. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.
27. Моряхина К. В. Украшения рук в детских (до-взрослых) погребениях Бояновского могильника // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и контексте. СПб. : ИИМК РАН, 2014. С. 40–43.
28. Моряхина К. В. Перстни-«колпачки» с территории Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. Вып. X. С. 163–167.
29. Моряхина К. В. Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2018. 764 с.
30. Моряхина К. В., Сарапулов А. Н. Булгарские перстни с чернью на памятниках Пермского Предуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. Вып. VII. С. 52–56.
31. Мурыгин А. М., Усолкина М. А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место – новые данные (по результатам охранно-спасательных работ 2012 г.) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Сургут, 2013. С. 86–94.
32. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. : Наука, 1989. 288 с.

33. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. : Мосты культуры, 1999. 375 с.
34. Подосенова Ю. А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 207 с.
35. Руденко К. А. Зернь и скань на болгарских ювелирных изделиях конца X – первой трети XIII вв. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. Пермь : ПГПУ, 2009. С. 148–156.
36. Рябцева С. С. Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X–XII вв. населения Восточной, 287 Центральной и Юго-Восточной Европы // Revista Arheologică. Chisinau. 2014. Vol. X. Pp. 143–167.
37. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 200 с.
38. Савельева Э. А. Жигановский могильник. Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2010. 456 с.
39. Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М. : Наука, 2007. 413 с.
40. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука, 1981. 196 с.
41. Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск : УдмНИИ, 1980. С. 5–135.
42. Сумина И. А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. 1999. Вып. 111. С. 167–189.
43. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / под ред. Б. А. Рыбакова // Археология СССР. Т. 17. М. : Наука, 1987. 510 с.
44. Чернышенко Д. Ю. Перстни "салтовского" типа в женском костюме (по материалам Тимерёвского могильника) // Ладога и Ладжская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. СПб., 2015. С. 222–226.
45. Revesz L. Zur absoluten Datierung frühungarischer Gräber // Das Frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich). Mainz. Pp. 189–210.

Rings typical of the medieval population of the Perm Cis-Urals

Morjakhina Kristina Viktorovna

PhD of Historical Sciences, assistant professor of Department of Russian and World History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-7879-6526.
E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Abstract. A number of rings were widespread in the Perm Cis-Urals, while some are found in single copies. Rings characteristic of the medieval population of the Perm Cis-Urals can be divided into three categories: ethnomarkers (rings with a button-shaped and rhombic shield, "cap" rings), widespread due to fashion (rings of the "Saltovsky" type, spiral) and those that appeared under the influence of neighboring territories (forged rings with an oval shield). They make up 59.7 % of the total mass of rings of the 5th–15th centuries. The popularity of a particular version of products reflects general trends in the development of local bronze casting and jewelry, as well as ethnocultural contacts of the population of the Perm Cis-Urals. For the 8th–10th centuries, solid cast rings made by casting using a wax model were characteristic. In the X–XI centuries silver rings with granulation and filigree decor were popular. In the 13th century, forged silver rings with engraved ornaments were popular. The latter came from the Perm Cis-Urals to neighboring territories – the Northern Cis-Urals and Trans-Urals. Complex jewelry techniques became widespread under the influence of Volga Bulgaria. In the Middle Ages, a fashion for certain types of rings periodically arose. Thus, in the Perm Cis-Urals at the end of the 8th – 10th centuries, rings of the "Saltovsky" type became widespread, and both imported and local products are found. The fashion came from the Saltovo-Mayatsky culture, where jewelry art was highly developed, and covered the territory from Eastern Europe to Western Siberia. In the 10th – 14th centuries, there was a fashion for spiral rings. Apparently, it came from the Finno-Ugric peoples of the Vetluzhka-Vyatka interfluvium.

Keywords: rings, Middle Ages, Perm Urals, manufacturing technique, fashion, ethnic markers.

References

1. *Al'bom drevnostei mordovskogo naroda* [Album of antiquities of the Mordvin people] / ed. Yu. V. Got'e, A. I. Yakovlev. Saransk. Publishing House of the Mordovian Research Institute, 1941. 137 p.
2. Arkhipov G. A. *Mariitsy IX–XI vv. K voprosu o proiskhozhdenii naroda* [Mari people of the 9th–11th centuries. On the origin of the people]. Ioshkar-Ola. Mari Publishing House, 1973. 197 p.
3. Belavin A. M. *Kamskii trgovyi put': srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyazyakh* [The Kama Trade Route: The Medieval Urals in its Economic and Ethnocultural Ties]. Perm'. PSPU, 2000. 200 p.
4. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u p. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near the village of Rozhdestvensk]. Perm'. PF IIIIA UB RAS, 2008. 603 p.
5. Bryukhova N. G., Podosenova Yu. A. *Perstni "bulgarskogo" tipa iz materialov Plotnikovskogo mogil'nika rodanovskoi arkheologicheskoi kul'tury: tekhnika izgotovleniya* [Rings of the "Bulgar" type from the materials of the Rodanovsky burial ground of the Rodanov archaeological culture: manufacturing technique] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* – News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17. No. 33. Pp. 304–311.

6. Viktorova V. D. *Ugry v lesakh Urala (stranitsy rannei istorii mansi)* [Ugrians in the Ural Forests (Early History of the Mansi)]. Ekaterinburg, Institute of Archaeology and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2008. 208 p.
7. Gening V. F. *Mydlan'-Shai udmurtskii mogil'nik VIII–IX vv.* [Mydlan-Shai is an Udmurt burial ground of the 8th–9th centuries] // *Voprosy arkheologii Urala – Issues of Ural archeology*. 1962. Is. 3. Pp. 7–132.
8. Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk. Udmurt University, 1999. 464 p.
9. Goldina R. D. *Nevolinskii mogil'nik VII–IX vv. v Permskom Predural'e* [Nevolinsky burial ground of the 7th–9th centuries in the Perm Cis-Urals] // *Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition*. Vol. 21. Izhevsk. 2012. 472 p.
10. Goldina R. D., Vodolago N. V. *Mogil'niki nevolinskoj kul'tury v Priural'e* [Burial grounds of the Nevolino culture in the Urals]. Irkutsk. Irkutsk State University Publishing House, 1990. 176 p.
11. Gopkalo O. K. *definiitsii ponyatii "yuvelirnyi stil'" i "moda" na primere chernyakhovskikh fibul i predmetov s vyemchatymi emalyami* [Towards a definition of the concepts of "jewelry style" and "fashion" using the example of Chernyakhov brooches and objects with champlevé enamels] // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – Brief reports from the Institute of Archaeology*. 2019. Is. 254. Pp. 191–211.
12. Goryunova E. I. *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic history of the Volga-Oka interfluvium] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR – Materials and research on the archeology of the USSR*. Is. 94. M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 264 p.
13. Zakharov P. D. et al. *Krutik i Timerevo: arkheologicheskie issledovaniya 2011–2015 godov* [Krutik and Timerevo: archaeological research from 2011 to 2015] // *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. 2016. No. 3–4. Pp. 169–181.
14. Ivanov A. G. *Kachkashurskii mogil'nik IX–XIII vv. v basseine r. Cheptsy* [Kachkashursky burial ground of the 9th–13th centuries in the Cheptsy River basin] // *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov*. Izhevsk – Materials on the funeral rites of the Udmurts. 1990. Pp. 140–180.
15. Ivanov A. G. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ya (konets V – pervaya polovina XIII v.)* [Ethnocultural and economic ties of the population of the Cheptsy River basin in the Middle Ages (late 5th – first half of the 13th century)]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1998. 309 p.
16. Ivanov V. A., Krylasova N. B. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ya v epokhu srednevekov'ya* [Interaction between forest and steppe in the Ural-Volga region in the Middle Ages]. Perm'. PF IIIIA UB RAS, 2006. 162 p.
17. Ivanova M. G. *Drevnee udmurtskoe gorodishche IX–XIII vv.* [Ancient Udmurt settlement of the 9th–13th centuries]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1998. 294 p.
18. Istomina T. V. *Kompleks pogrebeniya 37 Chezhtyagaskogo mogil'nika* [Burial complex 37 of the Chezhtyag burial ground] // *Problemy finno-ugorskoj arkheologii Urala i Povolzh'ya – Problems of Finno-Ugric archeology of the Urals and Volga region*. Syktyvkar, 1992. Pp. 127–135.
19. Kazakov E. P. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii* [The culture of early Volga Bulgaria]. M. Nauka (Science), 1992. 335 p.
20. Kantemirov E. P., Dzattiaty R. G. *Tarskii katakombnyi mogil'nik VIII–IX vv. n. e.* [Tara catacomb burial ground, 8th–9th centuries AD] // *Alany: istoriya i kul'tura. Alanica III. Vladikavkaz – Alans: history and culture. Alanica II*. 1995. Pp. 259–314.
21. Krylasova N. B. *Istoriya Prikamskogo kostyuma* [History of the Kama costume]. Perm'. PSPU, 2001. 260 p.
22. Krylasova N. B. *Khronologicheskie osobennosti material'noi kul'tury X–XI vv. (po materialam Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom krae)* [Chronological features of the material culture of the 10th–11th centuries (based on materials from the Rozhdestvensky burial ground in the Perm region)] // *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. 2013. Is. 1. Pp. 104–115.
23. Krylasova N. B. *Masterskaya bulgarskogo remeslennika-mednika na Rozhdestvenskom gorodishche v Permskom krae* [The workshop of a Bulgar coppersmith at the Rozhdestvenskoye settlement in the Perm region] // *Arkheologiya Evraziiskikh stepei – Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2021. No. 3. Pp. 169–185.
24. Krylasova N. B., Bryukhova N. G. *Plotnikovskii mogil'nik* [Plotnikovsky burial ground]. Perm'. Perm State Humanitarian University, 2017. 222 p.
25. Lesman Yu. M. *Ukrasheniya drevnikh novgorodok i drevnerusskaya erotika* [Jewelry of ancient Novgorod women and ancient Russian erotica] // *Chelo*. 1996. No. 2 (9). Pp. 3–4.
26. Mazhitov N. A. *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [Kurgans of the Southern Urals, 8th–12th centuries]. M. Nauka (Science), 1981. 164 p.
27. Moryakhina K. V. *Ukrasheniya ruk v detskikh (do-vzroslykh) pogrebeniyakh Boyanovskogo mogil'nika* [Hand decorations in children's (pre-adult) burials at the Boyanovsky burial ground] // *Aktual'naya arkheologiya 2. Arkheologiya v sovremennom mire: v kontakte i kontekste – Contemporary Archaeology 2. Archaeology in the Modern World: in Contact and Context*. SPb. IIMK RAN, 2014. Pp. 40–43.
28. Moryakhina K. V. *Perstni-"kolpachki" s territorii Permskogo Predural'ya* [Rings-caps from the territory of the Perm Cis-Urals] // *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii – Works of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2015. Is. X. Pp. 163–167.

29. Moryakhina K. V. *Ukrasheniya ruk srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya: diss. ... kand. ist. nauk* [Hand decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals : diss. ... PhD of Historical Sciences]. Perm'. 2018. 764 p.
30. Moryakhina K. V., Sarapulov A. N. *Bulgarskie perstni s chern'yu na pamyatnikakh Permskogo Predural'ya* [Bulgar rings with niello on monuments of the Permian Urals] // *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* – Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals. 2017. Is. VII. Pp. 52–56.
31. Murygin A. M., Usolkina M. A. *Kheibidya-Pedarskoe zhertvennoe mesto – novye dannye (po rezul'tatam okhranno-spasatel'nykh rabot 2012 g.)* [Heybidya-Pedar sacrificial site – new data (based on the results of rescue operations in 2012)] // *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiiskoi imperii* – Archaeology of Northern Russia: from the Iron Age to the Russian Empire. Surgut. 2013. Pp. 86–94.
32. Pletneva P. A. *Na slavyano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks* [On the Slavic-Khazar border. Dmitrievsky archaeological complex]. M. Nauka (Science), 1989. 288 p.
33. Pletneva P. A. *Ocherki khazarskoi arkheologii* [Essays on Khazar Archaeology]. M. Bridges of Culture, 1999. 375 p.
34. Podosenova Yu. A. *Visochnye ukrasheniya naseleniya Permskogo Predural'ya v epokhu srednevekov'ya : diss. ... kand. ist. nauk* [Temple decorations of the population of the Perm Cis-Urals in the Middle Ages : diss. ... PhD of Historical Sciences]. Kazan'. 2009. 207 p.
35. Rudenko K. A. *Zern' i skan' na bulgarskikh yuvelirnykh izdeliyakh kontsa X – pervoi treti XIII vv.* [Granulation and filigree on Bulgarian jewelry from the end of the 10th – first third of the 13th centuries] // *Trudy Kamskoi arkheologo etnograficheskoi ekspeditsii* – Works of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. Is. VI. Perm'. PSPU, 2009. Pp. 148–156.
36. Ryabtseva P. P. *Perstni s polusfericheskimi shchitkami i spetsifika prestizhnogo yuvelirnogo ubora X–XII vv. naseleniya Vostochnoi, Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy* [Rings with hemispherical shields and the specifics of the prestigious jewelry of the X–XII centuries. the population of Eastern, Central and Southeastern Europe] // *Revista Arheologică. Chisinau*. 2014. Vol. X. Pp. 143–167.
37. Savel'eva E. A. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv.* [Vym burial grounds of the 11th–14th centuries]. L. Publishing House of Leningrad University, 1987. 200 p.
38. Savel'eva E. A. *Zhiganovskii mogil'nik* [Zhiganovsky burial ground]. Syktyvkar. KSC UB RAS, 2010. 456 p.
39. Sedov V. V. *Izborsk v rannem srednevekov'e* [Izborsk in the early Middle Ages]. M. Nauka (Science), 2007. 413 p.
40. Sedova M. V. *Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (10th–15th centuries)]. M. Nauka (Science), 1981. 196 p.
41. Semenov V. A. *Varninskii mogil'nik* [Varna burial ground] // *Novyi pamyatnik polomskoi kul'tury – A new monument of Polomian culture*. Izhevsk. UdmNII, 1980. Pp. 5–135.
42. Sumina I. A. *Metallicheskie perstni srednevekovogo Beloz'er'ya* [Metal rings of medieval Belozerye] // *Trudy GIM – Works of the State Historical Museum*. 1999. Is. 111. Pp. 167–189.
43. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages] // *Arkheologiya SSSR – Archaeology of the USSR*. Vol. 17. M. M. Nauka (Science), 1987. 510 p.
44. Chernyshenko D. Yu. *Perstni "saltovskogo" tipa v zhenskom kostyume (po materialam Timerevskogo mogil'nika)* [Rings of the "Saltovsky" type in a woman's costume (based on materials from the Timeryovsky burial ground)] // *Ladoga i Ladozhskaya zemlya v epokhu srednevekov'ya – Ladoga and the Ladoga land in the Middle Ages*. Is. 5. SPb. 2015. Pp. 222–226.
45. Revesz L. *Zur absoluten Datierung frühungarischer Gräber // Das Frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich)*. Mainz. Pp. 189–210.

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Принята к публикации: 05.05.2025

О сюжетных линиях в рассказах А. П. Чехова

Ненашев Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор, независимый исследователь
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-7779-3876. E-mail: mnenashev@inbox.ru

Аннотация. В настоящее время становится актуальным перенос внимания в исследовании творчества А. П. Чехова на особенности построения его рассказов. Выясняется, что в некоторых рассказах присутствует более чем одна сюжетная линия, причем удаление одной из сюжетных линий не приводит к тому, что оставшаяся часть теряет свою относительную законченность, наоборот, эта часть вполне может быть воспринята как отдельное произведение. Под этим углом зрения рассматриваются рассказы «Дом с мезонином», «Страх», «Огни», «Ионыч». Показывается, что сюжетные линии в этих рассказах различаются в контексте оппозиции внутренней и внешней точек зрения, при которых события и действия описываются соответственно либо через восприятие героя (так называемое субъективное повествование), либо с позиции внешнего наблюдателя.

Во внутренней точке зрения различаются внешний опыт, когда события и обстоятельства герой воспринимает через зрение и слух, и внутренний опыт, при котором героем воспринимаются собственные чувства, мысленные образы и эмоции. Обнаруживается, с одной стороны, что присутствие в тексте описания внутреннего опыта героя придает двойной смысл – основной и фоновый – примыкающим фрагментам текста, при повторном же чтении фоновый смысл может быть воспринят в качестве основного. С другой стороны, анализ внутреннего опыта героя позволяет выходить на содержание, придающее всему рассказу нетривиальный смысл. Показывается, что даже в сравнительно небольших рассказах А. П. Чехова, таких как «Володя большой и Володя маленький», «Супруга», «Ведьма», можно выделить фрагменты текста в виде намечающихся сюжетных линий с доминированием либо внутренней, либо внешней точки зрения, это различие позволяет выявлять неожиданные смысловые интенции. В качестве методологической основы используются идеи Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Р. Барта, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера.

Ключевые слова: рассказы Чехова, сюжетная линия, внутренняя и внешняя точки зрения, фокализация, экзистенциал.

...он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать.

Лев Толстой о Чехове

I

Некоторые рассказы А. П. Чехова построены таким образом, что они состоят из частей, которые, с одной стороны, сами могут быть представлены как вполне самостоятельные рассказы, а с другой стороны, их удаление не нарушило бы целостность остальной части. Можно сказать, что в этих рассказах не выполняется правило, выдвинутое в «Поэтике» Аристотелем: «...части событий должны быть так сложены, чтобы с перестановкой или изъятием одной из частей менялось бы и расстраивалось целое, ибо то, присутствие или отсутствие чего незаметно, не есть часть целого» [2, с. 655 (1451a 30–35)].

На эту особенность прозы Чехова обращали внимание исследователи его творчества. А. А. Белкин пишет о рассказе «Дом с мезонином», что это не только идеологический спор о большой цели и малых делах, но и рассказ о возникшей и несостоявшейся любви. Чехов как бы говорит: не понимайте все вульгарно-социологически, не забывайте, что это рассказ о любви [4, с. 246].

О присутствии в «Доме с мезонином» двух более или менее самостоятельных сюжетных линий, которые условно можно обозначить как «любовный сюжет» и «идеологический спор», пишет И. Н. Сухих [26, с. 118]. Две линии – эмоционально-психологическую (любь художника к Мисюсь) и идеологическую (спор художника с Лидой), обнаруживают в «Доме с мезонином» Л. С. Левитан и Л. М. Цилевич [16, с. 136].

Добавим, что первоначальное название рассказа «Дом с мезонином» было «Моя невеста» [34, с. 103], это тоже говорит в пользу того, что любовная линия в рассказе не была простым добавлением к спорам художника с Лидией Волчаниновой.

Обе сюжетные линии можно обозначить группировкой глав рассказа. Так, если мы объединим в одно целое первую, вторую и четвертую главы, то получим рассказ о том, как художник познакомился с семьей Волчаниновых, собирал с младшей из сестер, Евгенией, белые грибы, и она смотрела с восхищением, когда он писал этюд. И о том, как августовской ночью он обнял ее, а на другой день старшая сестра, узнав о возникших отношениях с человеком с неопределенным положением в обществе, отправила Евгению в Пензенскую губернию к тете, а затем за границу.

Но если мы ограничимся первыми тремя главами, то получим рассказ о том, как старшая сестра в семье Волчаниновых, Лидия, критически относилась к тому, что художник в своих картинах не изображает народных нужд, в то время как задача культурного человека состоит в том, чтобы служить ближним. Между прочим, третья глава сама может быть понята как небольшой самостоятельный рассказ. Он начинается с разговора Лидии Волчаниновой с матерью о приезде князя, который «рассказывал много интересного», и заканчивается снова разговором с матерью о князе, который «очень похудел и сильно изменился с тех пор, как был у нас». В промежутке между этими разговорами о князе происходит полемика Лиды Волчаниновой с «господином пейзажистом».

В рассказе «Ионыч» также можно различить две более или менее самостоятельные линии. Д. Н. Овсяннико-Куликовский в работе «Этюды о творчестве А. П. Чехова» (1902–1904) пишет о второй главе рассказа, в которой Старцев ожидает свидание на кладбище в лунную осеннюю ночь как месте, художественное значение которого на первый взгляд представляется неясным. И продолжает: «Пожалуй, можно подумать, что оно лишнее, и что, опустив его, мы не причиним заметного ущерба общему впечатлению и основному смыслу (так называемой "идее") произведения». Дальше он пишет о том, что вторая глава тем не менее имеет огромное художественное значение в целом, после нее рассказ поворачивает в сторону, и далее идет «неприкрытая, жестокая проза жизни», рисующая постепенное очерствение души молодого врача, превращающегося в грубого, жадного Ионыча [39, с. 502]. Сейчас сказали бы мягче, что речь идет о превращении молодого врача в закоренелого холостяка, вкладывающего заработанные деньги в недвижимость.

Для нас важно признание пусть даже кажущейся избыточности второй главы и того, что удаление этой главы не причинило бы заметного ущерба основному замыслу рассказа. Интересно здесь также следующее. Представим себе, что не вторая, а последняя, то есть пятая глава «Ионыча» не была написана или по какой-то причине была удалена автором в окончательной редакции рассказа. Тогда естественным окончанием выглядели бы последние строки четвертой главы:

«– Скажи, любезный, что сегодня я не могу ехать, я очень занят. Приеду, скажи, так, дня через три.

Но прошло три дня, прошла неделя, а он все не ехал. Как-то, проезжая мимо дома Туркиных, он вспомнил, что надо бы заехать хоть на минутку, но подумал и... не заехал.

И больше уж он никогда не бывал у Туркиных».

Петр Бицилли в работе «Творчество Чехова» пишет о мотиве упущенного момента и невозвратимости, имея в виду рассказ «Ионыч» наряду с такими рассказами, как «Верочка» и «Рассказ госпожи NN» [5, с. 307]. Этот мотив и выступит ведущим для рассказа, который получился бы из первых четырех глав «Ионыча».

Еще одним примером, когда вместо одного мы имеем фактически два довольно-таки внешним образом связанных отдельных рассказа, причем объединенных названием, которое имеет прямое отношение лишь к одной из его частей, является рассказ «Страх». В первой части описывается поездка помещика Дмитрия Петровича Силина и его друга в село, чтобы купить к ужину закуску. В ходе поездки Силин рассказывает, как страшно ему жить и как его тревожит неспособность различать, что правда и что ложь, а также о том, что жена к нему равнодушна и, должно быть, бывает рада, когда он уезжает из дому. Именно эту часть рассказа чаще всего имеют в виду при его анализе критики.

Но дальше следует вторая часть, которая по объему чуть больше половины первой части. Друг Силина, узнав о том, что жена к Силину равнодушна, проводит с ней ночь, когда Силин после ужина уходит спать, чтобы рано утром ехать на торги.

Весь рассказ построен так, что если удалить любую из этих двух частей, совершив в тексте незначительные *mutatis mutandis*, то читатель при незнакомстве с полным рассказом не почувствует, что чего-то не хватает. Можно сказать, что обе части рассказа в сюжетном плане избыточны по отношению друг к другу. Чехова сравнивают с Мопассаном [8], так вот, легко представить, как Мопассан на основе того же материала сделал бы два отдельных рассказа: один о том, как помещик Силин признается другу, как ему страшно жить, а второй о том, как друг Силина провел ночь с его женой, узнав, что она к тому равнодушна.

Отметим, что под сюжетом мы понимаем совокупность событий, воссоздаваемых в художественном произведении [31, с. 381]. Получается, что в рассказе «Страх» можно различить по крайней мере две совокупности событий, каждую из которых можно изъять, не нарушая целостности изложения оставшейся части.

Рассказ «Огни» внешне построен как типичный рассказ в рассказе. Есть обрамляющая часть в виде разговора инженера Ананьева со студентом фон Штенбергом о бессмысленности человеческих дел перед лицом неизбежной смерти. И есть вставной рассказ инженера Ананьева о его встрече с гимназической любовью Кисочкой. Своеобразие ситуации состоит в том, что здесь не только вставной рассказ о встрече с Кисочкой выступает вполне законченным целым. Но и обрамляющую часть вместе с окончанием рассказа, где инженер и студент ругаются с мужиком, привезшим котлы для железной дороги, и есть слова о том, что ничего не поймешь на этом свете, и стало восходить солнце, – также можно представить как самодостаточное целое. Снова читатель при незнакомстве с полным рассказом не почувствует, что чего-то не хватает, ограничившись чтением той части рассказа, в которой инженер Ананьев и студент фон Штенберг разговаривают о смысле человеческой жизни. Мы имеем две части, которые прочитываются как два отдельных рассказа¹.

II

Попробуем сделать предварительное обобщение, чтобы двинуться дальше. Первое, что бросается в глаза, это то, что в каждом из перечисленных рассказов одна из частей касается общественно значимой темы, обсуждаемой в российской публицистике в то время, когда писались рассказы. В «Доме с мезонином» речь идет о том, могут ли медицинские пункты, школы, библиотечки и аптечки помочь крестьянам, которые от непосильного труда рано старятся и умирают; и дети их, «подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет». Эта полемика между художником и Лидией Волчаниновой отражает дискуссию в российской публицистике 80–90 гг. XIX столетия по поводу земских дел².

В «Ионыче» показывается постепенный переход от живой еще не устоявшейся личности – в раз навсегда оформившуюся. В. Б. Катаев называет это преображением живого человека в механическую куклу и сравнивает с превращением в насекомое в рассказе Франца Кафки «Превращение» [12, с. 16–17].

Наконец, в первой части рассказа «Страх» и в обрамляющей части рассказа «Огни» Чехов показывает те мучительные размышления, на которых, как он сам пишет, «изнашиваются наши российские умы» [36, с. 35].

Но в каждом из этих рассказов, как уже сказано, присутствует дополнительная вполне самостоятельная часть, в которой речь идет совсем о другом, это другое можно назвать любовной историей. Здесь персонажи выступают не в качестве носителей той или иной социальной роли, положения или мировоззрения, но как мужчины и женщины:

«На террасе стояла Мария Сергеевна. Я молча обнял ее и стал жадно целовать ее брови, виски, шею...

В моей комнате она говорила мне, что она любит меня уже давно, больше года. Она клялась мне в любви, плакала, просила, чтобы я увез ее к себе. Я то и дело подводил ее к окну, чтобы посмотреть на ее лицо при лунном свете, и она казалась мне прекрасным сном, и я तोпился крепко обнять ее, чтобы поверить в действительность. Давно уж я не переживал таких восторгов...» («Страх»)

Итак, мы имеем, с одной стороны, обсуждение общественно важных тем, циркулирующих в современной Чехову российской публицистике. Но, с другой стороны, в этих рассказах

¹ А вот трилогия «Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви» построена традиционным способом: в них обрамляющие части не являются самодостаточными и не могут быть поняты при удалении вставных рассказов.

² Разбор этого спора см. [1, с. 214–227]. О том, что художник почти буквально повторяет содержание и форму мыслей статьи Л. Толстого «О голоде» [см. 12, с. 232].

представлена вечная тема любви. Обратим внимание на то, что каждый раз одна сюжетная линия не является развитием или продолжением другой. Отношения между художником и Мисюсю невозможно понять как результат его споров с Лидией Волчаниновой по поводу улучшения жизни крестьян, и наоборот, споры с Лидией Волчаниновой не вытекают из взаимоотношений между художником и ее младшей сестрой. Можно предположить, что даже при полном совпадении взглядов художника и Лидии Волчаниновой по поводу положения крестьян и обязанностей культурного человека перед обществом, старшая сестра тем не менее отправила бы Евгению к тете и за границу, чтобы (повторимся) не дать развиваться отношениям с человеком без определенного положения в обществе.

Взаимоотношения Старцева с Екатериной Ивановной могли быть точно так же представлены в рассказе с совершенно иным идейным содержанием. В. Б. Катаев говорит об истории этих взаимоотношений, что она стара, как мир, и сравнивает ее со сказкой о журавле и цапле [12, с. 13]. Это же самое – старо как мир – можно сказать о любовных историях в «Страхе» и «Огнях»:

«Ставши моей любовницей, Кисочка взглянула на дело иначе, чем я. Прежде всего она полюбила страстно и глубоко. То, что для меня составляло обыкновенный любовный экспромт, для нее было целым переворотом в жизни. Помню, мне казалось, что она сошла с ума. Счастливая первый раз в жизни, помолодевшая лет на пять, с вдохновенным, восторженным лицом, не зная, куда деваться от счастья, она то смеялась, то плакала и не переставала мечтать вслух о том, как завтра мы поедем на Кавказ, оттуда осенью в Петербург, как будем потом жить...» («Огни»)

Итак, с одной стороны, вечная тема любви, с другой – злоба дня. Однако ясно, что то и другое все-таки должны находиться в какой-то связи между собой, в противном случае получится, что рассказ написан об этом и, как бы между прочим, еще и о том-то.

Но если мы имеем два разных рассказа, которые должны быть тем не менее частями *одного* единого целого, то это означает, что оба рассказа должны каким-то образом все же дополнять друг друга. Попробуем выяснить контекст, в котором они друг друга дополняют. Этим контекстом не может быть содержательная сторона дела, так как внутренние рассказы (назовем их так) именно содержательно отличаются друг от друга. Необходимо найти отличие этих рассказов друг от друга в рамках какого-то общего, но не являющимся содержательным, контекста.

В самой общей форме о наших внутренних рассказах, как и о любом рассказе, можно сказать, что они являются повествованиями, то есть изображениями действий и событий во времени [21, с. 280]. Содержательной стороной здесь оказываются «действия и события». Но тогда в качестве искомого общего контекста можно представить *способ изображения во времени* действий и событий. Итак, наши внутренние рассказы могли бы выступать дополняющими частями единого целого, отличаясь тем, как в них изображаются действия и события. Это означает, что мы должны перейти от рассмотрения того, что изображено, к анализу того, как это изображено.

III

Следуя Б. А. Успенскому, можно различать два способа изображения действий и событий во времени. В одном случае изображение носит безличный характер. Здесь уместна аналогия с судебным протоколом, когда стремятся максимально устранить субъективный момент, при этом используются фразы «он сделал...», «он сказал...», «он заявил о...», подчеркивается объективность описания и непричастность повествователя к происходящему. Описываются мысли, чувства, мотивы поступков других людей, но так как они не даны непосредственно наблюдателю и могут лишь предполагаться, то используются вероятностные обороты речи: «он, видимо, знал...», «казалось», «он как будто хотел...», «вероятно...» и т. п. Такой способ повествования называется внешней точкой зрения.

В другом случае поведение людей дается через восприятие участников действия, при этом используются выражения: «он подумал...», «он почувствовал...», «он увидел», «ему казалось...», «он знал...», «он вспомнил...». Положение вещей может описываться также с точки зрения так называемого всезнающего наблюдателя, способного проникать в том числе во внутреннее состояние персонажей. В качестве примера обычно ссылаются на роман Л. Толстого «Война и мир». Этот способ повествования называется внутренней точкой зрения [27, с. 113–117].

Представленные способы описания действий и событий соотносимы с нулевой, внешней и внутренней фокализацией Жерара Женетта [10, с. 206–210]. При нулевой фокализации

повествователь располагает более обширным знанием, чем персонаж, это – случай всеведущего наблюдателя. При внешней фокализации этот случай Женетт называет объективным, или бихевиористским³, повествователь говорит меньше, чем знает персонаж. Здесь Женетт ссылается на рассказы Э. Хемингуэя «Белые слоны» и «Убийцы». В случае внутренней фокализации повествователь излагает только то, что знает персонаж, в качестве примеров Женетт приводит роман Генри Джеймса «Послы» и японский фильм «Расёмон».

Женетт признает, что прием внутренней фокализации редко применяется вполне строго, так как все равно необходимо, чтобы персонаж хотя бы минимально был описан извне или хотя бы был назван. По-видимому, то же можно сказать о внешней фокализации, действующее лицо может как бы проговориться о собственном восприятии ситуации при всем стремлении выдержать безличный характер изложения. В рассказе Хемингуэя «Убийцы», почти полностью построенном на диалогах – *он сказал, он ответил*, – Ник воспринимает голос Оле Андрессона, ожидающего нанятых убийц, как *тусклый*: «Он говорил все тем же *тусклым* голосом».

Поэтому правильнее говорить о той или иной степени доминирования определенной точки зрения во фрагменте, главе или произведении в целом.

И вот, оказывается, если придерживаться классификации и терминологии Б. А. Успенского, в тех главах рассказов, где идет речь об общественно значимых вопросах, доминирует внешняя точка зрения, а в тех, которые мы охарактеризовали как любовные истории, можно говорить о доминировании внутренней точки зрения. Рассмотрим эту сторону дела ближе.

Мы обращали внимание на то, что в «Ионыче» различается, с одной стороны, мотив упущенного момента и невозвратимости и, с другой стороны, тема превращения живого человека в нечто раз навсегда оформившееся. Этот второй аспект сосредоточен в пятой главе рассказа, где рассказывается о том, как после неудачной попытки жениться Дмитрий Ионыч Старцев остальную жизнь прожил холостяком, растолстел и начал скупать недвижимость. Вот начало пятой главы.

«Прошло еще несколько лет. Старцев еще больше пополнел, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову. Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперед прямые, точно деревянные руки, и кричит встречным «Прррава держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог».

Очевидно, что в этом описании используется внешняя точка зрения, ведь сам Старцев, находясь в тройке с бубенчиками, не может увидеть свое сходство с языческим богом.

В этой же главе показывается, что стало с семьей Туркиных. И здесь мы тоже обнаруживаем внешнюю точку зрения. Продемонстрируем это, используя для разнообразия прием Ролана Барта, состоящий в обнаружении невозможности перевода третьего лица в первое лицо [3, с. 412]. Вот о Вере Иосифовне говорится, что она «читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой». Подставим вместо третьего лица первое лицо, получаем: «Я читаю гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой». Трудно представить, что данный персонаж способен иронически так говорить о себе. Такое может сказать только посторонний наблюдатель.

В рассказе «Дом с мезонином» обсуждение художником и Лидией Волчаниновой общественно важных вопросов сосредоточено в третьей главе. В ней изобилуют выражения с вероятностными оборотами, указывающими на внешнюю точку зрения. Прочитаем часть из них, выделяя курсивом эти обороты:

...она сказала тихо, *очевидно, сдерживая себя*.

...она закрылась от меня газетой, *как бы не желая слушать*.

...сказала Лида *с досадой, и по её тону было заметно, что мои рассуждения она считает ничтожными и презирает их*.

– Мисюська, выйди, – сказала Лида сестре, *очевидно находя мои слова вредными для такой молодой девушки*.

Лицо у нее горело, и, чтобы скрыть свое волнение, она *низко, точно близорукая, нагнулась к столу и делала вид, что читает газету. Мое присутствие было неприятно*.

Укажем также, что глава строится почти полностью на диалоге: «она сказала», «я спросил», а это является, как мы знаем, признаком внешней точки зрения. Но присутствуют две

³ Бихевиоризм – направление в психологии, согласно которому поведение человека может быть исчерпывающим образом понято на основе чисто внешнего поведения без обращения к внутренним психическим процессам.

фразы, выражающие внутреннюю точку зрения: «Я почувствовал раздражение» и «...я продолжал, стараясь уловить свою главную мысль».

Итак, третья глава «Дома с мезонином» построена тоже на доминировании внешней точки зрения.

Обращаясь к рассказу «Страх», мы обнаруживаем, что та его часть, в которой Силин рассказывает своему другу, как страшна жизнь и обыденщина, также построена на диалоге и соответствующих выражениях: «спросил, грустно улыбаясь», «спросил я», «продолжал вполголоса», что является признаком внешней точки зрения. Приведем фрагмент из этой части рассказа, чтобы подтвердить вывод о внешней точке зрения.

«...Глаза у него (Силина. – *Авт.*) были грустные, искренние и немножко испуганные, как будто он собирался рассказать мне что-нибудь страшное».

Снова используем прием Ролана Барта, заменив третье лицо на первое: «Глаза у меня были грустные, искренние и немножко испуганные...». Получилось, что персонаж сообщает о себе то, что может увидеть лишь внешний наблюдатель.

В рассказе «Огни» мировоззренческий спор между студентом бароном фон Штенбергом и инженером Ананьевым дан через восприятие заблудившегося гостя, выступающего в качестве постороннего наблюдателя. Поэтому здесь тоже господствуют вероятностные обороты речи, указывающие на внешнюю точку зрения. Вот фон Штенберг отвечает Ананьеву по поводу его слов о пристрастии молодежи к анафемским мыслям о бесцельности жизни, неизбежности смерти и загробных потемках.

«– Господи, да почему же они анафемские? – спросил, улыбаясь, студент, и по его голосу и по лицу было заметно, что он отвечает только из простой вежливости и что спор, затеваемый инженером, нисколько не интересует его».

«Казалось, что все сказанное инженером было для него (фон Штенберга. – *Авт.*) не ново и что если бы ему самому было не лень говорить, то он сказал бы нечто более новое и умное».

Мы также видим, что эта часть рассказа строится как диалог: «сказал инженер», «повторил студент», «спросил, улыбаясь, студент», «говорил он»...

Нетрудно показать, что в тех частях рассказов, которые мы называли любовными историями, наоборот, доминирует внутренняя точка зрения. Рассмотрим фрагмент из второй главы «Ионыча», где Старцев приходит на кладбище для свидания с Екатериной Ивановной. Напомним, что Д. Н. Овсяннико-Куликовский пишет о том, что художественное значение этой главы является не ясным и что его удаление не причинило бы заметного ущерба основному смыслу произведения, состоящего в превращении молодого врача в Ионыча. Для нас важно, что этот фрагмент выступает своеобразной противоположностью пятой главе рассказа.

«...Старцев вошел в калитку, и первое, что он увидел, это белые кресты и памятники по обе стороны широкой аллеи и черные тени от них и от тополей; и кругом далеко было видно белое и черное, и сонные деревья склоняли свои ветви над белым. Казалось, что здесь было светлей, чем в поле; листья кленов, похожие на лапы, резко выделялись на желтом песке аллеи и на плитах, и надписи на памятниках были ясны...».

Очевидно, что описывается не то, каким являлось кладбище в данный момент объективно, так сказать, в качестве кантовской вещи в себе (*Ding an sich*). Но о том, как это кладбище предстало перед Старцевым в том настроении, в котором он находился: *сонные* деревья склоняли свои ветви над белым; *казалось*, что здесь было светлей, чем в поле; листья кленов, *похожие на лапы*...

Между прочим, именно потому, что речь идет том, каким *увидел* Старцев кладбище в момент ожидания свидания, а не об объективной картине, эта сцена не получилась в фильме «В городе С.», поставленном режиссером Иосифом Хейфицем по рассказу Чехова «Ионыч». Старцев просто ходит в потемках мимо памятников и статуй, исчезло обаяние неповторимости, ведь и в следующий раз пришлось бы ходить мимо тех же самых памятников. В этом состоит трудность, если не невозможность изобразить то, что воспринимается через сознание персонажа. Поэтому Павел Флоренский пишет о «непреодолимых трудностях» изображения того, как воспринимается героями пьесы, а не зрителями в зале то, что происходит на сцене [19, с. 144; 28, с. 118].

И в остальных рассказах при описании любовных историй, как и в «Ионыче», положение вещей дается прежде всего через сознание героя. Процитируем еще раз слова инженера Ананьева о Кисочке, ставшей его любовницей, отметив курсивом то, что указывает на внутреннюю точку зрения: «...То, что *для меня составляло* обыкновенный любовный экспромт, для

нее было целым переворотом в жизни, *мне казалось*, она сошла с ума». Мы видим, что история встречи с Кисочкой дается через восприятие Ананьева.

В «Доме с мезонином» в четвертой главе читаем: *«Я любил Женю. Должно быть, я любил ее за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня нежно и с восхищением»*.

В «Страхе»: *«Она казалась мне прекрасным сном, и я торопился крепко обнять ее, чтобы поверить в действительность. Давно уж я не переживал таких восторгов...»*

Итак, мы обнаруживаем во всех четырех рассказах Чехова два противоположных способа изображения действий и событий. При этом выясняется, что в главах, в которых сосредоточен мировоззренческий или общественный аспект, доминирует внешняя точка зрения, а в главах, в которых ведущей является любовная тема, доминирует внутренняя точка зрения.

IV

Но в рассказах «Ионыч» и «Дом с мезонином» имеются главы общие как для мировоззренческой (назовем ее так), так и любовной сюжетных линий. В «Ионыче» это первая, третья и четвертая главы, в «Доме с мезонином» – первая и вторая главы. Можно предположить, что в этих главах присутствие обеих сюжетных линий должно приводить к наложению друг на друга внешней и внутренней точек зрения. Для обнаружения такого рода ситуаций мы будем отбирать фрагменты, в которых присутствует описание того, что происходит в сознании героя. Рассмотрим такие фрагменты.

В первой главе рассказа «Ионыч» рассказывается о том, как Старцев впервые посещает дом Туркиных и присутствует при игре Екатерины Ивановны на рояле.

«Подняли у рояля крышку, раскрыли ноты, лежавшие уже наготове. Екатерина Ивановна села и обеими руками ударила по клавишам; и потом тотчас же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у нее содрогались, она упрямо ударяла все по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не выбьет клавишей внутрь рояля. Гостиная наполнилась громом; гремело все: и пол, и потолок, и мебель... Екатерина Ивановна играла трудный пассаж, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный, и Старцев, слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться, и в то же время Екатерина Ивановна, розовая от напряжения, сильная, энергичная, с локоном, упавшим на лоб, очень нравилась ему. После зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки, – было так приятно, так ново...»

– Ну, Котик, сегодня ты играла, как никогда, – сказал Иван Петрович со слезами на глазах, когда его дочь кончила и встала. – Умри, Денис, лучше не напишешь.

Все окружили ее, поздравляли, изумлялись, уверяли, что давно уже не слыхали такой музыки, а она слушала молча, чуть улыбаясь, и на всей ее фигуре было написано торжество».

В этом эпизоде игра Екатерины Ивановны представлена через зрение и слух Старцева. Он *видит* положенные заранее ноты и как Екатерина Ивановна ударяет по клавишам, *слышит*, как гремит пол, потолок, мебель...

Далее Старцев *мысленно* рисует себе сыплющиеся с горы камни, в то же время ему *нравится* Екатерина Ивановна, ему *приятно* слышать надоедливые и шумные, но все же культурные звуки, смотреть на молодость и изящество Екатерины Ивановны. Эту часть фрагмента мы выделили курсивом.

А дальше опять же через зрительное восприятие Старцева дана реакция отца Екатерины Ивановны и гостей на ее игру. Таким образом, все три части фрагмента представлены с внутренней точки зрения, различие состоит в том, идет ли речь о восприятии через зрение и слух, в философии это называется внешним опытом, либо посредством чувств и мысленных образов, т. е. внутреннего опыта⁴. В результате получился небольшой рассказ про то, как воспринял молодой врач Старцев игру Екатерины Ивановны, впервые появившись в семье Туркиных.

Проведем следующую операцию: удалим из фрагмента выделенную курсивом среднюю часть с мыслями и чувствами Старцева и соединим первую и третью части в виде единого текста. Тем самым мы устранили воспринимающего субъекта и получили несколько другой рассказ: о том, как Екатерина Ивановна сыграла свой шумный и трудный пассаж и ее по-

⁴ О внешнем и внутреннем опыте [см. 17, с. 159].

здравили отец и гости. Обратим внимание на то, что получается снова нарушение правила Аристотеля, состоящее в том, чтобы с изъятием одной из частей описываемых событий расстраивалось целое. И действительно, устранение строк с мыслями и чувствами Старцева не привело бы к тому, чтобы читатель, который впервые знакомится с рассказом «Ионыч», ощутил, что здесь чего-то не хватает.

Интересно то, что этот другой рассказ, без упоминания Старцева, теперь будет представлен с точки зрения постороннего, то есть внешнего, наблюдателя. Действительно, перепишем от первого лица фразу про то, как Екатерина Ивановна принимала поздравления гостей, получится: *я слушала молча, чуть улыбаясь, и на всей моей фигуре было написано торжество*. Понятно, что сама Екатерина Ивановна не могла сказать такое о себе, а это значит, что речь идет о взгляде постороннего наблюдателя.

Итак, удаление части текста с мыслями и чувствами Старцева по поводу игры Екатерины Ивановны, а значит, фигуры самого Старцева, преобразует изображение действий и событий с внутренней точки зрения в изображение этих же действий и событий с внешней точки зрения. Получается, что весь фрагмент может прочитываться в двух вариантах. Эти варианты будут различаться в том числе по содержанию, или, скажем так, по направленности. В первом варианте как бы подготавливается влюбленность Старцева и его ожидание свидания с Екатериной Ивановной на кладбище в лунную осеннюю ночь (вторая глава). Во втором варианте намечается игра Котика на рояле по четыре часа в день (пятая глава) с привычными уверениями гостей, что давно не слыхали такой изумительной музыки.

Но, разумеется, невозможно прочитать одно и то же место одновременно в контексте внешней и внутренней точки зрения. То, что прочтет читатель, будет зависеть от того, на что он обратит внимание: на описание игры Екатерины Ивановны и поздравления отца и гостей или на то, что чувствовал и представлял Старцев по поводу этой игры.

Обратимся к еще одному эпизоду, теперь уже из четвертой главы, в котором Старцев и Екатерина Ивановна встречаются после того, как Екатерина Ивановна четыре года проучилась в Москве в консерватории.

«– Сколько лет, сколько зим! – сказала она (Екатерина Ивановна. – *Авт.*), подавая Старцеву руку, и было видно, что у нее тревожно билось сердце; и пристально, с любопытством глядя ему в лицо, она продолжала: – Как вы пополнили! Вы загорели, возмужали, но в общем вы мало изменились.

И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже недоставало в ней, или что-то было лишнее, – он и сам не мог бы сказать, что именно, но что-то уже мешало ему чувствовать, как прежде. Ему не нравилась ее бледность, новое выражение, слабая улыбка, голос, а немного погодя уже не нравилось платье, кресло, в котором она сидела, не нравилось что-то в прошлом, когда он едва не женился на ней. Он вспомнил о своей любви, о мечтах и надеждах, которые волновали его четыре года назад, – и ему стало неловко.

Снова эпизод сначала дан через зрительное восприятие Старцева («было видно, что у нее тревожно билось сердце»), а затем показываются его мысли и чувства. И опять удаление второй части текста, в которой обозначен сам Старцев, эту часть мы снова выделили курсивом, превращает первую часть текста в изображение с внешней точки зрения. Потому что противоречивым окажется описание Екатерины Ивановны при преобразовании третьего лица в первое: «...было видно, что у меня тревожно билось сердце».

Таким образом, весь фрагмент получает двойное звучание. Читателю может броситься в глаза рассказ о том, как повзрослела Екатерина Ивановна после четырех лет, проведенных в Москве, и как она с любопытством смотрит на Старцева. Но читатель может обратить внимание на весь фрагмент целиком, тогда получится рассказ о том, как Старцев из молодого врача, с восхищением смотревшего когда-то на Екатерину Ивановну вопреки ее шумной игре, – превращается в Ионыча, которому неловко за свои воспоминания о любви и надеждах. А дальше следует знаменитое место про огонек в душе, который гаснет при воспоминании о бумажках, вынимаемых вечером из карманов.

В обоих случаях общим является, во-первых, внешнее изображение некоторого положения вещей (игра на рояле Екатерины Ивановны и возвращение ее из Москвы) и, во-вторых, мысли и чувства Старцева по поводу этого положения вещей. Важно, что первое и второе не являются автоматическим продолжением друг друга. Необязательно Старцев должен услышать в музыке Екатерины Ивановны катящиеся с горы камни, и необязательно что-то должно помешать ему воспринимать Екатерину Ивановну как прежде после четырех лет пребывания ее в Москве.

Это означает, что поведение Екатерины Ивановны и Старцева могут быть рассмотрены по отдельности и снова, так же как на уровне целого рассказа, можно выстроить два самостоятельных повествования. Но теперь одно о Екатерине Ивановне – восемнадцатилетней девушке, решившей стремиться к высшей, блестящей цели и считающей, что семейная жизнь свяжет ее навеки, а по возвращении из Москвы ожидающей, что Старцев снова предложит ей пойти в сад. Второе о том, как Старцев, когда-то пришедший для свидания с Екатериной Ивановной на кладбище в лунную ночь, думает теперь о том, что хорошо, что он на ней не женился. В результате наряду с привычными интерпретациями, которые устоялись в литературе, рассказ «Ионыч» может быть понят как история мужчины и женщины, которые, возможно, были созданы друг для друга (ведь в дальнейшем ни тот, ни другая так и не создали семьи), но *позволили* обстоятельствам сделать их друг другу чужими. Можно согласиться с тем, что такое понимание рассказа близко к Петру Бицилли, когда он пишет о мотиве упущенного момента и невозвратимости в «Ионыче» и проводит параллель с рассказами Чехова «Верочка» и «Рассказ госпожи NN».

В «Доме с мезонином» мы также будем в главах, общих для обеих сюжетных линий, отыскивать эпизоды, в которых присутствует описание мыслей и чувств героя, и то, по поводу чего они появляются, а потом рассматривать то и другое отдельно друг от друга. Обратимся к эпизоду из второй главы, в котором идет речь об отношениях художника с Лидой.

«Я стал бывать у Волчаниновых. Обыкновенно я сидел на нижней ступени террасы; меня томило недовольство собой, было жаль своей жизни, которая протекала так быстро и неинтересно, и я все думал о том, как хорошо было бы вырвать из своей груди сердце, которое стало у меня таким тяжелым. А в это время на террасе говорили, слышался шорох платьев, перелистывали книгу. Я скоро привык к тому, что днем Лида принимала больных, раздавала книжки и часто уходила в деревню с непокрытой головой, под зонтиком, а вечером громко говорила о земстве, о школах. Эта тонкая, красивая, неизменно строгая девушка с маленьким, изящно очерченным ртом, всякий раз, когда начинался деловой разговор, говорила мне сухо:

– Это для вас не интересно».

Мы снова видим два отдельных рассказа. Один представлен с внутренней точки зрения – о художнике, переживающим творческий кризис и свою отстраненность по отношению к тому, что вокруг происходит, в том числе к тому, что происходит в семье Волчаниновых («а в это время на террасе говорили...»). Но сделаем знакомую операцию – уберем мысли героя о самом себе. Останется несколько другой рассказ, представленный с внешней точки зрения, о просветительской деятельности Лиды Волчаниновой и ее критическом отношении к праздности и ничегонеделанию художника.

Рассмотрим другой эпизод.

«...Мы играли в крокет и lawn-tennis, потом, когда потемнело, долго ужинали, и Лида опять говорила о школах и о Балагине, который забрал в свои руки весь уезд. Уходя в этот вечер от Волчаниновых, я уносил впечатление длинного-длинного, праздного дня, с грустным сознанием, что все кончается на этом свете, как бы ни было длинно. Нас до ворот провожала Женя, и оттого, быть может, что она провела со мной весь день от утра до вечера, я почувствовал, что без нее мне как будто скучно и что вся эта милая семья близка мне; и в первый раз за все лето мне захотелось писать».

В этом эпизоде также намечаются два отдельных рассказа. В одном идет речь об ощущении художника, что рано или поздно оказываешься один на один с тем, от чего пытаешься бежать, – внутренняя точка зрения. Во втором рассказе сначала повторяется тема разговоров Лиды про школы и состояние дел в уезде – внешняя точка зрения. Но важно появление новой мысли – о том, что «в первый раз за все лето мне захотелось писать», и что это «захотелось писать» связано с появлением в его жизни Жени.

Общей чертой обоих эпизодов является тема переживаний художника в состоянии творческого тупика и неуверенности. Эти переживания выливаются в раздражение по поводу просветительской активности Лиды Волчаниновой и в споры о том, что лучше: строить школы и заводить аптечки для крестьян сейчас или ждать, когда богатые наконец согласятся наравне с бедными трудиться для удовлетворения физических потребностей. И одновременно эти же переживания приводят к возникновению чувства к Евгении, которое позволяет хотя бы на время ощутить точку опоры.

В четвертой главе есть место, подтверждающее вывод о том, что основной темой рассказа, а значит и реальной сюжетной линией, являются переживания художником творческого тупика:

«Трезвое, будничное настроение овладело мной, и мне стало стыдно всего, что я говорил у Волчаниновых, и по-прежнему стало скучно жить. Придя домой, я уложился и вечером уехал в Петербург».

Это «стало стыдно всего» одинаково относится как к спорам с Лидией Волчаниновой, так и к отношениям с Евгенией. Таким образом, и здесь мы получаем понимание, теперь уже касающееся рассказа «Дом с мезонином», отличное от привычных вариантов, в том числе от выяснения того, любовная или общественная сюжетная линия является более существенной.

Важно то, что различие внутренней и внешней точек зрения в главах, в которых переплетаются любовная и общественная сюжетные линии, позволяет выявить в «Ионыче» и в «Доме с мезонином» некоторое *третье содержание* по отношению к обеим сюжетным линиям. В «Ионыче» этим третьим оказалась тема мужчины и женщины, которым обстоятельства заслонили их предназначенность друг другу, в «Доме с мезонином» – состояние творческого тупика художника, которое, если можно так выразиться, спроецировалось в споры с Лидией Волчаниновой и чувство влюбленности в ее младшую сестру.

V

Рассмотрим возможность определения в рассказах «Страх» и «Огни» того, что мы назвали *третьим содержанием*. Эти рассказы не состоят из отдельных глав в отличие от рассказов «Дом с мезонином» и «Ионыч», в них можно различить лишь части, соответствующие разным сюжетным линиям при отсутствии общих для обеих сюжетных линий частей. Тем не менее нас должны интересовать фрагменты, в которых так или иначе соединяются обе сюжетные линии и описывается восприятие героем других и его внутренний мир. И вот оказывается, в таких фрагментах обнаруживается переход героя в иное по сравнению с прежним состояние, не вытекающее автоматически из того, что было прежде.

В конце рассказа «Страх» помещик Силин, собираясь ехать на торги, в три часа утра идет в комнату друга за забытой фуражкой, видит жену, выходящую из комнаты друга, и произносит слова: «Мне, вероятно, на роду написано ничего не понимать. Если вы понимаете что-нибудь, то... поздравляю вас. У меня темно в глазах».

Потом его друг видит, как Силин запрягает лошадей, как дрожат его руки, как ему страшно, и как он ударяет по лошадям, точно боясь погони. Немного погодя уезжает сам герой, и сидящий на козлах Сорок Мучеников, уже успевший где-то выпить, мелет бессмысленный пьяный вздор. Герой уезжает в Петербург, он больше не видится с Силиным и его женой, но знает по слухам, что они продолжают жить вместе.

Если ограничиться этим, то получим рассказ в духе Мопассана о помещике, который боялся жизни, и о его жене, изменившей с его приятелем, считавшим, что нужно брать от жизни «все, что можно урвать от нее». Но в рассказе есть фрагмент, который выглядит как вставка, он переводит рассказ в другое измерение: вводится понятие страха не как психологической особенности помещика Силина, но как свойство человеческого бытия вообще.

Силин уехал, и герой внезапно ощущает в себе тот же страх, который испытывает Силин.

«Страх Дмитрия Петровича, который не выходил у меня из головы, сообщился и мне. Я думал о том, что случилось, и ничего не понимал. Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают.

– Зачем я это сделал? – спрашивал я себя в недоумении и с отчаянием. – Почему это вышло именно так, а не иначе? Кому и для чего это нужно было, чтоб она любила меня серьезно и чтоб он явился в комнату за фуражкой? Причем тут фуражка?»

Тем самым страх обнаружил свою неслучайную всеобщую человеческую природу. Любимый человек, в том числе уверенный, что крепко стоит на ногах, может потерять почву под ногами и испытать чувство, которое Мартин Хайдеггер впоследствии назовет «не-по-себе».

«...На нас может "напасть" страх посреди совершенно освоенного окружающего мира; зачастую для этого не требуется даже обычных сопровождающих это состояние феноменов темноты или одиночества. Тогда мы говорим: *мне стало не по себе*. В окружающем мире, знакомом ближайшим образом, мы оказываемся как бы не у себя дома. ...Это ничто как угрожающее находится совсем близко, настолько близко, что мы как бы охвачены им со всех сторон, и у нас перехватывает дыхание, но при этом оно не есть нечто такое, о чем мы могли бы сказать: вот оно» [29, с. 305–306].

Таким образом, открылось *третье содержание* рассказа Чехова – универсальный страх, или беспредметная боязнь, как «фундаментальное событие нашего бытия» (Хайдеггер). Это содержание можно рассматривать в качестве дополнения к известным восприятиям рассказа

«Страх», например, такому как «логика жизни рядового интеллигента, запутавшегося в проблемах семьи, видящего ложь человеческих отношений и не находящего выхода из этого «тесного круга лжи» (В. Б. Катаев), или «рассказ о раздвоении души, подавленной обыденщиной» (М. П. Громов).

В рассказе «Огни» инженер Ананьев вспоминает, как он, остановившись на несколько дней в приморском городе, в котором когда-то родился и вырос, встретился с Кисочкой, своей гимназической любовью, теперь замужней женщиной, добился от нее близости и пообещал, что увезет ее от опостылевшего мужа в Петербург. Возвратился в гостиницу, выпил вина, закусил свежей зернистой икрой и заснул безмятежным сном туриста.

Утром проснулся с чувством беспокойства и в дурном расположении духа, поспешно съехал из гостиницы, остаток дня провел у приятеля-доктора, а вечером выехал из города.

«...вот раздался спасительный третий звонок, поезд тронулся; миновали мы тюрьму, казармы, выехали в поле, а беспокойство, к великому моему удивлению, все еще не оставляло меня, и все еще я чувствовал себя вором, которому страстно хочется бежать. Что за странность?

...Я глядел на легкий туман, покрывавший город, и мне представлялось, как в этом тумане около церквей и домов, с бессмысленным, тупым лицом мечется женщина, ищет меня и голосом девочки или нараспев, как хохлацкая актриса, стонет: „А, боже мой, боже мой!“ Я вспоминал ее серьезное лицо и большие, озабоченные глаза, когда она вчера крестила меня, как родного, и машинально оглядывал свою руку, которую она вчера целовала» («Огни»).

Далее он рассказывает о том, как совесть погнала его обратно в город, и он, «не мудрствуя лукаво, покался перед Кисочкой, вымолил у нее, как мальчишка, прощение и поплакал вместе с ней...» [37, с. 136].

В этой истории мы снова встречаемся с состоянием, которое можно назвать «не-по-себе», но теперь это «не-по-себе» предстает в феномене совести. Нечто вдруг выбивает из накатанной колеи «бытия среди других», и открывается возможность иного способа бытия, который Хайдеггер называет «возвращение себя назад из людей» [30, с. 304].

Поясним, о чем идет речь. Согласно Хайдеггеру, различаются два способа человеческого бытия. Один из них характеризуется погруженностью в бытие-с-другими и подчиненностью безличному *людю* (Man), это безличное определяет обыденную жизнь с ее привычками, мнениями и оценками, здесь всякий подобен другому. Привычное, «совместное озабоченное растворение в мире» [29, с. 261–262] заслоняет подлинное бытие с его ответственностью и страхом перед одиночеством. Но внезапно выступает зов совести в виде призыва к «своей способности быть самим собой» [30, с. 305].

Итак, зов совести погнал Ананьева обратно в город вымолить прощение. Если ограничиться этим сюжетом, то получим рассказ о человеке, нашедшем в себе силы сойти с автоматизма поведения «как все» – одним любовным экспромтом больше, одним меньше, – и вернуться «назад из людей». В таком случае мы получим идею лишь второй части всего рассказа, в которой идет речь о посещении Ананьевым города, в котором он родился и вырос.

Чтобы выйти на идеи, общие для всего рассказа, мы должны обратиться к рассуждениям Ананьева относительно собственных мыслей «о бесцельной жизни и загробных потемках» (мышление по поводу своего мышления, сказал бы Гегель). Об этих мыслях шла речь в обеих частях рассказа. И вот выясняется, что на самом деле эти мысли «не стоят гроша медного», и что до встречи с Кисочкой Ананьев не имел понятия о том, «что значит серьезная мысль». Здесь важно то, что общие для обеих частей рассказа кажущиеся неопровержимыми мысли о ничтожности человеческих дел перед фактом смерти преодолеваются тем, что названо серьезной мыслью. Здесь же в качестве синонима «серьезной мысли» дается выражение «нормальное мышление», и вот это нормальное, или серьезное, мышление определяется следующим образом.

«Свою ненормальность и круглое невежество я понял и оценил, благодаря несчастью. Нормальное же мое мышление, как мне теперь кажется, началось только с того времени, когда я принялся за азбуку, то есть когда совесть погнала меня назад в N., и я, не мудрствуя лукаво, покался перед Кисочкой, вымолил у нее, как мальчишка, прощение и поплакал вместе с ней...» [37, с. 136].

Азбукой, т. е. изначальным по отношению ко всему, в том числе и к факту человеческой смертности, является, таким образом, феномен совести, и эта изначальность совести открывается «благодаря несчастью», т. е. благодаря выпадению из автоматизма поведения «как все».

Это означает, что искомое *третье содержание* рассказа «Огни» состоит в обнаружении того, что в *другом* человеке (или в другой культуре, например, давно ушедших филистимлян

и амалекитян, о которых идет речь в начале рассказа) есть нечто не растворимое в рассуждениях о «бесцельной жизни и загробных потемках» и вообще в любых рассуждениях, какими бы логически безупречными они ни выглядели. Это нечто является *не-обходимым*, как сказал бы Хайдеггер, т. е. тем, что нельзя обойти, в него можно только упереться, как в стену. И тогда пелена спадает с глаз.

Хайдеггер пишет о неуместности требования «индуктивных эмпирических доказательств» для обоснования реальности совести и правомерности ее голоса. Эта невозможность обосновать (или опровергнуть) феномен совести не является изъяном, она «лишь примета его онтологической *инородности* (выделено мной. – Авт.) на фоне мироокружно наличного» [30, с. 305], т. е. окружающего мира вещей и их отношений. И вот эта инородность совести по отношению к тому, что можно обосновать или опровергнуть, заставляет рассказчика в «Огнях» делать вывод, что «ничего не поймешь на этом свете», если, разумеется, под «пониманием» иметь в виду эмпирические доказательства и логические рассуждения.

Чтобы снять парадоксальность объяснения Чехова, писавшего в конце XIX в. через обращение к идеям немецкого философа еще не наступившей эпохи, обратимся к работе «Оправдание добра» современника Чехова русского философа Вл. Соловьева⁵. В этой работе Соловьев пишет о первичных данных общечеловеческой нравственности и подчеркивает, что их признание «нисколько не зависит от того или другого метафизического или научного взгляда на происхождение человека», они просто есть. Этими первичными данными являются половой стыд, жалость и чувство благоговейного преклонения перед высшим началом [23, с. 119–130]. Это близко к тому, что Мартин Хайдеггер называет экзистенциалами в качестве модусов бытия мира в его неразрывной связи с бытием человеческого сознания. Укажем также, что согласно Ю. В. Колесниченко, в философии Вл. Соловьева действительно разрабатывались «ключевые понятия личности как основы феноменологического видения бытия» [13, с. 106]. О том, что философия Вл. Соловьева предвосхитила некоторые идеи немецкой феноменологии, [см. 23, с. 46].

VI

Мы показали, что содержательным различиям частей по крайней мере некоторых рассказов Чехова соответствует доминирование внешней либо внутренней точки зрения. Обнаружение такого доминирования не является совершенно неожиданным. Так, А. Д. Степанов пишет о характерном для Чехова повествовании в «тоне» и «духе» героя⁶, окрашивающим мир настроениями воспринимающего сознания, и о том, что Чехов, независимо от Флобера, открыл субъективное повествование, которым широко пользовался. В качестве примера А. Д. Степанов приводит рассказ «Учитель словесности» с двумя контрастирующими друг с другом частями [25, с. 68–69]. Этот рассказ, между прочим, вполне можно разобрать в том же ключе, что и рассказы «Дом с мезонином», «Ионыч», «Страх» и «Огни».

Попробуем рассмотреть некоторые другие рассказы Чехова на предмет соответствия между содержательными различиями их частей и доминированием той или иной точки зрения. Но теперь начнем двигаться в обратном порядке: отталкиваясь от различия между способами изображения действий и событий во времени, т. е. точками зрения, – будем переходить к содержательному отличию частей рассказов.

Обратимся к рассказу «Володя большой и Володя маленький». Он начинается с описания того, как Софья Львовна катается на тройке вместе с мужем, Владимиром Никитичем, другом детства Владимиром Михайлычем и кузиной Маргаритой Александровной после загородного ресторана с цыганами. Софья Львовна думает о том, что сегодня в ресторане она, наконец, убедилась, что вышла замуж не по расчету, а по любви, что ее муж ловок и строен, и бодрости в нем неизмеримо больше, чем в ней самой, хотя ей только двадцать три года.

Потом в своих мыслях она переходит к Владимиру Михайлычу, который несмотря на свои частые любовные приключения, кончил курс в университете и теперь, как говорят, пишет диссертацию. Затем к веселым и легким мыслям начинают добавляться мрачные: очевидно, что после свадьбы она стала возбуждать во Владимире Михайлыче интерес известного свойства, и вот к ее торжеству и любви к мужу начинает примешиваться чувство унижения и оскорбленной гордости...

⁵ Чехов был знаком с некоторыми работами Вл. Соловьева [см. 33, с. 296; 35, с. 58].

⁶ У Чехова: «Ведь чтобы изобразить конокрадов в 700 строках, я все время должен говорить и думать в их тоне и чувствовать в их духе» [см. 33, с. 54].

Мы имеем здесь дело с внутренней речью, которая является разновидностью внутренней точки зрения, – когда то, что происходит, в том числе психологические переживания персонажа, представляется через его же восприятие и мысли.

А. В. Кубасов пишет о том, что рассказ «Володя большой и Володя маленький» строится на описании восприятия Софьей Львовной себя и других. Он пишет: «А вот портрет Ягича: «Несмотря на свои пятьдесят четыре года, он был так строен, ловок, гибок, так мило каламбурил и подпевал цыганкам» (цитата из рассказа. – *Авт.*). Далее А. В. Кубасов добавляет, что цитируемое высказывание «построено в зоне голоса героини, передает ее видение и оценку мужа (знакомое дамское словечко «мило», идет, конечно, не прямо от автора)» [14, с. 283]. Здесь же он пишет о неоформленной, зыбкой внутренней речи героини.

Итак, рассказ строится на внутренней речи Софьи Львовны и ее восприятии окружающих, но – лишь до того места, где собирающийся на службу муж Софьи Львовны звонит по телефону в поисках доктора Салимовича, потому что супруга «сильно расклеилась после вчерашнего». В конце концов вместо доктора Салимовича, которого не оказывается дома, муж договаривается с его сыном, Владимиром Михайлычем, чтобы он приехал и помог Софье Львовне. И вот дальше в повествовании представлены главным образом диалоги и внешнее описание, например:

«...А когда он собрался уходить, она спрашивала его страстным голосом:

– Когда? Сегодня? Где?

И она протянула к его рту обе руки, как бы желая схватить ответ даже руками.

– Сегодня едва ли это удобно, – сказал он, подумав. – Вот разве завтра.

И они расстались. Перед обедом Софья Львовна поехала в монастырь к Оле, но там сказали ей, что Оля где-то по покойнике читает псалтирь. Из монастыря она поехала к отцу и тоже не застала дома, потом переменяла извозчика и стала ездить по улицам и переулкам без всякой цели, и каталась так до вечера».

Таким образом, мы обнаруживаем доминирование внутренней точки зрения в первой части рассказа и внешней точки зрения во второй части рассказа (которая по объему составляет примерно четверть всего рассказа). Можно ли сказать, что этому доминированию различных точек зрения соответствуют значимым образом отличающиеся содержания?

В литературе смысл рассказа «Володя большой и Володя маленький» раскрывается, как правило, через обращение ко второй части. Цитируется место, где Софья Львовна, расстроенная вчерашней встречей с ушедшей в монастырь Олей, спрашивает Володю маленького, как ей жить и как решить вопрос своей жизни, и слышит в ответ издевательское «тарарабумбия»⁷, это же словечко Володя маленький напевает после того, как получил от Софьи Львовны «то, что ему было нужно».

Н. Я. Берковский пишет, что рассказ «Володя большой и Володя маленький» – один из самых страшных рассказов Чехова. В нем демонстрируется, как отсутствие каких бы то ни было верований, убеждений, норм не только не удручает людей, но составляет для них льготу и удобство. Любовные дела совершаются без любви, отношения людей друг к другу сознательно сухи и жестки, оба героя обращаются с Софьей Львовной, не задумываясь над тем, что она может чувствовать и испытывать [40].

А. П. Кузичева предлагает, если можно так выразиться, нейтральное определение сути рассказа: речь идет о молодой женщине, вышедшей *par dépit* (с досады, чтобы не остаться старой девой) замуж за человека старше ее на тридцать лет и изменившей мужу с тем, кого она, как ей казалось, любила [15, с. 238].

В этих описаниях и определениях все-таки остается за скобками то, что сама Софья Львовна «чувствует и испытывает», а ведь об этом идет речь в первой части рассказа, построенной на внутренней речи героини. Отталкиваясь от содержания первой части и несколько изменив формулировку А. П. Кузичевой, можно дать дополнительное определение сути рассказа: описываются *переживания* молодой женщины, которая, чтобы не остаться старой девой, вышла замуж за человека много старше ее, стала любовницей его молодого друга, который через неделю ее бросил.

Таким образом, мы получаем две сюжетные линии. Одна состоит в описании некоторого положения вещей: выход замуж Софьи Львовны за человека старше нее, падение в качестве любовницы Володи маленького, кутежи в ресторанах, круговерть поездок на тройке, встречи с монашенкой Олей... Другая линия: переживания Софьи Львовны по поводу этого

⁷ О том, что словечко тарарабумбия взято из песенки парижского полусвета конца XIX в., [см. 38, с. 488].

положения вещей. Обратим внимание на то, что обе линии не вытекают автоматически друг из друга, или, скажем так, не могут быть поняты как необходимое продолжение друг друга. Муж Софьи Львовны вполне мог бы дозвониться до доктора Салимовича, и тогда не произошло бы, по крайней мере в этот день, соблазнение Софьи Львовны Володей маленьким. Во всяком случае читатель снова не почувствует, что чего-то не хватает, если ограничится чтением первой части – до того места, где Ольга Львовна целует руку мужу перед его уходом, потому что все женщины, которые его любили, делали это.

И точно так же была бы воспринята как нечто вполне самостоятельное вторая часть рассказа, – начиная с доклада горничной о приходе Владимира Михайлыча, и с той детали, что Софья Львовна, пошатываясь от усталости и головной боли, быстро надела новый удивительный капот сиреневого цвета.

Можно ли найти в рассказе место, в котором соединяются обе сюжетные линии: то, что происходит с героиней, и то, как происходящее ею воспринимается? Здесь могло бы открыться некое «третье содержание» по аналогии с тем, что было выявлено при анализе ранее рассмотренных рассказов.

Обратим внимание на окончание рассказа. Сообщается, что Володя маленький спустя неделю бросил Софью Львовну, и жизнь пошла по-прежнему, такая же неинтересная и иногда мучительная. Полковник и Володя маленький играли на бильярде и в пикет, Рита рассказывала анекдоты, а Софья Львовна ездила на извозчике и просила мужа покатасть ее на тройке. Затем следует чрезвычайно интересное место:

«Заезжая почти каждый день в монастырь, она (Софья Львовна. – Авт.) надоедала Оле, жаловалась ей на свои невыносимые страдания, плакала и *при этом чувствовала, что в келью вместе с нею входило что-то нечистое, жалкое, поношенное*, а Оля машинально, тоном заученного урока говорила ей, что все это ничего, все пройдет и бог простит».

Мы видим, что посещения Софьей Львовной монашки Оли описываются с внешней точки зрения. Однако в нем присутствует представленный с внутренней точки зрения фрагмент, – о том, что чувствовала в момент посещения монастыря Софья Львовна, это место мы выделили курсивом. Проведем знакомую операцию: удалим выделенную курсивом часть, тогда останется лишь описание посещения монастыря: заезжая почти каждый день в монастырь, Софья Львовна жаловалась на невыносимые страдания, плакала, а Оля говорила ей, что все это ничего, все пройдет и бог простит.

В таком случае будет выглядеть неуместным выражение *бог простит*, потому что получится, что бог должен простить Софье Львовне ее невыносимые страдания. Однако все станет на свои места, если мы обратимся к первому варианту рассказа «Володя большой и Володя маленький», в нем посещение монастыря дано в несколько иной редакции: «И монашка Оля, которой она, заезжая каждый день в монастырь, жаловалась на свои невыносимые страдания, говорила ей, что все это ничего, все пройдет...» [20, с. 3; 38, с. 401].

Здесь отсутствует выражение *бог простит*, но также отсутствует фрагмент про то, что чувствовала Софья Львовна. Он был вставлен Чеховым в окончательной редакции вместе с выражением *бог простит*.

Теперь в этой вставке можно увидеть новое, искомое «третье содержание» наряду с обычной характеристикой Софьи Львовны как жертвы бездушного отношения со стороны тех, к кому она обращается в попытках понять, что с нею происходит.

В одной из пьес Ж.-П. Сартра есть выражение «Ад – это другие» [22, с. 112]. Оно вполне резюмирует сложившееся в литературе понимание рассказа «Володя большой и Володя маленький»: окружение Софьи Львовны видит в ней любовницу и «кусочек мяса» [24, с. 171], обращается с нею, не задумываясь над тем, что она может чувствовать и испытывать [40], она находится в полной зависимости от людей, которые ее окружают, обманута циником Володей маленьким и ушедшей в монастырь Ольгой [6, с. 387].

Однако все это не позволяет понять, почему Софья Львовна чувствовала, что в келью вместе с нею входило что-то нечистое, жалкое, поношенное, и за что бог ее должен простить. Как можно предположить, имеется в виду, что Софья Львовна сама выбрала жизнь «неинтересную и мучительную», когда согласилась выйти замуж за нелюбимого человека, предложила монашке прокатиться на тройке в нетрезвой компании, с готовностью стала любовницей Володи маленького...⁸ И вот этот сделанный ею самый выбор заставляет испытывать невы-

⁸ Между прочим, сцена катания монашенки Оли на тройке появилась также лишь в окончательной редакции рассказа «Володя большой и Володя маленький» [см. 38, с. 487].

носимые страдания. Здесь можно снова обратиться к формуле Сартра, правда, в несколько измененном виде: «Ад – это мы сами».

VII

Прежде чем перейти к соображениям общего характера, рассмотрим для полноты обзора, пусть относительного, рассказы А. П. Чехова «Супруга» (1895) и «Ведьма» (1886). В рассказе «Супруга» муж находит адресованную его супруге телеграмму из Монте-Карло от любовника, и предлагает, приняв вину на себя, дать ей развод. Супруга признает любовную связь с этим человеком, но не соглашается на развод, потому что не желает терять общественного положения, к тому же любовнику через год она наскучит, и сама она не ручается, что ее увлечение будет продолжаться долго. Утром она напоминает через горничную про двадцать пять рублей, которые ей обещал дать муж.

А. П. Чудаков рассматривает этот рассказ как подтверждение тезиса, что «у большинства событий в мире Чехова есть одна особенность: они ничего не меняют» [41, с. 214]. И действительно, пишет он, единственным результатом ночной сцены является приход горничной за двадцатью пятью рублями для супруги, так что все осталось по-старому.

В то же время А. П. Чудаков пишет о размышлениях героя, связанных с событиями этой ночи. Эти размышления, как нам представляется, можно рассматривать в качестве дополнительной сюжетной линии, построенной на внутренней речи, которая, как мы уже отмечали, является разновидностью внутренней точки зрения, когда переживания героя даны через его собственное восприятие и мысли.

Герой вспоминает, что полтора года назад его познакомили с молодым человеком, и спустя два месяца жена начала возвращаться домой в четыре и пять часов утра, а потом стала просить заграничный паспорт, чтобы поехать с супругом в Ниццу якобы для его же лечения, а он отказывал ей, и в доме происходила такая война, что было совестно от прислуги. Он понимает, какую жалкую роль он бы играл, если бы согласился на эту поездку, и спрашивает себя, как он, сын деревенского попа, прямой, грубый человек, по профессии хирург, мог отдаться в рабство и подчинить себя ничтожному, продажному, низкому созданию.

После бурного объяснения с супругой, пришедшей под утро от очередного поклонника, он смотрит на фотографию с тестем, хитрым и жадным до денег, тещей, безумно любящей свою дочь и во всем ей помогающей, его женой и с ним – в качестве молодого, счастливого мужа, наивно верившего, что эта компания хищников даст ему поэзию и счастье и все, о чем он мечтал. И снова спрашивает себя, как он мог беспомощно отдаться в руки лживого, совершенно чуждого ему существа.

Весь рассказ делится на две части, первая строится на размышлениях героя, во второй описывается ссора с пришедшей супругой, эта вторая часть выстроена главным образом в виде диалогов, которые, как мы знаем, являются признаком внешней точки зрения. Таким образом, содержательному различию между частями рассказа – ожидание супруги и ее приход – соответствует доминирование внутренней точки зрения в первой части и внешней точки зрения во второй части рассказа.

Если ограничиться тем, что в рассказе описывается внешним наблюдателем, то можно согласиться, что действительно «все осталось по-старому»: произошел очередной скандал из тех, из-за которых «совестно от прислуги», но который снова ничего не изменил. Однако в рассказе присутствуют, как уже отмечено, размышления героя, в которых рефреном повторяется мысль о своей беспомощности перед чуждым, лживым существом.

Критика обычно выделяет в этих размышлениях характеристику супруги. Но в вопрошании Николая Евграфыча нам представляется не менее существенным открытие своей беспомощности и невозможности что-то изменить. Это приобретенное героем понимание, сравнимое с озарением, парадоксально означает, что чисто формально все-таки нельзя говорить о совершенном повторении одного и того же, при котором все «остается по-старому». Потому что в положение вещей необратимо привнесено то, что В. Б. Катаев, анализирующий рассказы Чехова, назвал сдвигом, или работой, сознания [19, с. 148]. Но именно – чисто формально.

Своеобразие ситуации состоит в том, что происходящее в душе героя – сознание своей беспомощности и невозможности каких-либо изменений – как раз приводит к тому, что все остается по-старому. Хотя очевидно, что среди хороших знакомых доктора могли оказаться адвокаты, которые подсказали бы способ поставить на место лживое и чуждое существо. Здесь мы подбираемся к крайне интересной стороне дела. Конфликт между супругами обречен повторяться до бесконечности, потому что застревает на психологическом уровне и не

переводится в правовое поле, хотя речь идет о вполне доказуемой юридически измене жены, нарушении супружеского долга и пр. Эта обреченность ходить по кругу бесконечного выяснения отношений неслучайна, она перекликается с тем, что писал в свое время П. Я. Чаадаев: в России не выработаны в качестве естественных необходимые и объективные рамки жизни, те автоматические навыки (Чаадаев называет их наезженными путями сознания), «которые придают уму непринужденность и вызывают размеренное движение душ» [32, с. 166].

Между прочим, не достигающие никакого результата выстрелы дяди Вани в профессора Серебрякова, на которые ссылается А. П. Чудаков как на еще один пример того, что у Чехова все остается по-старому, опять же указывают на отсутствие в русской жизни наработанных рамок и навыков, позволяющих уйти от психологии и нескончаемых претензий друг к другу.

В рассказе «Ведьма» дьяк Савелий Гыкин упрекает свою жену Раису Ниловну в том, что она колдовством наводит порчу на «божью погоду», чтобы заманить в их сторожку посторонних людей. И действительно, к ним стучатся сбившиеся с почтового тракта почтальон с ямщиком с просьбой пустить погреться. Почтальон, измученный метелью, засыпает на мешках с почтой, но Савелий будит его и заставляет двигаться дальше. Он отправляется с ними показать дорогу на тракт, а когда возвращается, приходит к окончательному выводу, что его жена ведьма.

В целом рассказ написан с позиции внешнего наблюдателя. Очевидно, что Савелий с его нематыми ногами, смутившими в свое время Д. В. Григоровича, представлен с внешней точки зрения. И описание метели как безличной «победительной силы», которая «гонялась за кем-то по полю, бушевала в лесу и на церковной крыше, злобно стучала кулаками по окну, метала и рвала, а что-то побежденное выло и плакало...», – тоже предполагает внешнего по отношению к описываемой ситуации наблюдателя. В рассказе много диалогов, которые, как мы знаем, являются маркерами внешней точки зрения.

В то же время в тексте есть фрагменты, в которых события представлены через восприятие героев. Савелий слышит сквозь вой метели едва уловимый тонкий, звенящий стон, похожий на зуденье комара, через некоторое время до его слуха снова доносится явственный звук колокольчика, который затем замер, словно оборвался. Дьячиха созерцает спящего на мешках с почтой почтальона, ее занимает новизна этого человека, его широкая грудь, красивые руки, стройные ноги, которые были «гораздо красивее и мужественнее, чем две «кулдышки» Савелия».

Полусонный почтальон открывает глаза, видит, как в тумане, белую шею и «неподвижный, масляный взгляд дьячихи», снова открывает глаза, вспоминает, где он, понимает беспокойство Савелия; мысль, что предстоит ехать в холодных потемках, пробежала по его телу холодными мурашками...

Дьячиха, оставшись одна, взглянула на свое жилье: чуть ли не полкомнаты занимала постель, состоявшая из грязной перины, серых жестких подушек, одеяла, разного безымянного тряпья – бесформенный, некрасивый ком...

Для нас важно, что в рассказе есть построенные на восприятии героев фрагменты, которые выглядят как избыточные, и вот они привносят дополнительный, или лучше сказать, параллельный, смысл в основную сюжетную линию.

Вот первый из них.

«...он коснулся двумя пальцами ее шеи. Видя, что ему не сопротивляются, он погладил рукой шею, плечо...

– Фу, какая...

– Остались бы... чаю попили бы.

– Куда кладешь? Ты, кутья с патокой! – послышался со двора голос ямщика. – Поперек клади.

– Остались бы... Ишь как воеет погода!

И не совсем еще проснувшись, не успевшим стряхнуть с себя обаяние молодого томительного сна, почтальоном вдруг овладело желание, ради которого забываются тюки, почтовые поезда... все на свете. Испуганно, словно желая бежать или спрятаться, он взглянул на дверь, схватил за талию дьячиху и уж нагнулся над лампочкой, чтобы потушить огонь, как в сенях застучали сапоги и на пороге показался ямщик... Из-за его плеча выглядывал Савелий. Почтальон быстро опустил руки и остановился словно в раздумье.

– Все готово! – сказал ямщик.

Почтальон постоял немного, резко мотнул головой, как окончательно проснувшийся, и пошел за ямщиком. Дьячиха осталась одна.

Здесь курсивом выделена ситуация, которая придает предыдущим словам дьячихи – остаться попить чаю – вполне определенный смысл, они как бы подталкивают к тем действи-

ям, которые чуть было не произошли. И поведение дьячихи после того, как звенящие звуки колокольчиков понеслись от сторожки, – она рванулась с места и нервно заходила из угла в угол – можно истолковать в контексте именно того, что чуть не случилось.

Но сама ситуация, выделенная курсивом, может быть охарактеризована уже приводимыми ранее словами В. Б. Катаева – стара как мир, и в силу своей универсальности представлена в самых разнообразных художественных произведениях. Это означает, что она не связана неразрывно с содержанием данного рассказа. Поэтому ее можно изъять или пропустить без всяких последствий для основной сюжетной линии. Т. е. после слов дьячихи «Остались бы... Ишь как воет погода!» без каких-либо потерь для основного содержания рассказа сразу могли в сенях «застучать» сапоги ямщика.

В таком случае слова дьячихи к почтальону – остаться и попить чаю – означали бы всего лишь стремление как можно дольше отодвинуть время, когда придется остаться с Савелием, с его попреками, убожеством и со своим одиночеством. Соответственно несколько иной смысл получит и поведение дьячихи после того, как звуки колокольчиков понеслись от сторожки.

Нам важно обнаружить и подчеркнуть возможность наложения несовпадающих смысловых интенций в пространстве одного фрагмента. Эти несовпадающие интенции, либо одна, либо другая, будут выступать на первый план при чтении и особенно при перечитывании рассказа внимательным читателем.

Рассмотрим другой фрагмент, выделив курсивом то, что соответствует внутренней точке зрения.

«...Долго плакала дьячиха. В конце концов она глубоко вздохнула и утихла. За окном все еще злилась вьюга. В печке, в трубе, за всеми стенами что-то плакало, а Савелию казалось, что это у него внутри и в ушах плачет. Сегодняшним вечером он окончательно убедился в своих предположениях относительно жены. Что жена его при помощи нечистой силы распоряжалась ветрами и почтовыми тройками, в этом уж он более не сомневался. Но, к сугубому горю его, эта таинственность, эта сверхъестественная, дикая сила придавали лежавшей около него женщине особую, непонятную прелесть, какой он и не замечал ранее. Оттого, что он по глупости, сам того не замечая, опоэтизировал ее, она стала как будто белее, глаже, неприступнее...

– Ведьма! – негодовал он. – Тьфу, противная!

А между тем, дождавшись, когда она утихла и стала ровно дышать, он коснулся пальцем ее затылка... подержал в руке ее толстую косу. Она не слышала... Тогда он стал смелее и погладил ее по шее.

– Отстань! – крикнула она и так стукнула его локтем в переносицу, что из глаз его посыпались искры.

Боль в переносице скоро прошла, но пытка все еще продолжалась».

Если применить к рассказу «Ведьма» тезис, что «у большинства событий в мире Чехова есть одна особенность: они ничего не меняют» (А. П. Чудаков), то эту часть рассказа и тем самым весь рассказ было бы правомерно закончить фразой «Что жена его при помощи нечистой силы распоряжалась ветрами и почтовыми тройками, в этом уж он более не сомневался». Тогда получилось бы, что в конечном счете все действительно осталось по-прежнему: за окном злится вьюга, дьяк окончательно убеждается в колдовстве жены.

Но рассказ получает неожиданное продолжение. Чехов пишет, что сверхъестественная дикая сила, которую приписал Савелий своей жене, придали ей непонятную прелесть, которую раньше он не замечал, и что Савелий по своей глупости, т. е. в результате своих нелепых подозрений в колдовстве жены, ее опоэтизировал. Он увидел теперь в ней больше, чем есть, испытал, может быть, впервые в жизни нежность. И получил удар в переносицу. Но боль утихла, а пытка в виде невыносимого чувства нежности продолжилась.

Это окончание придает дополнительный и, можно сказать, неожиданный смысл теперь уже всему рассказу и, в частности, образу Савелия. И снова на первый план при чтении рассказа будет выступать перед читателем либо одна, либо другая смысловая интенция.

VIII

В самом начале мы обратили внимание на то, что в некоторых рассказах Чехова нарушается правило Аристотеля, согласно которому художественное произведение должно быть построено таким образом, чтобы с перестановкой или изъятием одной из частей менялось и расстраивалось целое. Мы показали, что по крайней мере в таких рассказах, как «Огни», «Дом с мезонином», «Ионыч», «Страх», удаление одной из частей (одной из сюжетных линий) не приводит к тому, что оставшаяся часть теряет свою относительную законченность, наоборот,

эта часть вполне может быть воспринята как отдельное произведение. Обнаружилось также, что содержательно отличающиеся части рассказов могут быть представлены в рамках оппозиции внутренней и внешней точек зрения.

Укажем на важную сторону дела. Ю. М. Лотман в работе «Культура и взрыв» пишет о неизбежности того, чтобы «пространство реальности не охватывалось ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью». Далее он пишет, что «минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры)». Он подчеркивает, что условием адекватности отражения внеязыковой реальности является взаимная непереводаемость или ограниченная переводимость языков [18, с. 9–10].

Представляется, что рассуждения Лотмана о минимальной структуре, состоящей из непереводаемых друг в друга двух языков, можно распространить на отношение между внутренней и внешней точками зрения, которые лишь вместе позволяют исчерпывающим образом описать то, что повествуется⁹.

Выше мы приводили пример с рассказом Хемингуэя «Убийцы», который построен чисто внешним образом, при отсутствии таких оборотов речи, как «он подумал...» или «он почувствовал...». И тем не менее проскользнуло «Он говорил все тем же тусклым голосом». Очевидно, что речь идет о восприятии Ником Адамсом голоса Оле Андресона. Напомним также слова Женетта о невозможности построить рассказ и на исключительно внутренней точке зрения, так как необходимо, чтобы персонаж хотя бы минимально был описан извне или был назван.

Б. А. Успенский пишет, что принятию автором точки зрения персонажа часто предшествует взгляд на этого персонажа с точки зрения стороннего наблюдателя. Он приводит в качестве примера рассказ И. Бунина «Грамматика любви», в котором герой сначала описывается внешним образом, но затем становится носителем авторской точки зрения, «то есть подробно описываются его мысли и чувства и вообще весь мир дается через его восприятие» [27, с. 192].

Итак, обе точки зрения в разной степени, но необходимым образом дополняют друг друга. Подчеркнем теперь второй момент – непереводаемость или неполную переводимость их друг в друга. Сравним фразы «Он волновался» и «Он, по всей видимости, волновался». Первая фраза выражает внутреннюю точку зрения, потому что ее можно преобразовать в предложение от первого лица «Я волновался», а вторая фраза выражает внешнюю точку зрения, так как ее нельзя преобразовать в предложение от первого лица, иначе получится «Я, по всей видимости, волновался».

Эти фразы нельзя представить и в качестве продолжения или развития друг друга, потому что в одном случае речь идет о восприятии ситуации персонажем, в другом – о восприятии самого персонажа внешним наблюдателем. Но Ю. М. Лотман пишет далее, что непереводаемые друг в друга языки должны, с одной стороны, *накладываться* друг на друга, «поразному отражая одно и то же», а с другой стороны, располагаться в одной плоскости, «образуя в ней внутренние границы» [18, с. 10]. У нас речь идет о внутренней и внешней точках зрения, и очевидно, если следовать ходу мысли Лотмана, что в тексте должны быть такие фрагменты, в которых обе точки зрения именно «накладываются друг на друга». А это означает, делаем вывод мы, что в таких фрагментах должно происходить удвоение смысла.

Вернемся к описанию встречи Старцева и Екатерины Ивановны после четырех лет ее пребывания в Москве. Чтобы не загромождать изложение, дадим в пересказе.

Сообщается, что Екатерина Ивановна похудела, побледнела, стала красивее и стройнее, но в ней уже не было прежней свежести и выражения детской наивности, и появилось несмелое и виноватое, точно она в доме Туркиных уже не чувствовала себя как дома.

Она подает руку Старцеву, и было видно, что у нее тревожно билось сердце, она пристально, с любопытством глядит ему в лицо.

Она и теперь Старцеву нравилась, но что-то уже доставало или было лишнее, и что-то мешало чувствовать, как прежде. Ему не нравилась ее бледность, новое выражение, слабая улыбка...

Если мы прочитаем последовательно первую и вторую части фрагмента, то обнаружим, что вторая часть является продолжением первой. В обеих частях речь идет о том, как Екате-

⁹ Интересно было бы вместо оппозиции внутренней и внешней точек зрения в качестве языков описания художественной реальности использовать оппозицию длительности (*durée*) и повтора во времени Анри Бергсона.

рина Ивановна за время учебы в Москве стала взрослее, и что она с тревожным сердцем и с любопытством глядит в лицо человека, который когда-то сделал ей предложение. Обе части фрагмента предстанут как выражение внешней точки зрения.

В третьей части идет речь о восприятии Старцевым собственных чувств по поводу Екатерины Ивановны: она продолжает ему нравиться, но что-то мешает чувствовать, как прежде. Перед нами теперь внутренняя точка зрения. И вот после прочтения третьей части текста смысл предыдущей, второй части, меняется: это Старцев видит, что у Екатерины Ивановны тревожно билось сердце, и как она пристально глядит ему в лицо.

Произошло наложение внешней и внутренней точки зрения (по Лотману, языков) на вторую часть текста, в результате ее смысл удваивается. Но, разумеется, читатель не может воспринимать одновременно оба смысла одного и того же фрагмента текста как *одинаково* значимые, при перечитывании рассказа на передний план будет выступать то одно понимание, то другое.

Для пояснения этой стороны дела обратимся к Эдмунду Гуссерлю. В работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» он на примере восприятия листа бумаги вводит понятия переднего и заднего плана, или фона. Он пишет о том, что восприятие вещи состоит в ее «выхватывании» из того, что ее окружает. Это окружение представляет задний план восприятия, или фон. Он тоже каким-то образом воспринимается, тем не менее в данный момент времени находится вне акта схватывания, он имеется в виду, но не положен как нечто самостоятельное. Однако то, что ранее воспринималось в качестве фона (фоновых созерцаний, пишет Гуссерль), может переместиться на первый план, а то, что воспринималось в качестве переднего плана, уйдет в область фона. Но при всех модификациях сохраняется различие двух планов восприятия [9, с. 108–109].

Можно принять, что то, что пишет Гуссерль о восприятии отдельной вещи и фоновом созерцании, вполне соотносимо с пониманием основной мысли определенной части текста и фоновой мысли, последняя же может вдруг открыться в качестве основной при повторном чтении.

Не означает ли это, что в любом повествовании, если в нем имеется описание восприятия героем своего внутреннего состояния, должны присутствовать фрагменты, которым свойственна смысловая двойственность? Проведем еще раз эксперимент, удалим третью часть, в которой говорится о восприятии Старцевым собственных чувств при встрече с Екатериной Ивановной. Тогда снова останется лишь описание внешним наблюдателем того, как Екатерина Ивановна подает руку Старцеву, и было видно, что у нее тревожно билось сердце...

Таким образом, удвоение смысла (можно было бы даже сказать – двусмысленность, если бы не наличие у этого слова отрицательных коннотаций) порождается введением восприятия героем собственных чувств и мыслей. Такое же удвоение смысла присутствует, как мы видели, в других случаях: при описании игры Екатерины Ивановны на фортепиано в день первого посещения Старцевым дома Туркиных, а также в рассмотренных фрагментах рассказов «Дом с мезонином», «Страх», «Огни», «Володя большой и Володя маленький», «Супруга», «Ведьма». Каждый раз удвоение смысла порождается *вставкой* (назовем ее так), с описанием внутреннего опыта героя. В то же время эта вставка позволяет обнаружить, и мы это продемонстрировали, объединяющую идею рассказа в виде того, что мы назвали *третьим содержанием*, без которого рассказы распадаются на тривиальные истории.

Проделанный нами анализ рассказов Чехова в какой-то степени объясняет приведенные в качестве эпиграфа в начале статьи слова Льва Толстого о том, что Чехова можно много раз перечитывать.

Список литературы

1. Абрамов Я. В. Малые и великие дела // Книжки «Недели»: ежемесячный литературный журнал. 1896. Июль.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983.
3. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М. : Изд-во Московского университета, 1987. 512 с.
4. Белкин А. Читая Достоевского и Чехова (Статьи и разборы). М. : Худож. лит., 1973. 304 с.
5. Бицilli П. М. Трагедия русской культуры : исследования, статьи, рецензии. М. : Русский путь, 2000. 608 с.
6. Бялый Г. А. Чехов // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IX. Литература 70–80-х годов. Ч. 2. 1956. 628 с.
7. Гайденок П. П. Экзистенциал // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. 2010. 736 с.

8. Гроссман Л. П. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4. Мастера слова. Натурализм Чехова. Кн-во «Современные проблемы» Н. А. Столляр. М., 1928. 346 с.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М. : Академический Проект, 2009. 489 с.
10. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
11. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 324 с.
12. Катаев В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. М. : Изд-во МГУ, 1998. 109 с.
13. Колесниченко Ю. В. Философия личности как преодолённая феноменология. Вл. Соловьев и М. М. Бахтин // Вопросы философии. 2012. № 1.
14. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации : монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. 399 с.
15. Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М. : Молодая гвардия, 2010. 566 с.
16. Левитан Л. С., Цилевич Л. М. Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига : Зинатне, 1990. 510 с.
17. Лекторский В. А. Опыт // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 2010. 692 с.
18. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис ; Прогресс, 1992. 272 с.
19. Ненасhev М. И. Своеобразие паузы в драматургии А. П. Чехова // Вестник Гуманитарного образования. 2024. № 1 (33).
20. Русские ведомости. 1893. № 357, 28 декабря.
21. Сапогов В. А. Повествование // Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
22. Сартр Ж.-П. Грязными руками : пьесы. Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 1999. 431 с.
23. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1988. 892 с.
24. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М. : Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
25. Степанов А. Д. Чехов и Левитан: вопросы техники // Мир русского слова. 2020. № 1.
26. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 184 с.
27. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М. : Искусство, 1970. 258 с.
28. Флоренский П. А., свящ. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М. : Мысль, 2000. 446 с.
29. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.
30. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
31. Хализев В. Е. Сюжет // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины : уч. пособие. М. : Высш. шк. ; Академия, 1999. 556 с.
32. Чаадаев П. Я. Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. 968 с.
33. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 4. М. : Наука, 1976. 656 с.
34. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 6. М. : Наука, 1978. 775 с.
35. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 9. М. : Наука, 1980. 616 с.
36. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 12. М. : Наука, 1983. 640 с.
37. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 7. М. : Наука, 1985. 736 с.
38. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 8. М. : Наука, 1985. 528 с.
39. Чехов А. П.: Pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология. СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. 1072 с.
40. Чехов А. П.: Pro et contra. Т. 2. Личность и творчество А. П. Чехова в русской мысли XX в. (1914–1960). СПб. : Изд-во РХГА, 2010. 1096 с. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-pro-et-contra-tom-2/p31> (дата обращения: 24.11.2024).
41. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 292 с.

About the storylines in the stories of A. P. Chekhov

Nenashev Mikhail Ivanovich

Doctor of Philosophy, professor, independent researcher.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-7779-3876. E-mail: mnenashev@inbox.ru

Abstract. Currently, it is becoming relevant to shift attention in the study of A. P. Chekhov's work to the features of the construction of his stories. It turns out that in some stories there is more than one storyline, and the removal of one of the storylines does not lead to the fact that the remaining part loses its relative completeness, on the contrary, this part may well be perceived as a separate work. From this point of view, the stories "House with a mezzanine", "Fear", "Lights", "Ionich" are considered. It is shown that the storylines in these stories differ in the context of the opposition of internal and external points of view, in which events and actions are described respectively either through the perception of the hero (the so-called subjective narrative), or from the perspective of an external observer.

From an internal point of view, there is a difference between the external experience, when the hero perceives events and circumstances through sight and hearing, and the internal experience, in which the hero perceives his own feelings, mental images and emotions. It is found, on the one hand, that the presence in the text of a description of the inner experience of the hero gives a double meaning – the main and background – to the adjacent fragments of the text, but upon repeated reading, the background meaning can be perceived as the main one. On the other hand, the analysis of the hero's inner experience allows us to find content that gives the whole story a non-trivial meaning. It is shown that even in relatively small tales by A. P. Chekhov, such as "Volodya the Big and Volodya the Little", "Supruga" ("Spouse"?), "The Witch", fragments of the text can be distinguished in the form of emerging plotlines dominated by either an internal or external point of view, this distinction allows us to identify unexpected semantic intentions. The ideas of Y. M. Lotman, B. A. Ouspensky, R. Barth, E. Husserl, and M. Heidegger are used as a methodological basis.

Keywords: Chekhov's short stories, storyline, internal and external points of view, focalization, existential.

References

1. Abramov Ya. V. *Malye i velikie dela* [Small and Great Deeds] // *Knizhki "Nedeli": ezhemesyachnyj literaturnyj zhurnal* – Books of the Week: a monthly literary magazine. 1896. July.
2. Aristotel'. *Soch. : v 4-h t. T. 4* [Works : in 4 vols. Vol. 4]. M. Mysl' (Thought), 1983.
3. Bart R. *Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov* [Introduction to the structural analysis of narrative texts] // *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.* – Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX–XX centuries. M., Publishing house of Moscow University. 1987. 512 p.
4. Belkin A. *Chitaya Dostoevskogo i Chekhova (Stat'i i razbory)* [Reading Dostoevsky and Chekhov (Articles and analyses)]. M., Hudozh. lit. (Fiction), 1973. 304 p.
5. Bicilli P. M. *Tragediya russkoj kul'tury : issledovaniya, stat'i, recenzii* [The Tragedy of Russian Culture : research, articles, reviews]. M. Rus-skij put' (Russian way), 2000. 608 p.
6. Byalyj G. A. *Chekhov* [Chekhov] // *Istoriya russkoj literatury : v 10 t.* – History of Russian literature: in 10 vols. / Academy of Sciences of the USSR. Institute rus. lit. (Pushkin house). M. ; L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941–1956. T. IX. Literature of the 70–80s. Ch. 2. 1956. 628 p.
7. Gajdenko P. P. *Ekzistencial* [Existential] // *Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. T. 4* – New Philosophical Encyclopedia : in 4 vols. Vol. 4 / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Scientific Fund. 2010. 736 p.
8. Grossman L. P. *Sobranie sochinenij : v 5 t. Tom 4. Mastera slova. Naturalizm Chekhova. Kn-vo "Sovremennye problemy"* N. A. Stollyar [Collected Works : in 5 vols. Vol. 4. Masters of the Word. Chekhov's Naturalism. Book "Modern Problems" N. A. Stollyar]. M. 1928. 346 p.
9. Gusserl' E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii Kniga 1* [Ideas towards a pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book 1]. M. Akademicheskij Proekt, 2009. 489 p.
10. Zhenett Zh. *Figury : v 2-h tomah. Tom 2* [Figures : in 2 vols. Vol. 2]. M. Sabashnikov Publishing House, 1998. 472 p.
11. Kataev V. B. *Proza Chekhova: problemy interpretacii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. M. Moscow State University Publ., 1979. 324 p.
12. Kataev V. B. *Slozhnost' prostoty. Rasskazy i p'esy Chekhova* [The Complexity of Simplicity. Stories and Plays by Chekhov]. M. Moscow State University Publ., 1998. 109 p.
13. Kolesnichenko Yu. V. *Filosofiya lichnosti kak preodolennaya fenomenologiya. VI. Solov'ev i M. M. Bahtin* [Philosophy of Personality as Overcome Phenomenology. VI. Soloviev and M. M. Bakhtin] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2012. No. 1.
14. Kubasov A. V. *Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizacii : monografiya* [A. P. Chekhov's Prose: The Art of Stylization : monograph] / Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 1998. 399 p.
15. Kuzicheva A. P. *Chekhov. Zhizn' "otdel'nogo cheloveka"* [The Life of a "Separate Man"]. M. Molodaya gvardiya (Young Guard). 2010. 566 p.
16. Levitan L. S., Cilevich L. M. *Syuzhet v hudozhestvennoj sisteme literaturnogo proizvedeniya* [Plot in the artistic system of a literary work]. Riga. Zinatne, 1990. 510 p.
17. Lektorskiy V. A. *Opyt* [Experience] // *Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. T. 3* – New Philosophical Encyclopedia : in 4 vols. Vol. 3. M. Mysl', 2010. 692 p.
18. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. M. Gnozis ; Progress, 1992. 272 p.
19. Nenashev M. I. *Svoebrazie pauzy v dramaturgii A. P. Chekhova* [The peculiarities of the pause in the drama of A. P. Chekhov] // *Vestnik Gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2024. No. 1 (33).
20. *Russkie vedomosti* – Russian Vedomosti, 1893, No. 357, 28 December.
21. Sapogov V. A. *Povestvovanie* [Narrative] // *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* – Literary Encyclopedic Dictionary. M. Sov. Enciklopediya (Soviet Encyclopedia). 1987. 752 p.
22. Sartr Zh.-P. *Gryaznymi rukami : p'esy* [With Dirty Hands : plays]. Har'kov. Folio ; M. AST, 1999. 431 p.
23. Solov'ev V. S. *Sochineniya : v 2 t. T. I.* [Works : in 2 vols. Vol. 1]. M. Mysl' (Thought), 1988. 892 p.
24. Stepanov A. D. *Problemy kommunikacii u Chekhova* [Problems of Communication in Chekhov]. M. Yazyki slavyanskoj kul'tury (Languages of Slavic Culture), 2005. 400 p.

25. Stepanov A. D. *Chekhov i Levitan: voprosy tekhniki* [Chekhov and Levitan: Questions of Technology] // *Mir russkogo slova* (The World of the Russian Word). 2020. No. 1.
26. Suhii I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Problems of the poetics of A. P. Chekhov]. L. Publishing house of Leningrad University, 1987. 184 p.
27. Uspenskij B. A. *Poetika kompozicii* [Poetics of composition]. M. Iskusstvo (Art), 1970. 258 p.
28. Florenskij P. A., *priest. Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arheologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology]. M. : Mysl' (Thought), 2000. 446 p.
29. Hajdegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the History of the Concept of Time]. Tomsk. Vodolej (Aquarius), 1998. 384 p.
30. Hajdegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Har'kov. Folio, 2003. 503 p.
31. Halizev V. E. *Syuzhet* [Plot] // *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: Osnovnye ponyatiya i terminy : uch. posobie* [Introduction to literary criticism. Literary work: Basic concepts and terms : teaching aid]. M. Higher school ; Academy, 1999. 556 p.
32. Chaadaev P. Ya. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. M. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (Russian Political Encyclopedia), 2010. 968 p.
33. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Pis'ma : v 12 t. T. 4* [Complete Works : in 30 vols. Letters : in 12 vols. Vol. 4]. M. Nauka (Science), 1976. 656 p.
34. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Pis'ma : v 12 t. T. 6* [Complete Works : in 30 vols. Letters : in 12 vols. Vol. 6]. M. Nauka (Science), 1978. 775 p.
35. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Pis'ma : v 12 t. T. 9* [Complete Works : in 30 vols. Letters : in 12 vols. Vol. 9]. M. Nauka (Science), 1980. 616 p.
36. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Pis'ma : v 12 t. T. 12* [Complete Works : in 30 vols. Letters : in 12 vols. Vol. 9]. M. Nauka (Science), 1983. 640 p.
37. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Sochineniya : v 18 t. T. 7* [Complete Works : in 30 vols. Essay : in 18 vols. Vol. 7]. M. Nauka (Science), 1985. 736 p.
38. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Sochineniya : v 18 t. T. 8* [Complete Works : in 30 vols. Essay : in 18 vols. Vol. 8]. M. Nauka (Science), 1985. 528 p.
39. Chekhov A. P.: *Pro et contra. Tvorchestvo A. P. Chekhova v russkoj mysli konca XIX – nachala XX v. (1887–1914). Antologiya* [Chekhov A. P.: Pro et contra. The work of A. P. Chekhov in Russian thought of the late 19th – early 20th centuries (1887–1914). Anthology]. SPb. Publishing House of the Russian State Institute of Art and History, 2002. 1072 p.
40. Chekhov A. P.: *Pro et contra. Tom 2. Lichnost' i tvorchestvo A. P. Chekhova v russkoj mysli XX v. (1914–1960)* [Chekhov A. P.: Pro et contra. Vol. 2. The personality and work of A. P. Chekhov in Russian thought of the 20th century (1914–1960)]. SPb. Publishing House of the Russian State Institute of Art and History, 2010. 1096 p. Available at: <https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-pro-et-contra-tom-2/p31> (date of access: 24.11.2024).
41. Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's poetics]. M. Nauka (Science). 1971. 292 p.

Поступила в редакцию: 21.03.2025

Принята к публикации: 18.06.2025

Концепция христианской духовности в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» (на материале главы «Крещение»)

Шестакова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (филиал).
Россия, г. Северодвинск. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования стало рассмотрение концепции христианской духовности в романе «Лето Господне» писателя русского зарубежья первой волны эмиграции Ивана Сергеевича Шмелева. Творчество автора находится в поле зрения современного литературоведения. В фокусе внимания исследователя находится глава «Крещение». Основой бытия героев романа является вера в Бога, соотносённость жизни с событиями Священного Писания, подвигами святых. Важным для героев является духовное начало, обращённость ко Господу, преодоление эмпирического существования. Идея христианской духовности, воплощённая в главе «Крещение», проистекает из ориентированности православного человека на образ Христа. Главный духовный вектор шмелевских героев связан с понятиями покаяния, очищения от грехов, спасения души. Мотив неустанный покаяния, потребность в духовном очищении от грехов является ведущим вектором духовного бытия человека. Земной мир, изображённый в главе, оказывается обращён к вечности, Богу. Текст строится с помощью оппозиционного противопоставления земного и бытийственного начал. Эта антиномия воплощается через образно-мотивный ряд и бинарные оппозиции: образ мороза (холода); образ маски; свет/тьма; «ледяная вода»/скалящиеся в огне маски; земная действительность/инобытие. Главным героем романа является ребенок. Взрослый автор-рассказчик «перевоплощается» в своего маленького героя, предоставляя ему возможность воссоздания собственной модели мира. Детский взгляд на мир определяет антропоморфизацию природы, предметно-вещественного мира. Пейзаж предстает в богатстве красоты образов и ассоциаций. Большое значение при моделировании мира детства имеют зрительные и визуальные ощущения, цветовая образность. Все события, изображаемые в главе, сопрягаются с библейскими образами и сюжетами. События из Священного Писания изображаются в настоящем времени. Воспитательная составляющая романа включает осознание необходимости возвращения лика Божиего, уподобления Ему. Основой русского национального характера является твердость духа и вера в Бога.

Ключевые слова: роман, И. С. Шмелев, «Лето Господне», христианская духовность, глава «Крещение», тема человеческой греховности, образ природы.

Целью статьи является рассмотрение особенностей художественного воплощения концепции христианской духовности в романе «Лето Господне» писателя русского зарубежья первой волны эмиграции И. С. Шмелева. Произведение создавалось на протяжении нескольких десятилетий, с 1927 по 1944 г. В центре внимания исследователя находится глава «Крещение», помещённая в первую часть романа. Задачи исследования: 1) дать обзор научно-исследовательских работ, посвящённых роману «Лето Господне», определить актуальность и новизну предпринятого исследования; 2) выявить своеобразие пространственных характеристик образа мира, воссозданного в главе «Крещение»; 3) раскрыть представление автора и героев о грехе и его преодолении, совершающихся в праздник Крещение; 4) проанализировать образно-мотивный и сюжетный ряд текста главы; 5) рассмотреть идею русского национального характера, обозначенную в финале. Сравнительно-исторический, историко-литературный методы, а также принцип целостного анализа идейно-художественной структуры текста легли в основу исследования.

Творчество И. С. Шмелева находится в центре внимания современного литературоведения. В первой четверти XXI в. появились диссертационные исследования Н. И. Пак [11], С. В. Шешуновой [13]. Разные аспекты поэтики И. С. Шмелева рассматривались в монографиях, учебных пособиях, статьях М. М. Дунаева [4], И. А. Есаулова [5; 6], В. Т. Захаровой [7], Е. А. Коршуновой [9], А. М. Любомудрова [10], В. А. Соткова [12]. Обзор научных работ свидетельствует о широком интересе литературоведов к изучению художественного мира писателя, что определяет актуальность нашего исследования. Его новизна обусловлена детальным анализом главы «Крещение». Подробное рассмотрение данного фрагмента текста пока не оказывалось в центре исследовательского внимания. Теоретической основой исследования стали труды

М. М. Дунаева, И. А. Есаулова, В. Т. Захаровой, И. А. Ильина, А. М. Любомудрова, Н. И. Пак, В. А. Соткова, С. В. Шешуновой.

Не только в главе «Крещение», но во всем тексте романа «Лето Господне» И. С. Шмелева доминируют христианские ценности, представления об осмысленности человеческого бытия, пронизанности земного мира Божественной благодатью. Писатель утверждает онтологические основания реальности. В «Лете Господнем» получила развитие идея высшего предназначения человека. Художественной задачей автора явилось раскрытие христианской концепции спасения человека, преобладания духа над бытом, что «проявляется <...> в поэтике произведения» [6, с. 20]. В «Лете Господнем» писатель «запечатлел <...> лик России православной» [11, с. 32].

В основе образа мира в главе «Крещение» лежит принцип бинарной оппозиции: земная действительность / инобытие. Эта миромоделирующая закономерность делает очевидной двойственность человеческой природы. Герои обуреваемы греховными страстями (обман, тщеславие, чрезмерное винопитие). Вместе с тем в них обнажена потребность в покаянии, надежда на помощь Божию в преодолении духовных недугов, твердость в достижении цели. В романе выражен «торжествующий христоцентризм», «ориентация» на Христа как «высший нравственный идеал» [5, с. 235].

Свою жизнь герои соотносят с подвигами святых, которые подверглись страшным пыткам, невозможным для обычного человека: травля хищными зверями, опаление жгучим огнем. Обращение к высокому житийному опыту является обязательной «частью <...> существования» [9, с. 34] шмелевских героев.

Образ мороза (холода) сближается с радостным эмоциональным состоянием героев. Мороз бодрит отца семилетнего Вани – центрального персонажа романа, его наставника Михаила Панкратовича Горкина, приказчика Василия Васильевича Косого. Они повторяют: «Мороз веселит» [14, с. 597]. Мотив холода организует и домашнее пространство ребенка: «ледяной пол» комнаты, «холодный сундук» [14, с. 594]. Природа скована льдом и морозом. Холод – часть святого праздника, без него русскому человеку невозможно представить Крещение.

Автор «перевоплощается в ребенка» [2, с. 135]. И. С. Шмелев «способен объективировать миропонимание» героя, он «освобождает его» от своего диктата [10, с. 228]. «Необычный ракурс изображаемого» находит выражение в «импрессионистическом начале поэтики» романа [7, с. 51].

Мир ребенка – живой: «дрова весело трещат, а когда разгорятся – начинают гудеть и петь»; «весело полыхает печка»; «тени скачут и убегают» [14, с. 594, 596]. Красота природы проявляется в морозных узорах на окошках. Мальк любит «ледяными елочками», которые окрашиваются в икрящийся розовый цвет, блестят, «загораются огнем» [14, с. 595]. Образ розового цвета воплощает представление о радости, чистоте. Образ солнца видится «громоздким огненным шаром», который «висит на сучьях» [14, с. 595]. Антропоморфизация подчеркивает красоту и величественность картины природы.

Весь мир в день Крещения пронизан солнечным светом, его отсвет лежит на окнах, Горкине, Василии Васильевиче. Ребенку свойственно «обратноперспективное мировидение», «выраженное в иконичном сознании», которое в обычном, земном мире видит отражение «жизни <...> более высокой и благой» [9, с. 33]. Мировидение мальчика совершенно иное, нежели у взрослого, его глаза «чисты», в них отражается «небесная» безгрешность [14, с. 34]. Образ Солнца соотносится с образом Бога, эта связь восходит к евангельскому сюжету, когда Иисус говорит: «Я свет миру», Его последователи «будут иметь свет жизни» (Ин. 8:12). Земное пространство пронизывается Божественной благодатью, преображается, эстетизируется. Обычные «бревна сараев и амбара» оказываются окутаны «снежным туманом-инею», оставшаяся с лета «паутинка в дыре сарая» напоминает узор, словно сотканный «из снежных ниток» [14, с. 595]. Богатство ассоциаций (уподобление инея туману, метафорический образ бревен-«стариков», образ снежного кружевного плетения) рождается в детском сознании.

Маски животных надевались героями во время Святков. Святочные обряды связываются с обозначением греховности человеческой природы. Надевая маски, люди обнаруживают свою «животную», греховную натуру. Крещение – время покаяния, отказа от звериной «личины». В детском восприятии маски «оживают»: «тарашчатся», «скалятся» [14, с. 593].

Горкин говорит о необходимости увидеть в маске «харю» – греховную скверну. Он напоминает воспитаннику, что он – подобие Бога, и на собственное лицо не следует «поганое цеплять» [14, с. 593]. Духовное наставничество – одна из ведущих тем романа. Связь образа маски с дьявольским началом становится очевидной в эпизоде сожжения, когда обнаруживается ее

связь с огнем преисподней. Мальчику кажется, будто в «глазах» маски «прыгают языки огня, пышет из пасти жаром» [14, с. 594]. Сжигаемые маски «вспыхивают зеленым пламенем» [14, с. 594]. Символика зеленого цвета здесь сближается с демонической природой. Маски представляют выражением сокрытого в душе человека «зеленого змия» – дьявольского соблазна.

Горкин, соблюдая обычай, начинает умывать мальчику лицо крещенской водой. Он просит, чтобы святая вода «смыла нечистоту» и «осветила душу» и тело [14, с. 596]. Ваня и Горкин общаются как «старец и послушник» [12, с. 59]. Наставник учит, что человек, совершая омовение богоявленской водой, возвращает себе лик Божий, уподобляется Ему.

Оппозиция «ледяная вода» / скалящиеся в огне маски выражает аксеологическое содержание крещенского омовения. Представление о крещенском морозе сближается с идеей святости. Крещенская «ледяная вода» остужает огонь демонических страстей, бушующих в человеческой душе. Отсюда ассоциативная связь чистоты снега с духовной чистотой, а «крепкого льда» [14, с. 596] – с физическим здоровьем.

Контрастность, являющаяся важнейшей составляющей художественного метода писателя, находит выражение в еще одной бинарной оппозиции – свет / тьма. Это противопоставление отражено в афористичной фразе наставника Вани, в котором заключена просьба «совлечь темное» (греховное) и облечься «во светлое» [14, с. 596]. Человек отрывается от земного, обытовленного, и обращается к духовному, высшему, бытийственному. Вместе с тем он отрекается от злого начала в себе, увлеченности грехом. Крещенская вода восстанавливает нарушенное равновесие в человеческой природе, помогает преодолеть ее устремленность к разрушению, хаосу, восстановить гармонию с самим собой и Богом.

Важное значение в речи Горкина, объясняющего смысл праздника Крещения, имеет образ свечи. Старый плотник просит, чтобы после смерти ему дали в руки «крещенскую свечку», и с ней вместе его душа «отойдет» [14, с. 596], выражает представление о свете Божественном, связи со Христом. Этот свет победит тьму демоническую, окружающую человека во время его земного существования и особенно подступающую после смерти. «Свет крещенский» [14, с. 596] осмысливается защитой от темных сил, губительного дьявольского воздействия. Идея победы света и добра, обладающих огромной духовной силой, соотносится с библейским представлением: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). Горкин приводит маленького Ваню к постижению глубокого духовного смысла Богоявления.

Центральным эпизодом главы «Крещение» является купание в «ердани», которое происходит около московского Кремля – сердца России. Прообразом «ердани» (так ее называют в народе) является река Иордан, где, согласно Евангелию, Господь Иисус Христос принял крещение от Иоанна Предтечи. И. С. Шмелев описывает библейские события так, словно они происходят здесь и сейчас. Соединение прошлого и настоящего, отсутствие временной границы с особой очевидностью проявлено в словах Горкина, сообщающего, что «завтра из Кремля крестный ход на реку пойдет», эта вода будет освящена «Животворящим Крестом» [14, с. 594], и он будет окунаться в прорубь, как делали его предки. В этом выражается представление всего русского народа о святом празднике.

Ежегодная повторяемость евангельских событий необычайно важна для православного человека. Мир, погрязший в грехе, носящий «личину» дьявола, возвращается к Богу, обретает богоподобие. Этот путь становится возможен только при помощи Животворящего Креста – символа победы Христа над Злом, адом, дьяволом. Крест осмысливается духовным оружием, которое борется с греховной скверной, освящая падшую природу человека, спасающим его от духовной гибели.

Отсюда проистекает обычай ставить крестики на предметах, вещах, разного рода постройках, включенных в домашнее пространство, делая его сакральным, светлым, чистым. Ваня и Горкин «мелком – снежком» [14, с. 596] помечают сараи, коровник, конюшню, двери дома. Святой водой окропляются не только люди, но и домашние животные. Например, конюх Антипушка «поставил крестики» [14, с. 596] в конюшне. Весь мир освящается, одухотворяется, проникается Божественной благодатью.

Купание в «ердани» изображается сквозь призму детского сознания. Большое значение здесь имеют зрительные, визуальные ощущения, цветовая образность. В тексте показана детская «способность воспринимать мир в богатстве именно чувственных представлений. Колористическая пейзажная картина полна нежных, приглушенных оттенков: «небо позеленело», «забелелась звездочка», «синеватый лед» [14, с. 597]. Эта цветовая палитра характерна для зимнего времени года, «холодные» оттенки отражают состояние мороза, холода, разлитого в природе. Можно говорить о переданном здесь «импрессионистическом мироощущении» [7, с. 50].

Модель мира, выстраиваемая героем-ребенком, включает земной мир. Он представлен пространственными образами (дом, двор, мастерская), ближайшим окружением (отец, Горкин). Однако есть мир инобытийный, «невидимый», который обозначается словом «там» [14, с. 600]. Онтологический, бытийственный план, являющийся ведущей сюжетно-образной основой текста, позволяет интерпретировать цветовую гамму природного мира в ее символическо-христианском значении. Здесь со всей очевидностью находит отражение подход, который определяется как духовный реализм, заключающийся в «духовном осмыслении жизни в рамках секулярной культуры и затем выход за эти рамки, освоение пространства вне душевной сферы бытия, **над** (выделено М. Д.) нею» [4, с. 405].

Для зеленого цвета характерна амбивалентность, является выражением демонического начала и одновременно символизирует «земной путь Иисуса Христа и святых», восходит к «образу рая» [3, с. 1479]. Белый – это «цвет самого Бога, ангелов, святых и праведников», он «означал светоносность, родство с божественным светом» [1, с. 1478–1479]. Синий цвет соотносится с образом неба, святости, Божественной чистоты. «Светлая лента» священников и «голубые певчие» [14, с. 598] дополняют общую картину благодати, проникающей в души людей, охватывающей все пространство. Мир в день Крещения предстает очищенным, Божественно прекрасным.

Сакрализация мира в день Богоявления проявляется и через символику золотого («беседка под золотым крестом», «золотые куличики архиереев – митры») и серебряного («серебряная беседка», «серебряные священники») цветов [14, с. 598]. Святость, духовная чистота заключена и в символике серебряного цвета. С этими цветами близко соприкасается мотив света, блеска, пронизывающего природную картину в крещенское утро.

Собравшаяся для омовения толпа предстает «черной», от «ердани» исходят «черные клубы дыма» [14, с. 599]. Черный цвет здесь выражает «умерщвление греха» [1, с. 15]. Люди приходят к «ердани», чтобы очиститься от тьмы в своей душе. Духовная скверна предстает в визуальном образе черной полыни и черного дыма.

Чрезвычайно важными в модели мира являются ольфакторные ощущения героя. Запахи соединяются с его эмоциональным состоянием. Так, от маски, которая осталась после радостных святочных игр, исходит запах «кислоты и краски», что-то «веселое, чем пахнут Святки» [14, с. 594]. От кутьи, вкушаемой в крещенский сочельник, исходят запахи ладана и меда. Подчеркивается, что это «священная» еда, то есть она выражает сакральность окружающего мира, его освящение, одухотворение во время святого праздника.

Отдельным эпизодом в главе «Крещение» предстает соперничество между немцем Ледовиком Карловичем и Василием Васильевичем. Горкин упоминает, что подобный «поединок» уже состоялся ранее и привел к смерти Мартына-плотника, которого погубил «завор» [14, с. 594]. Мартын уповал только на свои силы, тщеславился, гордился. Поэтому немец, «полувер» («Он во Христа признает, а не по-нашему») [14, с. 594], смог его одолеть.

Посрамлено оказалось и достоинство русского человека, что особенно тревожило Василия Васильевича. В этом образе воплощены черты «русского, исторически сложившегося душевного и духовного уклада» [8, с. 136]. Текст И. С. Шмелева демонстрирует близкую связь с фольклорными жанрами [13]. Фольклор соприкасается с идеей национальных истоков. Связь Василия Васильевича со сказочными, былинными мотивами проявляется в упоминании трех лет, в течение которых он вступает в поединок с чужаком, иноверцем – немцем. Сначала побеждал противник: «<...> его немец пересидел» [14, с. 594–595]. Косой действует не только как русский богатырь, но и как сказочный герой, проявляющий смекалку и находчивость. Он узнал, что немец хитрит, «свиным салом натирается», и решает в ответ натереть тело гусиным салом, потому что «гусиным уши натри – нипочем не отморозишь» [14, с. 599].

Однако прежде всего в основе победы русского приказчика лежит твердое упование на помощь Божию. Василий Васильевич несет в своей душе свет Господа. Описывая его, Ваня несколько раз повторяет, что в лице русского богатыря отражает «огонь», т. е. «горячая кровь» [14, с. 595, 597]. В русском верующем христианине заключен особый дух – огонь Божий, и это понимание отражено в Евангелии: «И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:15–16). Победа Василия Васильевича – это победа духа над телом, православия над еретической религией Ледовика Карловича, прославление Христа, веры русского человека, твердости и силы его характера. В поединке принимал участие и простой солдат, который «телом вытерпел» [14, с. 599]. Речь идет о соби-

рательных чертах русского характера, его духовной мощи.

Современное шмелеведение активно развивается, пополняясь новыми исследованиями. Внимание ученых прежде всего обращено к рассмотрению произведений, относящихся к вершинным творениям писателя, в которых поднимаются важнейшие вопросы бытия, смысла человеческого существования, взаимоотношений человека и мира, человека и Бога. Глубина проблематики романа «Лето Господне», специфика образно-мотивной системы, языковой стихии произведения представляет собой неисчерпаемый источник для научных изысканий. Несомненно, каждая глава романа требует тщательного, детального анализа. Глава «Крещение», как и произведение в целом, пронизано идеей христианской духовности, составляющей, на взгляд И. С. Шмелева, основу бытия дореволюционной России, русского характера, мировосприятия и миропостижения русского человека. Взгляд автора и его героев непрерывно обращен к Богу, они всегда устремлены к духовному, бытийственному началу. Шмелевским героям свойственна неустанная потребность в покаянии, духовном очищении от греха. Земной мир обращен к вечности, Богу. Оппозиция земного и бытийственного пространств в тексте реализуется через образно-мотивный ряд и бинарные оппозиции: образ мороза (холода); образ маски; свет/тьма; «ледяная вода»/скалящиеся в огне маски; земная действительность/инобытие. Крещение осмысливается временем очищения, покаяния, духовного обновления, отказа человека от внутренней звериной «личины». Главным героем произведения является ребенок. Автор прибегает к приему «перевоплощения» в своего героя, предоставляя ему возможность воссоздания собственной модели мира. Отсюда антропоморфизация пейзажа, предметов, вещей. Природа предстает в богатстве красоты образов и ассоциаций. Большое значение при структурировании мира детства имеют зрительные, визуальные ощущения, цветовая образность. Важной составляющей шмелевской поэтики является то, что в мире земном ребенок прозревает духовное начало. Все события воспринимаются в тесной связи с библейскими образами, сюжетами. События из Священного Писания изображаются в настоящем времени. Основой русского национального характера является твердость духа и вера в Бога. Перспективой дальнейших научных разработок может стать анализ других глав романа «Лето Господне» и обобщение фрагментарных наблюдений.

Список литературы

1. Бычкова Е. М. Символика и образы цвета и света в сакральном искусстве Москвы XIV – первой половины XVI вв. : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2007. 29 с.
2. Галимова Е. Ш. Произведения, созданные русскими писателями в эмиграции // Поэтика повествования русской прозы XX века (1917–1985). Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2002. С. 130–152.
3. Григорьева Э. И. Анализ развития цветовой символики в христианской культуре // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2 (6). С. 1476–1480.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2009. 512 с.
5. Есаулов И. А. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции // Новый мир. 1992. № 10. С. 232–242.
6. Есаулов И. А. Поэтика русского мира Ивана Шмелёва // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. С. 7–38. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12442.
7. Захарова В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева. Нижний Новгород : Мининский университет, 2015. 106 с.
8. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. Мюнхен : Типография обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 1959. 196 с.
9. Коршунова Е. А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева. Харьков : ФОП Бровин, 2013. 216 с.
10. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
11. Пак Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева : дис. ... докт. филол. наук. М., 2004. 344 с.
12. Сотков В. А. Специфика образ героя праведника в творчестве И. С. Шмелева (на материале дилогии «Лето Господне» и «Богомолье») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62) : в 2 ч. Ч. 1. С. 57–61.
13. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе (П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын) : дис. ... докт. филол. наук. Дубна, 2006. 42 с.
14. Шмелев И. С. Собрание сочинений в одной книге. М. : Бертельсманн Медиа Москау, 2013. 832 с.

The concept of Christian spirituality in the novel by I. S. Shmelev "Summer of the Lord" (based on the chapter "Baptism")

Shestakova Elena Yurievna

PhD of Philological Sciences, associate professor of Literature and Russian Language Department
of the Humanitarian Institute, Northern (Arctic) Federal University n. a. M. V. Lomonosov (branch).
Russia, Severodvinsk. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study was to examine the concept of Christian spirituality in the novel "Summer of the Lord" by the writer of the Russian diaspora of the first wave of emigration Ivan Sergeevich Shmelev. The author's work is in the field of view of modern literary criticism. The focus of the researcher is the chapter "Baptism". The basis of the existence of the heroes of the novel is faith in God, the correlation of life with the events of the Holy Scripture, the exploits of the saints. The spiritual beginning, turning to the Lord, overcoming empirical existence are important for the heroes. The idea of Christian spirituality, embodied in the chapter "Baptism", stems from the orientation of an Orthodox person to the image of Christ. The main spiritual vector of Shmelev's heroes is associated with the concepts of repentance, cleansing from sins, salvation of the soul. The motive of tireless repentance, the need for spiritual cleansing from sins is the leading vector of human spiritual existence. The earthly world depicted in the chapter turns out to be turned to eternity, God. The text is constructed using the oppositional contrast of the earthly and existential principles. This antinomy is embodied through a series of figurative and motivic images and binary oppositions: the image of frost (cold); the image of a mask; light/darkness; "icy water"/masks grinning in the fire; earthly reality/otherworldly existence. The main character of the novel is a child. The adult author-narrator "reincarnates" into his little hero, giving him the opportunity to recreate his own model of the world. A child's view of the world determines the anthropomorphization of nature, the world of objects and things. The landscape is presented in a wealth of beautiful images and associations. Visual and visual sensations, color imagery are of great importance in modeling the world of childhood. All the events depicted in the chapter are associated with biblical images and plots. Events from the Holy Scripture are depicted in the present tense. The educational component of the novel includes awareness of the need to return to the face of God, to become like Him. The basis of the Russian national character is fortitude and faith in God.

Keywords: Roman, I. S. Shmelev, "Summer of the Lord", Christian spirituality, chapter "Epiphany", theme of human sinfulness, image of nature.

References

1. Bychkova E. M. *Simvolika i obrazy cveta i sveta v sakral'nom isskustve Moskvy XIV – pervoj poloviny XVI vv. : diss. ... kand. iskusstvovedeniya* [Symbolism and images of color and light in the sacred art of Moscow in the 14th – first half of the 16th centuries : diss. ... PhD in art history]. M. 2007. 29 p.
2. Galimova E. Sh. *Proizvedeniya, sozdannye russkimi pisatelyami v emigratsii* [Works created by Russian writers in exile]. *Poetika povestvovaniya russkoi prozy XX veka (1917–1985) : uchebnoe posobie* [Poetics of narration in Russian prose of the 20th century (1917–1985) : tutorial]. Arkhangelsk. Pomor State University n. a. M. V. Lomonosov, 2002. Pp. 130–152.
3. Grigor'eva E. I. *Analiz razvitiya tsvetovoi simvoliki v khristianskoi kul'ture* [Analysis of the development of color symbolism in Christian culture] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* – News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vol. 13. No. 2 (6). Pp. 1476–1480.
4. Dunaev M. M. *Pravoslaviye i russkaya literatura: uchebnoe posobie dlya dukhovnykh seminarii* [Orthodoxy and Russian literature]. Textbook for theological seminaries. Sergiev Posad. Moscow Theological Academy Sergiev Posad, 2009. 512 p.
5. Esaulov I. A. *Prazdniki. Radosti. Skorbi. Literatura russkogo zarubezh'ya kak zavershenie traditsii* [Holidays. Joy. Sorrow. Literature of the Russian Abroad as the completion of a tradition] // *Novyi mir* – New world. 1992. No. 10. Pp. 232–242.
6. Esaulov I. A. *Poetika russkogo mira Ivana Shmeleva* [Poetics of the Russian world by Ivan Shmelev] // *Problemy istoricheskoi poetiki* – Problems of historical poetics. 2023. Vol. 21. No. Pp. 7–38. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12442.
7. Zakharova V. T. *Poetika prozy I. S. Shmeleva* [Poetics of prose by I. S. Shmelev]. Nizhny Novgorod. Minin University. 2015. 106 p.
8. Il'in I. A. *O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoi kritiki. Bunin – Remizov – Shmelev* [About darkness and enlightenment. Book of art criticism. Bunin – Remizov – Shmelev]. Munich. Printing house of the monastery of St. Job Pochaevsky in Munich. 1959. 196 p.
9. Korshunova E. A. *Mezhdru klassikoi i modernom: traditsiya i intertekstual'nost' v poetike prozy Ivana Shmeleva: monografiya* [Between classics and modernity: tradition and intertextuality in the poetics of Ivan Shmelev's prose]. Kharkov. FOP Brovin Khar'kov. 2013. 216 p.

10. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyi realizm v literature russkogo zarubezh'ya* : B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev [Spiritual realism in Russian literature abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. SPb. Dmitry Bulanin. 2003. 272 p.
11. Pak N. I. *Traditsii drevnerusskoi literatury v tvorchestve B. K. Zaitseva i I. S. Shmeleva* : diss. ...d-ra filol. nauk [Traditions of Old Russian literature in the works of B. K. Zaitsev and I. S. Shmelev : diss. ... Doctor of Philological Sciences]. M. 2004. 344 p.
12. Sotkov V. A. *Spetsifika obraz geroya pravednika v tvorchestve I. S. Shmeleva (na materiale dialogii "Leto Gospodne" i "Bogomol'e")* [Specificity of the image of the hero of the righteous in the works of I. S. Shmelev (based on the material of the dialog "Summer of the Lord" and "Praying Mantis")] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2016. No. 8 (62). Ch. 1. Pp. 57–61.
13. Sheshunova S. V. *Natsional'nyi obraz mira v russkoi literature (P. I. Mel'nikov-Pecherskii, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenitsyn)* : diss. ... d-ra filol. nauk [National image of the world in Russian literature (P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenitsyn) : diss. ... Doctor of Philological Sciences]. Dubna. 2006. 42 p.
14. Shmelev I. S. *Sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete Works in one volume]. M. Bertelsmann Media Moscow, 2013. 832 p.

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Принята к публикации: 29.04.2025

УДК 821.161.1.09"17"

EDN: ZDJLVA

Драматургические интерпретации предания об установлении в Новгороде власти Рюрика в пьесах Я. Б. Княжнина и Екатерины II

Батина Дарья Владимировна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения факультета филологии
и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0009-0000-7262-9981. E-mail: batina.darya2014@yandex.ru

Аннотация. Статья обращена к актуальным вопросам осмысления отечественной истории и проблеме значимости государственной власти в становлении и развитии России. Автор статьи анализирует драматургическую интерпретацию древнерусского предания об установлении власти Рюрика в Новгороде в пьесе Екатерины II «Из жизни Рюрика» и в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Целью исследования является анализ представленных в пьесах подходов к проблеме власти через обращение к летописным сюжетам и персонажам. Автор доказывает, что Екатерина II и Я. Б. Княжнин не стремятся воспроизвести точные исторические события IX века и по-разному трактуют предание о призвании варягов в своих пьесах. Императрица представляет Вадима честолюбцем, признавшим свои ошибки и подчинившимся Рюрику. Таким образом она выражает свой взгляд на русский национальный характер, подчеркивая, что одним из главных качеств русского народа является послушание вышестоящим лицам. Я. Б. Княжнин сосредоточил внимание на эпизоде восстания Вадима и других новгородцев против власти Рюрика. Он вложил в уста персонажей рассуждения о самодержавии и представил различные политические взгляды. В трагедии Я. Б. Княжнина звучат как идеи, поддерживающие справедливую единодержавную власть, так и идеи, отрицающие власть самодержца, лишаящего народ волю. Для каждого из драматургов древнерусский сюжет является средством передачи различных политических взглядов. Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем изучении трактовок древнерусских преданий в литературе и исторической науке, а также в практике преподавания истории русской литературы XVIII в.

Ключевые слова: русская драматургия XVIII в., историческая пьеса, классицистическая трагедия, варяжский вопрос.

Масштабные изменения XVIII столетия, как отмечал Г. П. Макогоненко, требовали осмысления многовекового опыта русского народа. В связи с этим стал развиваться интерес к отечественной истории. Так, Петр I, осознав необходимость создания «фундамента» для развития патриотизма, потребовал издать книгу, в которой была бы кратко изложена история страны, и ради этого приказал собирать летописи [8, с. 8]. Благодаря все увеличивавшемуся интересу к прошлому в течение всего века самые разные люди собирали ценнейшие документы, создавали исторические труды, разрабатывали теоретические проблемы истории [8, с. 9]. Конечно, русские писатели не могли остаться в стороне. Г. П. Макогоненко выделяет заслуги А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина, внесших большой вклад в изучение истории России [8, с. 9]. Художественная литература XVIII в. также часто обращается к истории. Как отмечает Г. В. Москвичева, русская литература в поисках истинного героя эпохи обращается к «героическим страницам» прошлого страны, где она находит людей, руководствовавшихся заботой об Отечестве, любовью к нему, стремлением усилить государство, сделать его более могущественным [9, с. 14]. Так, например, трагедия М. В. Ломоносова «Тамара и Селим» тесно связана с историей Куликовской битвы, а прототипами персонажей трагедии А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» были действительно существовавшие исторические лица. Г. В. Москвичева отмечала интерес русской классицистической трагедии к проблемам общенационального значения [9, с. 73].

Одной из таких проблем можно назвать проблему выбора пути развития страны. На протяжении своего существования Россия неоднократно сталкивалась с необходимостью выбора направления дальнейшего развития. Поскольку выбор, осуществленный без учета текущего состояния множества различных аспектов, без учета ошибок и достижений прошлого может быть опасен, обостряющиеся в такие периоды общественные дискуссии затрагивают, как правило, не только представления о будущем, но и взгляд на прошлое, в том числе и весьма далекое.

Одним из предметов таких дискуссий является варяжский (варяго-русский) вопрос. Так принято называть несколько тесно связанных между собой проблем, среди которых проблема определения этноса и родины варягов и варяжской Руси, проблема происхождения названия русского народа, а также проблема призвания варягов и их роли в появлении и развитии государственности у восточных славян [17, с. 4]. В данном исследовании мы обращаемся к последней проблеме.

Рассмотрим описание сюжета о призвании варягов в летописях.

Стоит отметить, что речь идет о событиях, произошедших задолго до появления кириллицы, их участников на момент создания летописей не было в живых, поэтому в летописях не очень много говорится о том периоде. В «Повести временных лет» рассказывается о призвании на княжение братьев из варяжского племени на Русь [12, с. 214–215]. В Никоновской летописи упоминается Вадим Новгородский [7, с. 9].

В соответствии с «Повестью временных лет» часть древнерусских племен на 859 г. платила дань варягам, другая часть – хазарам. В 862 г. варягов изгнали, но затем начались княжеские распри: *«и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собой»* [12, с. 214]. В результате они приняли решение призвать на помощь князя, который бы мог их рассудить. Они обратились к варягам, называвшимся русью. «Избрались» три брата. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус – на Белоозере, Трувор – в Изборске. Через два года братья Синеус и Трувор умерли, их владения перешли Рюрику, который стал раздавать города «своим мужам». После смерти Рюрика княжение перешло его родственнику Олегу [12, с. 214–216].

В Никоновской летописи также содержится сообщение об изгнании варягов, однако это событие относится к 859 г. После изгнания варягов начались усобицы, и вскоре было решено призвать князя, который бы мог навести порядок. Согласно Никоновской летописи, в 864 г., за год до смерти Синеуса и Тривора, возмутились недовольные Рюриком и его родственниками новгородцы. В этой летописи упоминается о том, что в том же году Рюрик убил Вадима и расправился с многими его *«советниками»* [7, с. 9].

Этот период привлек внимание драматургов XVIII в. Хотя (как уже отмечалось) интерес к прошлому развивался в течение всего века, ближе к концу столетия складываются еще более благоприятные условия для интересующихся ранним периодом русской истории. Это происходит благодаря восприятию западных тенденций, актуализировавших интерес к прошлому национальной культуры, о котором может свидетельствовать успех мистификаций Макферсона, а также благодаря общему состоянию русской исторической науки [14, с. 96–97]. Так, к концу века появились исторические труды М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, А. И. Манкиева, достоянием науки стали «Русская правда» Ярослава Мудрого, «Завещание» Владимира Мономаха и другие исторические документы. Все это способствовало росту национального самосознания. Появился интерес – в первую очередь со стороны придерживающейся просветительской идеологии оппозиции – к проблеме национального характера. Так, Д. И. Фонвизин, обращаясь к анонимному автору «Былей и небылиц», задает вопрос: *«В чем состоит наш национальный характер?»* [1, с. 166]. Екатерина II на это ответила, что он заключается *«в остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей от творца человеку данных»* [1, с. 166]. И в подтверждение своих слов императрица пишет пьесу о событиях глубокой древности, связанных с призванием Рюрика на княжение.

В 1786 г. Екатерина II издала пьесу под названием «Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика». Императрица решила отказаться от «феатральных обыкновенных правил», т. е. от необходимости соблюдать нормы классицистической трагедии, стремясь создать пьесы, подобные историческим хроникам Шекспира. В основе сюжета трагедии лежит предание о призвании варягов. В пьесе присутствуют персонажи, в летописях не упоминавшиеся. Таких персонажей более 10 – например, княживший до Рюрика Гостомысл, который в начале пьесы Екатерины II еще жив. Он не просто упоминается в пьесе, а является одним из действующих лиц, с его слов начинается пьеса. Как отмечал Ю. В. Стенник, историческая концепция, характеристика Гостомысла, родословная Рюрика и описание его действий после прихода на Русь взяты Екатериной из ее же «Записок касательно российской истории» [14, с. 100]. У Екатерины II Рюрик, Синеус и Трувор – внуки русского князя Гостомысла, дети средней его дочери. Вадим у Екатерины II – сын младшей дочери Гостомысла и, следовательно, двоюродный брат призванных князей. Призвание варягов у Екатерины II – последняя воля Гостомысла, исполнить которую он поручает новго-

родским посадникам и воеводе. Он объясняет, почему нужно обратиться к ним: каждый из собравших им старейшин *«по своей мысли и прихоти править и судить»*, *«правление земель и дѣль медлится, отъ того и разореніе Великому Новуграду воспослѣдовать можетъ»* [3, с. 299]. Гостомысл видит, что между старейшинами нет согласия, говорит, что они не могут *«сами собою править»* [3, с. 299]. Вадиму же он оставил его собственные *«славянскія маестности»* [3, с. 300]. Слово «маестность» в современном языке не употребляется, но раньше оно, как отмечено в Толковом словаре Д. Н. Ушакова, имело значение «поместье, имение» [16].

Недовольный тем, что ему достались лишь славянские земли и что ему придется подниматься варягам, Вадим после смерти Гостомысла предпринимает неудачную попытку поднять восстание. Рюрик, несмотря на то, что Вадим был зачинщиком восстания и виновен перед ним, видит в своем двоюродном брате не врага, а человека, обладающего полезными для государства достоинствами, такими как предприимчивость, бодрость духа, неустрашимость и *«прочія изъ того истекающія качества»* [3, с. 338]. Рюрик считает, что Вадим может вновь собрать славян, которые бежали к Киеву, поэтому предлагает Оскольду сделать Вадима своим помощником. Вадим не противится воле Рюрика и обещает быть верным ему [3, с. 338].

Ю. В. Стенник заметил, что в пьесе Екатерины нет даже намека на возможность существования вече: Новгородом изначально правит князь, которому повинуются все старейшины, посадники, новгородские бояре и воевода [14, с. 100–101]. Вадим, являющийся младшим двоюродным братом призванных князей, представлен очень честолюбивым и своевольным человеком. Он поднимает восстание лишь затем, чтобы самому стать единоличным правителем.

Тема Вадима Новгородского, пытавшегося поднять восстание, начала привлекать внимание и других авторов. В своеобразную полемику с императрицей вступает драматург, поэт и переводчик Я. Б. Княжнин, автор трагедии «Вадим Новгородский».

Я. Б. Княжнин, как и Екатерина II, не пытается сделать свою трагедию полностью соответствующей летописям. Исследователи отмечают, что для трагедий XVIII в. характерно осовременивание героев прошлого, их идеалов. Классицисты считали, что идеи, правящие миром, вечны. Поэтому при создании трагедий классицисты пытались «объяснить настоящее с позиций вечных и неизменных истин» [11, с. 108]. В его пьесе также присутствуют не упоминавшиеся в летописях персонажи. Но, в отличие от пьесы Екатерины II, действие «Вадима Новгородского» происходит уже после призыва Рюрика на княжение. В трагедии имя этого персонажа – Рурик, поэтому далее при анализе пьесы Я. Б. Княжнина мы будем использовать написание, данное автором трагедии. Рассмотрим, в чем различие конфликта Рурика и Вадима в трагедии Я. Б. Княжнина по сравнению с пьесой Екатерины II. Вернувшийся с войны в Новгород Вадим не принимает перемены, связанные с деятельностью Рурика, несмотря на то, что власть Рурику передал Гостомысл и народ, уставший от междоусобиц, признал его. Для Вадима оказалась неприемлемой ситуация, в которой вельможи добровольно преклонились перед царем, потеряв свободу.

Если в пьесе Екатерины II Вадим выступает против Рюрика, желая завладеть властью в Новгороде, то у Я. Б. Княжнина суть конфликта в другом – Вадим принципиально против самодержавной власти и не может видеть *«вельмож, утративших свободу, / Во подлой робости согбенных пред царем / И лобызающих под скиптром свой ярем»* [4, с. 255]. Вадим в трагедии Я. Б. Княжнина находит сторонников Вигора и Пренеста, готовых поднять восстание, и обещает отдать свою дочь тому, имеет *«душу кто не рабску, благородну, / Стремясь отечества к спасенью мне вослед / И жизни не щадя, всех смертных превзойдет»* [4, с. 257]. В отличие от пьесы Екатерины II, у Я. Б. Княжнина показан конфликт Вадима с новгородским народом. Народу нравится Рурик, дочь Вадима Рамида также не понимает, как можно не любить *«спасителя граждан, / Который от богов к отраде смертным дан; / Который, прекратя общественные стоны, / Отрекся здесь ему представленной короны; / Который, умолен народа током слез, / Небесны благости с собой на трон вознес»* [4, с. 268]. Таким образом, Вадим оказывается не понят ни народом, ни своей дочерью, хотя Рамида согласна повиноваться отцу. Как и в пьесе Екатерины II, в трагедии Я. Б. Княжнина Вадим терпит поражение: тех, кто поднял восстание, быстро разгромили. Как и в пьесе императрицы, одержавший победу монарх проявляет милосердие к побежденному. Но Вадим не собирается «прельщаться» этим: он готов отречься от впавшего, по его мнению, в раболепие отечества и от своей дочери, предавшей «порочной» любви... Однако Рамида доказывает отцу, что она не заслуживает его презрения: она закалывает себя. Вадим восхищается дочерью, совершившей, по его мнению, геройский поступок. Несмотря на провал восстания, он не признает нравственной победы Рурика. Перед тем как заколоться вслед за сво-

ей дочерью, он торжествующе спрашивает новгородского князя: *«В середине твоего победоносна войска, / В венце, могущий все у ног твоих ты зреть, – / Что ты против того, кто смеет умереть?»* [4, с. 303]. По мнению Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова, Вадим, несмотря на поражение в сражении, одержал «моральную победу» [10, с. 84].

Хотя пьеса завершается смертью Вадима, в его речи и в речи персонажей, являющихся его сторонниками, содержится немало тирад, направленных против власти самодержца, которым, как они были уверены, и был Рурик. Вигор ждет времени, когда трон будет *«низвержен, сокрушен»*, когда *«отрадный луч вольности проглянет»* [4, с. 284]. Пренест говорит о *«горести самодержавна царства»*: он призывает не терять бдительности и не обманываться кажущимся благополучием, которого добился самодержавный правитель: *«Великодушен днесь он, кроток, справедлив, / Но, укрепя свой трон, без страха горделив, / Коль чтит законы днесь, во всем равняясь с нами, / Законы после нас и все попрет ногами!»* [4, с. 271]. *«Кто не был из царей в порфире развращен?»* – задается вопросом Пренест [4, с. 271]. Вадим и его союзники, верные своему долгу, могут вызвать у читателей или зрителей уважение, восхищение их преданностью, а следовательно, и положительно воспринять их высказывания, смысл которых перекликается с окружающей действительностью. Г. А. Гуковский сравнивал тирады Вадима и его сторонников с революционными прокламациями: «Сам Княжнин имел в виду в своей пьесе, конечно, не девятый век, а восемнадцатый, и в речах своих республиканцев обращался прямо к соотечественникам и современникам» [2, с. 363]. «Трагедия «Вадим Новгородский» – мужественный подвиг борьбы с всевластной тиранией», – считает Г. А. Гуковский [2, с. 363].

Ю. В. Стенник также отмечает смелость драматурга в насыщении трагедии антисамодержавными тирадами [14, с. 695]. Однако при этом он считает, что антииранические речи, высказанные в пьесе Я. Б. Княжнина, еще не значат, что трагедия была направлена против идей самой императрицы [15, с. 108]. Идеология императрицы (просвещенный абсолютизм), которую в пьесе выражает Рурик, сталкивается с республиканской идеологией Вадима, а автор стремится объективно их представить. Так, он не изображает Рурика жестоким. Наоборот, он утверждает, что Рурик – воплощение идеального монарха. Народ любит его: когда Рурик говорит о том, что согласен отказаться от власти, если того хотят его подданные, народ становится перед ним на колени, показывая, что он признает его своим правителем. Сам Рурик объясняет, почему он стал править, так: *«Начав благодворить, был должен довершить. / Отверженную мной я принял здесь корону, / Чтоб вашему для вас потворствовать закону»* [4, с. 299]. Он не понимает, почему Вадим решил восстать против него: *«Единой правды чтя священнейший устав, / Я отнял ли хотя черту от ваших прав?»* [4, с. 299]. Рурик – по его словам – боролся против восставших лишь потому, что хотел соответствовать ожиданиям людей, прежде доверивших ему трон. Но, одержав победу, он готов уступить свое место Вадиму, если того пожелает народ: *«Вы можете венец в ничто преобразить / Иль оный на главу Вадима возложить»* [4, с. 301]. Вадим Новгородский – сторонник республиканской идеологии, которая отвергала единовластную форму правления. Его действия продиктованы любовью к родной земле: несколько лет он воевал, чтобы защитить ее, а затем стремится вернуть ее гражданам утраченную вольность. Ради этого Вадим согласен пожертвовать многим: он готов и отдать свою жизнь, и отдать свою дочь в жены (вопреки ее воле) тому, кто сможет помочь ему добиться цели. «Спасти» отечество для него – дело чести, и, потерпев неудачу, Вадим желает умереть, чтобы избавиться от позора и чувства стыда: *«Не оставляй меня ты гнусну жизнь нести! / Минута каждая, миг каждый мне – позорны»* [4, с. 297]. Выход из своего положения Вадим видит лишь в самоубийстве.

Ю. В. Стенник, автор раздела «Интерес к истории. Новые веяния в драматургии (Княжнин)» в 4-томной «Истории русской литературы», подчеркивает, что Княжнин, искренне сочувствуя отстаивающему республиканские идеалы Вадиму, не менее искренне верил в концепцию просвещенного абсолютизма. По его мнению, в сознании драматурга эти противоположные идеалы были равноценны [15, с. 694].

А. М. Ранчин считает, что трагедия Княжнина – «манифест антиреспубликанских идей», которая лишь по «жестокой иронии» была причислена к оппозиционной словесности [13, с. 55]. Он замечает, что Рурик в пьесе показан более человеческим, чем «героический фанатик идеи» Вадим [13, с. 48]. Идея, по мнению А. М. Ранчина, превращает Вадима в тирана по отношению к дочери [13, с. 47]. Вадим ничуть не сомневается, что Рамида поступит так, как того требует ее долг – долг дочери, а позже, узнав, что она любит Рурика, невзирая на ее чувства, просит ее поклясться в том, что она станет «наградой» тому, *«за вольность общества кто паче всех герой»* [4, с. 270]. Хотя А. М. Ранчин признает, что «непреклонность и каменная твердость» Вадима «способны восхищать или, скорее, изумлять», они же «отталкивают и ужасают» [13, с. 48].

Несмотря на уже начавшиеся репетиции спектакля, Я. Б. Княжнин принял решение забрать пьесу из театра [5, с. 56]. В 1791 г. он умер. Спустя два года после его смерти, в 1793 г., пьеса была напечатана: один из опекунов детей Я. Б. Княжнина продал эту пьесу и несколько других произведений драматурга книгопродавцу И. П. Глазунову, а тот передал «Вадима Новгородского» в типографию Академии Наук. Ее президент Е. Р. Дашкова решила опубликовать трагедию [6, с. 729–730]. Однако в разгар Великой французской революции «Вадим Новгородский», насыщенный тираноборческими тирадами, не мог не вызвать возмущения и опаски со стороны официальных властей. Екатерина II лично приказала изъять и уничтожить все экземпляры трагедии, а также провести следствие, чтобы выяснить, почему она была издана. Трагедию смогли снова опубликовать лишь в 1871 г., при этом из нее пришлось убрать несколько строк с негативной характеристикой самодержавия («*Самодержавие, повсюду бедоделитель...*» [4, с. 271]). Позднее ее еще несколько раз публиковали, но с подлинным текстом трагедии читатели смогли ознакомиться лишь в 1937 г., когда был напечатан составленный Г. А. Гуковским сборник «Русская литература XVIII века» [6, с. 733].

Как отмечает Л. И. Кулакова, трагедия многим пришлась не по душе: о ней неодобрительно отзывались издатели А. И. Клушин и Н. Е. Струйский [6, с. 733–734]. В то же время у трагедии было немало поклонников. Например, А. Ф. Воейков, написавший о ней стихотворение. Он называет «Вадима Новгородского» своей любимой трагедией. Главных персонажей он сравнивает с Цезарем и Брутом, судьбу обоих считает славной и в то же время ужасной, а их борьбу – нерешенной [6, с. 734].

Запрет трагедии и сложившаяся вокруг Княжнина легенда на долгое время сделала «Вадима Новгородского» «знаменем оппозиционного свободомыслия» [14, с. 106]. Поскольку ее невозможно было опубликовать, она распространялась в списках. Л. И. Кулакова в примечаниях к трагедии упоминает слова С. Т. Аксакова, который говорил, что трагедия была очень популярна среди его товарищей по Казанскому университету. И он со своими товарищами – молодежь 1800-х гг., и старшее поколение читателей ценили «Вадима Новгородского» не только за то, что она была запрещена, но и за множество «смелых, глубоких мыслей, резких истин и сильных стихов» [6, с. 734–735]. К образу главного героя обращались А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, а тема проповедуемой им вольности стала очень популярна в романтической поэзии, особенно среди декабристов [6, с. 734–735].

Таким образом, обратившиеся в своих драматургических произведениях к древнерусскому преданию об установлении в Новгороде власти Рюрика Екатерина II и Я. Б. Княжнин по-разному подошли к использованию предания о призвании варягов в своих пьесах. Екатерина II, выведя приглашенных варягов как законных правителей и представив Вадима стремящимся к власти честолюбцем, выразила свой взгляд на русский национальный характер, подчеркнув, что одним из главных качеств русского народа является послушание вышестоящим лицам. Я. Б. Княжнин сосредоточил внимание на эпизоде восстания, а не призвания варягов. Это позволило ему вложить в уста персонажей рассуждения о самодержавии и представить различные политические взгляды. С одной стороны, герои выражают положительное отношение к Рурику, установившему справедливые законы в Новгороде. С другой – Вадим и его сторонники негативно высказываются о власти Рурика, которого воспринимают как самодержца, ограничивающего свободу новгородских граждан. Такая двойственность позволяет исследователям давать пьесе Я. Б. Княжнина самые противоположные оценки. Эта трагедия может трактоваться и как антисамодержавная тираноборческая пьеса, и как антиреспубликанское произведение. В обоих случаях – и в трактовке Екатерины II, и в подходе к древнерусскому преданию Я. Б. Княжнина – можно отметить весьма вольное обращение драматургов с историческими фактами. Они не ставят перед собой цели воспроизвести реальную историческую ситуацию, обращение к историческим событиям и лицам становится для них способом выразить взгляды на проблему взаимоотношения самодержавной власти и народа.

Список литературы

1. Вопросы и ответы с приобщением предисловия // Собеседник любителей российского слова: содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. Ч. 3. СПб. : изданием Императорской Академии наук, 1783. С. 160–166. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000026939/ (дата обращения: 18.02.2025).
2. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века : учебник для высших учебных заведений. М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 526 с.

3. Екатерина II. Историческое представление, изъ жизни Рюрика. Подражание Шакеспиру, безъ сохранения театральныхъ обыкновенныхъ правилъ // Полное собрание сочинений русскихъ авторов. Сочинения императрицы Екатерины. Т. 1. Драматические сочинения. СПб. : Имп. Акад. наук, 1849. С. 299–337 URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1331193/ (дата обращения: 24.02.2025).
4. Княжнин Я. Б. «Вадим Новгородский» // Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1961. С. 249–304.
5. Кулакова Л. И. Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина. Вступительная статья // Я. Б. Княжнин Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1961. С. 5–57.
6. Кулакова Л. И. Комментарии: Княжнин. Вадим Новгородский // Я. Б. Княжнин Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1961. С. 729–737.
7. Лѣтописный сборникъ, именуемый Патріаршею или Никоновскою лѣтописью // Полное собрание русскихъ лѣтописей. СПб. : Издание Археографической комис., 1862. Т. 9. 256 с.
8. Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Сб. 13: XVIII век. Л., 1981. С. 3–65.
9. Москвичева Г. В. Русский классицизм. М. : Просвещение, 1986. 189 с.
10. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Княжнин // Русские писатели. XVIII век : биобиблиогр. слов. / С. А. Джанумов, В. И. Коровин, С. Н. Травников и др.; сост. С. А. Джанумов. М. : Просвещение, 2002. С. 82–87.
11. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Трагедия // Русская литература XVIII века : словарь-справочник / А. В. Антюхов, К. Г. Бронников, О. М. Буранок и др.; под ред. В. И. Федорова. М. : МГПУ, 1997. 258 с.
12. Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод. 1950. 404 с.
13. Ранчин А. М. «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина как антиреспубликанская трагедия // Текст и традиция. 2020. Т. 8. С. 35–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44520332> (дата обращения: 18.02.2025).
14. Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1981. 168 с.
15. Стенник Ю. В., Кочеткова Н. Д. Литературно-общественное движение 1780–1790-х годов // История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 673–706.
16. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. Л–Ояловеть / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. Стб. 115. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 18.02.2025).
17. Фомин В. В. Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М. : Русская панорама, 2005. 488 с.

Dramatic interpretations of the legend of the establishment of Rurik's power in Novgorod in the plays of Ya. B. Knyazhnin and Catherine II

Batina Daria Vladimirovna

postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Faculty of Philology and Media Communications, Vyatka State University, Russia, Kirov.
ORCID: 0009-0000-7262-9981. E-mail: batina.darya2014@yandex.ru

Abstract. The article refers to the currently topical issues of understanding Russian history and the problem of the importance of state power in the formation and development of Russia. The author of the article analyzes the dramatic interpretation of the ancient Russian legend about the establishment of Rurik's power in Novgorod in the play by Catherine II "From the Life of Rurik" and in the tragedy of Ya. B. Knyazhnin "Vadim Novgorodsky". The purpose of the study is to analyze the approaches presented in the plays to the problem of power through reference to chronicle plots and characters. The author proves that Catherine II and Ya. B. Knyazhnin do not seek to reproduce the exact historical events of the 9th century and interprets the legend of the vocation of the Varangians in his plays in different ways. The Empress presents Vadim as an ambitious man who admitted his mistakes and submitted to Rurik. In such a way she expresses her view at Russian national character, emphasizing that one of the main qualities of the Russian people is obedience to their superiors. Ya. B. Knyazhnin focused on the episode of the uprising of Vadim and other Novgorodians against the rule of Rurik. He put arguments about autocracy into the mouths of the characters and presented various political views. In the tragedy of Ya. B. Knyazhnin, there are both ideas that support a just, one-power government, and ideas that deny the power of an autocrat who deprives the people of freedom. For each of the playwrights, the Old Russian plot is a means of conveying different political views. The results of the research can be used in fur-

ther study of the interpretations of ancient Russian traditions in literature and historical science, as well as in the practice of teaching the history of Russian literature of the XVIII century.

Keywords: Russian drama of the XVIII century, historical play, classical tragedy, Varangian question.

References

1. *Voprosy i otvety s priobshheniem predisloviya* [Questions and answers with a preface] // *Sobesednik lyubitelej rossijskago slova : sodержashhij raznyya sochineniya v stihh i v proze nekotoryh rossijskih pisatelej* [A companion for Russian word lovers : containing various works in verse and prose by some Russian writers]. Part. 3. SPb. Affiliated with the Imperial Academy of Sciences, 1783. Pp. 160–166. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000026939/.
2. *Gukovskij G. A. Russkaya literatura XVIII veka : uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij* [Russian literature of the XVIII century: a textbook for higher educational institutions]. M. State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, 1939. 526 p.
3. *Ekaterina II. Istoricheskoe predstavlenie, iz zhizni Ryurika. Podrazhanie Shakespeiru, bez sohraneniya teatralnyh obyknovennyh pravil* [Historical representation, from Rurik's life. Imitation of Shakespeare, without preserving theatrical ordinary rules] // *Polnoe sobranie sochinenij russkikh avtorov. Sochineniya imperatritsy Ekateriny. Vol. 1. Dramaticheskie sochineniya* [Complete works of Russian authors. The Writings of Empress Catherine. Vol. 1. Dramatic writings] SPb. Imperatorskaya Akademiya nauk, 1849. Pp. 299–337. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1331193/.
4. *Knyazhnin Ya. B. Vadim Novgorodskij* [Vadim Novgorodsky] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. L. Sovetskij pisatel (Soviet writer), 1961. Pp. 249–304.
5. *Kulakova L. I. Zhizn' i tvorchestvo Ya. B. Knyazhnina. Vstupitel'naya statya* [The life and work of Ya. B. Knyazhnin. Introductory article] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. L. Sovetskij pisatel (Soviet writer), 1961. Pp. 5–57.
6. *Kulakova L. I. Kommentarii: Knyazhnin. Vadim Novgorodskij* [Comments: Knyazhnin. Vadim Novgorodsky] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. L. Sovetskij pisatel (Soviet writer), 1961. Pp. 729–737.
7. *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopisyu* [The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle] // *Polnoe sobranie russkikh letopisej* – The Complete Collection of Russian Chronicles. SPb. Edition of the Archeographic Commission, 1862. Vol. 9. 256 p.
8. *Makogonenko G. P. Iz istorii formirovaniya istorizma v russkoj literature* [From the history of the formation of historicism in Russian literature] // *Problemy istorizma v russkoj literature. Konets XVIII – nachalo XIX v.* – Problems of historicism in Russian literature. The end of the XVIII – beginning of the XIX century. Collection 13 : XVIII century. L., 1981. Pp. 3–65.
9. *Moskvicheva G. V. Russkij klassicizm* [Russian classicism]. M. Prosveshhenie (Education), 1986. 189 p.
10. *Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. Knyazhnin* [Knyazhnin] // *Russkie pisateli. XVIII vek : biobibliogr. slov.* [Russian writers. XVIII century : biobibliographical dictionary] / S. A. Dzhanumov, V. I. Korovin, S. N. Travnikov et al.; comp. S. A. Dzhanumov. M. Prosveshhenie (Education), 2002. Pp. 82–87.
11. *Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. Tragediya* [Tragedy] // *Russkaya literatura XVIII veka : slovar'-spravochnik* [Russian literature of the XVIII century : dictionary] / A. V. Antyukhov, K. G. Bronnikov, O. M. Buranok et al.; ed. V. I. Fedorova. M. Moscow State Pedagogical University, 1997. 258 p.
12. *Povest' vremennyh let* [Primary Chronicle] / prep. D. S. Lihachev; transl. D. S. Lixachev and B. A. Romanov; ed. corr. memb. of the USSR Academy of Sciences V. P. Adrianova-Peretcz. M., L. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. Part 1: Text and translation. 1950. 404 p.
13. *Ranchin A. M. "Vadim Novgorodskij" Ya. B. Knyazhnina kak antirespublikanskaya tragediya* [Vadim Novgorodsky by Ya. B. Knyazhnin as an anti-Republican tragedy] // *Tekst i tradiciya* – Text and Tradition. 2020. Vol. 8. Pp. 35–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44520332>.
14. *Stennik Yu. V. Zhanr tragedii v russkoj literature. Epoha klassicizma* [Genre of tragedy in Russian literature. The epoch of classicism]. L. Nauka. Leningradskoe otdelenie (Science. Leningrad branch), 1981. 168 p.
15. *Stennik Yu. V., Kochetkova N. D. Literaturno-obshchestvennoe dvizhenie 1780–1790-x godov* [Literary and social movement of the 1780s–1790s] // *Istoriya russkoj literatury : v 4 t.* [History of Russian literature : in 4 vols.] / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Vol.1. Ancient Russian literature. Literature of the XVIII century. L. Nauka. Leningradskoe otdelenie (Science. Leningrad branch), 1980. Pp. 673–706.
16. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : v 4 t. 2 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language : in 4 vols. Vol. 2] / und. gen. ed. B. M. Volin, D. N. Ushakov; comp. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskij, D. N. Ushakov; ed. D. N. Ushakov. Column 115. M. State Publishing House of foreign Languages and the national words, 1938. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.
17. *Fomin V. V. Varyagi i varyazhskaya Rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu* [Varangians and Varangian Rus: On the results of the discussion on the Varangian question]. M. Russian Panorama, 2005. 488 p.

Поступила в редакцию: 05.03.2025

Принята к публикации: 28.05.2025

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (39) (2025)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 15.10.2025 г.
Дата выхода в свет 06.11.2025 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,28. Тираж 100 экз. Заказ № 265.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36